Сергей Панизник

Освейская трагедия 1943

Документальная повесть

Минск
«Издательский дом «Звязда»
2013

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Беи=Рус)-44 П16

В книге использованы фотоснимки С. С. Панизника и из личных архивов героев повести

Панизник, С. С.

Освейская трагедия. 1943: докум. повесть / Сергей Панизник. — Минск: Издательский дом «Звязда», 2013. — 272 с.

ISBN 978-985-7059-34-8.

«Всю правду о войне знает только народ». Эти слова К. Симонова послужили автору своеобразным заданием к многолетнему поиску горьких крупиц Памяти. Путь Сострадания, Милосердия, Доброты идет в книге через адские круги Саласпилса, Майданека — к радостным встречам с матерями Латвии, спасшими сотни освейских детей, от речки Свольны — к блокам Равенсбрюка, от проспекта Строителей в Витебске — к небоскребам Нью-Йорка, где очутилась спасенная, переименованная и возвращенная матери через 47 лет Аллочка — миссис Вильям-Галина Лоулор.

УДК 821.161.1(476)-31

ББК 84(4Беи=Рус)-44
ISBN 978-985-7059-34-8

К ЧИТАТЕЛЮ

70 лет назад, а точнее, 16 февраля 1943 года, фашистские оккупанты согнали в костел жителей Росицы и окрестных деревень. Продержав их там несколько дней, вывели на окраину и заживо сожгли в большом сарае. В тот день погибли более 700 человек.

С росицкой трагедии началась трагедия всей освейской земли — одна из самых ужасных на территории Беларуси. Карательная операция, которую организовали гитлеровские захватчики, по жестокости превзошла все ранее проведенные ими акции по уничтожению мирного населения. В результате блокады (а она длилась почти полтора месяца) только в бывшем Освейском районе сожжены все 158 населенных пунктов, часть из них уничтожена вместе с людьми. Из 21 тысячи на пепелища возвратились только шесть с половиной тысяч жителей. Теперь на Освейщине ни одного из них нет в живых.

Писатель Сергей Панизник теме сожженных деревень посвятил не только книгу «Освейская трагедия». Впервые изданная в 1992 году, она и в настоящее время не теряет своей актуальности и политико-воспитательного значения. О фашистских злодеяниях, жертвах и узниках Саласпилского лагеря смерти (Латвия), их судьбах он ярко и правдиво рассказал в документальных повестях «Бранiслава», «Дети войны», «После огненных деревень...». Его хроники характеризуют историческая достоверность, искренность, исповедальность. С. Панизник упорно, по крупицам, продолжает поиск материалов о февральско-мартовских событиях 1943-го, переписывается и встречается с их свидетелями, которых война застала детьми. Эти материалы, несомненно, лягут в основу его будущих книг.

О войне написано много во всех жанрах литературы, разумеется, с различной степенью мастерства, талантливости. Но для нас дороже всего в этих книгах не мастерство изложения, не красочность слога, но — правда. За тысячелетия земной истории о войне на всех языках мира написано много неправды, красивых сказок и прямой лжи. Говорить неправду о войне не только безнравственно, но и преступно — как по отношению к миллионам ее жерт, так и по отношению к будущему.

Василь БЫКОВ

НЕУГАСАЮЩИЕ СЕРДЦА

Если посмотреть на закат, то можно увидеть: они соединяются только солнцем, эти мои два берега Двины. Один из них представляет собой границу Миорского района, второй — Верхнедвинского. Я родился весной 1942 года на западном берегу. И моею планидой стали не радостные созвездия зодиака, а горячие ночные отблески пожарищ. Да, на мое рождение смотрело небо Освейщины. И давно ждало, чтобы позвать к себе.

Мне повезло, что ярые каратели просто не успели испепелить мое родное жилище. И если живу, так живу действительно в долг, живу вместо тысяч уничтоженных сверстников. Смерч огненных деревень Задвинья оставил метины на моей судьбе. Когда пришел срок, я просто не мог не выяснить, а что там было — сразу за моим рождением, что было после него — через год, десять, тридцать...

На тридцать пятом году жизни я получил первое письмо-воспоминание с восточного берега, ставшее отправной вехой моего поиска. В 1977 году я перешел Двину, словно перешел Рубикон, чтобы принять на себя хотя бы часть огненной боли освейцев, впитать слова хотя бы части страданий, которые навсегда остались с ними. Сопротивление их духа с годами перешло в их память. А годы немилосердны. Необходимо было сохранить эту память.

Вот они, два берега Двины. А между берегами — воображаемая нами движущаяся кинолента. На ней запечатлены, как в памяти народной, отблески огненных

облаков Освейщины, судьбы тысяч людей. Этот волнофильм под названием «Освейская трагедия» уже включен. На экране оживает превращенная в безжизненную пустыню земля. Неуничтожима и человеческая душа! Оживают голоса освейцев, видятся вдохновенные лица...

Мы видим памятники на месте бывших деревень, сожженных карателями. Это Освейщина. Алексей Толстой, выступая в газете «Правда» в 1943 году, всё, что здесь произошло, назвал Освейской трагедией. Только в одном районе уничтожено 183 деревни, сожжено и расстреляно 11 383 человека. 14 175 жителей фашисты вывезли в рабство. Кто знает, полон ли этот список жертв. Путь живых был таков: Саласпилс, Майданек, Освенцим, Дахаў, Маутхаузен, Равенсбрюк...

Общий счет потерь по всем районам Беларуси достигает астрономической величины. Писатель Кастусь Тарасов подсчитал, что если бы все жертвы встали в одну шеренгу, она растянулась бы на 1100 километров. Пришлось бы идти месяц вдоль смотрящих на нас людей, чтобы каждому хоть на мгновение заглянуть в глаза, принять хотя бы частицу боли, памяти. Не стало каждого четвертого (?) в республике. На Витебщине — каждого третьего; здесь каждый второй мужчина не вернулся домой. На Освейщине 120 деревень так и остались невосстановленными.

Некому было.

Пустыня.

Где чудом оставшиеся в живых люди?

О, как обжигают сердца угольки огненных деревень Освейщины...

Из того месяца пути, из тех 1100 километров книга выбирает только освейскую шеренгу. Вы увидите мать в двух ипостасях — родную и приемную. Ребенка увидите возвращенного, найденного, отобранного, проданного на детских базарах, усыновленного, отлученного от матери, отученного от родного языка, увезенного, украденного (детьми отступающие фашисты прикрывали палубы кораблей, чтобы судна не бомбили советские летчики). Это книга-поиск. По сегодняшний день десятки бывших малолетних узников Саласпилса живут у своих приемных родителей, не зная родного имени. Николай Клементьев из Риги (благодаря архивам удалось вернуть ему родную фамилию — Касенец) сегодня ищет и не может найти родню. Миссис Вильям Лоулор живет в Нью-Йорке. А ведь это — Аллочка, и ее родная мама — Анна Ивановна Деменщёнок живет в Витебске и долгие годы искала дочку. Верю, что на многих континентах живут освейцы, просят небо и богов: «Назовите мое имя!» Освейская трагедия живет в каждой их кровинке, в каждом нерве. «Приехала, а мне представилось былое: вокруг карники, отец роет для всех нас могилу... Когда очнулась — убежала с того места. До сих пор не могу возвратиться...»

Народная память взывает к милосердию, доброте, участию, ласке, готовности к самопожертвованию, называет стойкость и крепость души тем камнем преткновения, о который споткнулось

всепожирающее шествие человеконенавистнического фашизма.

На каждой рижской улице живут одна-две белорусские семьи из числа спасенных узников Саласпилса. В поселке Рембате (около Огре) многие из них, там спасенных, приняли быт и культуру приемных родителей... Это примеры интернационализма — без фальши, без подлога, мишуры. Важная задача книги — реабилитация детей войны, над которыми долгое время висела тень навета: был в концлагере, работал у фашистов. Клеймо подозрительности и недоверия очень мучит страдальцев. Долги должны быть возвращены...

Сегодня каждый день в мире рождается около 365 тысяч детей. Пусть это число станет своеобразным символом: намного больше этого количества людей было вывезено во время войны из Белоруссии на каторгу в Германию.

Эта книга — и восстановление справедливости. В БелСЭ в статьях о Майданеке или о Равенсбрюке упоминались узники «из разных стран Европы». Но только не белорусы. А. Ушакова из деревни Морозы свидетельствует: «Из нашего транспорта в Майданек численностью в 1000 человек вернулась я да еще двое мужчин...»

Народная память — это не только наш реквием, но и наш мемориал: во всех концлагерях, где страдали и гибли советские люди, пусть будут названы и жертвы Освейской трагедии. Пусть и таким образом восславится имя партизанки-Беларуси.

Цена нашей победы в последней мировой войне фантастическая и действительно неизмеримая. Только прямые потери советских людей составляют ориентировочную цифру в 26-27 миллионов человек. Косвенные — чуть меньше — 22-23 миллиона. 50 миллионов не пришедших к мирной творческой жизни душ... Качается тяжелое эхо — будто грозная перуновая колесница Ильи-пророка. До конца не подсчитанное и не взвешенное эхо утрат Освейщины. Если соорудить мемориал Освейской трагедии, из чела его должен взывать к современникам могучий зов детей к матерям, матерей к детям. И такой зов был бы символическим маяком, притягивающим к Родине всех ею рожденных, но разбросанных по всем континентам планеты Земля.

Из фото 1948 года смотрит на нас будущий художник Петя Шандер. Сколько таких талантов потеряно безвозвратно?

В Маутхаузене задушен камнями в 1944 году партизанский поэт с Витебщины (свидетельство латыша Эйжена Ревериса). Вместо него читает свои стихи Антон Буболо... Не играет больше на гармонике будущий музыкант Дима Саксон... Потери, невосполнимые утраты...

Какие вы тяжелые, скрижали Освейской трагедии —

несравненной по высоте человеческих страданий и борьбы.

Необходимо назвать всю боль, чтобы услышали люди и убедились: она — последняя.

У нас есть небывалый по своей силе документ — «Я из огненной деревни...». Писатели Алесь Адамович, Янка Брыль и Владимир Колесник показали боль людей, «что вышли из огня, из-под земли». Когда я беседовал в партизанском крае с его уцелевшими жителями, старался как можно больше узнать: а что было после огненных деревень?

Подтвердилась чудовищная тактика фашистов, которые, издеваясь над своими жертвами, часто не давали им даже такой «милости», как возможность умереть. Заканчивался эксперимент «огненная деревня», и начинался эксперимент новый — «смерть в рассрочку».

...Из хаты в хату, из села в село шел я по Освейской земле. Не одна щеколда прозвенела за спиной. Сколько раз приходилось тревожить искалеченную войной память людей, волновать человеческие сердца. Ни одна женщина, ни один мужчина, у кого интересовался их судьбой, не могли оставаться равнодушными, когда вспоминалась война. Потому что не была она для них событием давним, а была бедой вчерашней, болью сегодняшней, памятью вечной.

Ни слова здесь не прибавлено к тому, что сказано людьми, о чем свидетельствуют документы. Да и как добавить к взгляду Освеи — слезинки, к вздоху Сарьи — печали, к памяти Росицы — пепла ада, к пульсу Саласпилса — надежды? Всего было — вдосталь. Но как сказала мне в Риге белоруска Анна Федоровна Шандер, прошедшая войну со своими пятью детьми: «Матчына сэрца ніколі не гасне!» Да, материнское сердце никогда не угасает, как не угасает ни одно мгновение тех векопамятных сражающихся лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Река,
Ручей.
Крутой изгиб мостка.
Чабрец, духмяно дышащий на воле…
Возникнет слово, а за ним строка,
взмахнет крылом над вересковым полем;
и, накаляя душу и лицо,
тугой волной нахлынет вдруг волненье…
Земля людей,
росинок
и птенцов,
я вновь пойду к тебе на поклоненье.
Услышу, как зовут наперебой
меня береза, чибис и глухарка,
почувствую, что чувствует любой
согретый верой и любовью жаркой.
До небосклона песню поведу —
пусть зазвучит она в небесной сини!
И, может, чью-то унесет беду,
надежду чью-то, может быть, усилит…
Суров и скор наш беспокойный век,
и нужен острый ритм сердцебиения,
чтоб продолжались в новых поколеньях
береза,
и птенец,
и человек![1]

[1] Перевод с белорусского Александра Дракохруста.

I
«Будь мужественен, и будем стоять твердо за народ наш и за города»

О материнском самопожертвовании я уже писал в документальной книге «Браніслава», которая вышла в издательстве «Юнацтва» в 1985 году.

Перечитываю записи моих многолетних рижских встреч, вспоминаю, как «собиралась» моя многотрудная «Браніслава». В январе 1977 года получил из Бигосово письмо от моего первого корреспондента Обуховича Эдуарда Валентиновича. Книга вышла на восьмом году после начала поисков. И все это время было заполнено перепиской и встречами. Объехал Освейщину и Латвию, исходил всю Ригу…

Сюжет документальной книги был прост: все, что я узнаю от былых освейцев, я рассказываю Брониславе, молодой женщине, которая еще маленькой девочкой чудом осталась жить после того, как сожгли ее деревню, после того, как в Саласпилсе у нее выбирали кровь, после всех сиротских мытарств среди своих и чужих людей, Бронислава ищет свою родню, но вспоминать прожитое ей не дает боль памяти, обожженная душа. Она должна выбрать из всех воспоминаний свое, чтобы воскресла детская память и она смогла восстановить обугленную нить пережитых событий.

Книга разошлась не только по Белоруссии. Ее читали, вспоминая родной язык, во многих уголках Советского Союза. Как прозаическое литературное произведение книга подверглась критике, но зато она дала новую волну воспоминаний бывших освейцев.

* * *

«Все всплыло в моей памяти опять четко, ясно: все то, что было в годы войны, хотя шел мне тогда пятый год…

Прочитала отрывок и говорю: «Это же обо мне, о моей судьбе». Как только мы, дети войны, смогли выжить, уцелеть? И как дороги нам сейчас мирные дни, любимая работа!

Пусть наши дети знают о страшных войнах только по книгам.

У меня в классе 39 учеников. У них радостное детство. Мир будет — жизнь будет! А это так прекрасно!

Адамович Таиса Иосифовна,
учительница начальных классов
школы № 52 города Минска,
бывшая узница Саласпилса».

* * *

«Эта документальная повесть еще об одном из многочисленных проявлений фашистского геноцида на территории временно оккупированной Белоруссии — жестокой, бесчеловечной расправе с жителями Освейщины.

Но «Бранiслава» не повторила уже известное.

Есть в книге свидетельства высоких взлетов человеческого духа, благородных поступков тех, кто, рискуя собственной жизнью, спасал обреченных на неминуемую гибель.

Бронислава... Здесь слышится и «броня», и «оборона», и «слава». И разве не о том же повествует книга: как «бараніліся» от смерти, какой крепкой броней оказалось братство народов-соседей и какой славой покрыт великий всенародный подвиг освобождения от фашистского рабства.

Книга эта создана в соавторстве с земляками. Восемь лет отдано работе над ней. Восемь лет довелось жить с обжигающими сердце, невыдуманными и оттого такими страшными свидетельствами, которые хотелось бы поскорее предать забвению, если бы не знать, что они очень нужны сегодня во всенародной борьбе за мир на планете.

К автору уже идут новые письма-воспоминания, письма-свидетельства, письма-память. Вот почему в послесловии он написал, что не прощается с читателями, что надеется рассказать о новых встречах с людьми героической Освейщины.

Михаил Павлович Кенько.
г. Минск».

* * *

«Без слёз книгу читать, конечно, невозможно. Столько собрано воспоминаний! Эта книга должна быть напечатана на русском языке. Я познакомила с книгой кружок литераторов нашей школы, где учились мои дочери. Хотят читать ее все. 22 февраля у меня юбилейная дата. Исполняется 50 лет.

Ваша книга является для меня самым большим подарком к юбилею.

Раводина (Варона) Лина Донатовна,
бывшая узница Саласпилса.
г. Куйбышев».

* * *

«Пишет Вам Кипич Надежда Григорьевна. Большое спасибо за книгу «Бранiслава» от меня и моего брата Виталия Коледы. Наше поколение, которое детьми было в Саласпилсе, подходит к круглой дате — 50-летию. Тем более дорого, что к этому времени вышла

книга про наше трудное детство. Некоторые не дожили до этого времени, а те, которые живут, в основном больные люди: плохое питание, систематическое выкачивание крови, нервные нагрузки...

Олю Чучину, Аню и меня Вы должны помнить, мы все собирались у Оли на квартире и показывали фотографии. Так вот Вера, сестра Ани, и сама Аня умерли, не дожив до 50-летия.

г. Рига».

* * *

«В годы Великой Отечественной войны с первых дней и до окончания мне пришлось сражаться под Ленинградом, Новгородом, Псковом, в Заполярье, Карелии, Белоруссии, Польше. Я воочию видел варварство фашистов.

Описания в книге разных фактов и событий обрели ценность правдивого свидетельства о времени, о советском народе, который держал экзамен перед вечностью. Война не убила в народе дух человечности и созидания, она была Отечественной, освободительной. В книге удачно раскрывается процесс нравственного возмужания участников тех жестоких испытаний. Это хроника войны, которая огненным смерчем прокатилась по земле Белоруссии и Латвии, оставив свои нестираемые следы в памяти людей. Мне кажется, что эту повесть с огромным желанием читали бы и люди всех возрастов и не только белорусы.

Зуевский Александр, пенсионер.
г. Новосибирск».

* * *

«Я приобрел книгу «Браніслава». Она хотя и на белорусском языке, но для меня не составило труда в ней разобраться.

Такие книги помогают людям через года найти своих родных, близких, друзей, считавшихся пропавшими без вести...

Мне приходилось встречаться с бывшими узниками Саласпилса. Их рассказы невозможно слушать без слез, и это, частично, отображено в вашей книге.

Такие книги, как «Браніслава», должны издаваться на разных языках Советского Союза, так как в лагере находились люди из многих республик, областей нашей страны. Сегодняшнее поколение людей знает только из книг, что такое война, что за зверства творились на нашей земле. Не нужно никому такое уничтожение людей... Люди будут об этом помнить и детям своим наказывать, что нет ничего на свете лучше мирной жизни!

В годы войны я был подростком, знаю, что такое голод, разруха... Как выжили — неизвестно. Уверен: все довоенные люди

хорошо понимают, чем пахнет война. Но вот одного не могу всю жизнь понять: что людям делить, зачем друг друга уничтожать? Неужели нельзя жить в мире и дружбе?

Алёшин Ю. В. г. Рига».

* * *

«Вашу книгу «Бранiслава» я прочитала и до сих пор нахожусь под впечатлением. В этой книге все значительно: и великое равенство мысли, и дела, и мужественного подвига, подвига очень личного, в каждом случае индивидуального. Спасибо Вам за книгу. Благодаря ей я узнала многих людей, которые живут со мной в одном городе. О, сколько им пришлось пережить! Книга потрясает до глубины души. Страницы кажутся не просто квадратами бумаги, а теми дорогами, по которым шли Вы в поисках своих земляков. В Саласпилсе я бываю почти каждый год. Нельзя без волнения ходить по этой земле, на которой столько выстрадано, столько погибло ни в чем не повинных людей (особенно детей). Но после прочтения Вашей книги для меня Саласпилс стал более близким, что ли.

Мне было очень трудно читать Вашу книгу, так как она написана на белорусском языке. Очень хочется Вам хоть чем-то помочь, но я просто не знаю, чем. Даже не верится, что есть еще живые люди, спасенные благородными людьми.

Очень хочется знать о новых Ваших поисках. Спасибо за столь долгий и кропотливый труд. Пусть никогда не повторится то чудовищное время.

С уважением,
Нина Александровна Жданенко.
г. Рига».

* * *

«Я понимаю, что книга «Бранiслава» не окончена. Таких людей, потерявших своих родных и близких, в Белоруссии тысячи. Знаю, что поиск их не прекращается. От всей души желаю Вашей героине найти своих близких.

Кухаренок Николай Павлович.
г. Рига».

* * *

«Когда читаешь книгу, то возвращаешься в то далекое трудное детство, тяжелые дни нашей Освейщины, вспоминаются те простые мужественные люди, которые вносили свой вклад в дело Великой Победы.

Демидов Маркиян Дмитриевич,

бывший узник Саласпилса.
г. Киев».

* * *

«Книга «Браніслава» рассказывает и о моем родном клочке земли, где жили мои деды-прадеды…

Низко кланяюсь за то, что Вы прошли по выжженной огнем земле и написали о моей Освейщине: этим самым увековечили память моей родины.

Я родом из деревни Зеньки, которой больше нет. А как это страшно звучит: была — и нет. Дом, сад, наша усадьба — все еще видится мне во снах…

Книгу «Браніслава» я читал с комком в горле: нервы расшатаны до предела… Судьба, как и все наше поколение, не обошла и меня ни голодом, ни холодом, ни огнем войны.

Нашу деревню Зеньки не стали заселять… Оставшихся в живых людей присоединили к деревне Муквятица.

Коль уж я рискнула Вам написать, то хочу поделиться рассказом о судьбе моих односельчан.

Нашу деревню окружали леса. С началом войны четыре подростка (по 14-16 лет) собирали оружие в лесах и передавали партизанам. Нашелся предатель. Всех их забрало гестапо в Освею. Через несколько дней их расстреляли, заставив сначала вырыть для себя могилу. Отца одного из мальчиков — Сергея Маринского — расстреляли первым, а потом убили ребят.

Маринский оказался раненным в голову. Ночью он выбрался из ямы и ушел в лес искать партизан. После войны он рассказывал, как страшно было лежать насквозь промокшим от крови, которая истекала из тел убитых мальчишек, среди которых был и его сын. Вот фамилии этих юных жертв: Маринский Сергей Сергеевич, Зинькевич Доминик Викентьевич, Маринский Альфонс Андреевич, Барташ Станислав Иосифович. И самого Маринского Сергея уже нет в живых.

И еще одну трагедию из деревни Зеньки хочу поведать, хотя нелегко писать о моих кровных родственниках. Жила в Зеньках моя родная тетя Марачковская Серафима Иосифовна. У дочери Серафимы Иосифовны муж был на фронте, попал в плен, бежал из плена и присоединился к партизанам. Когда пошли в 1943 году карательные экспедиции, Серафима Иосифовна с дочерью Брониславой ушли в партизанскую зону. Бронислава ждала рождения ребенка. Партизаны ушли вглубь лесов, а она с мамой осталась в землянке. Подышать из землянки выходили только ночью. Однажды Серафима Иосифовна решила выглянуть из землянки на рассвете — и тут же была убита. Бронислава потеряла сознание и

память. '4 Сколько мать оставалась лежать мертвой, закрыв собой — как амбразуру — вход в землянку, не могла восстановить.

Когда у нее начались роды, помогла сама себе: перегрызла пуповину и опять потеряла сознание. Придя в себя, затянула мать в землянку, положила рядом с девочкой, которую родила, и ночью вышла из землянки, чтобы найти партизанский отряд. К счастью, ее, обессиленную, нашли партизаны, привели в сознание, сообщили мужу. Вернулись в землянку, похоронили мать. А девочка оказалась живой!

Добавлю только то, что муж Брониславы Арсений вернулся с войны невредимым, у них родились еще три дочери и сын...

Защиринская Анна Сигизмундовна.
г. Рига».

* * *

«Браніславу» прочитала сразу же и с огромным напряжением. Все тут собрано — и то, как об этом рассказано, очень затронуло меня.

Ваша книга по впечатлению — достойное продолжение и Адамовича, и Гранина. О войне нужны малейшие подробности — именно они и создают ощущение правды.

Милена Рождественская, научный сотрудник,
г. Ленинград».

* * *

«Прочитав документальную повесть «Браніслава», решила вам написать, что я тоже родом из Освейщины, из деревни Пустельники. Но, к сожалению, в книге не упоминаются сожженные деревни Пустельники, Желобовщина, Защирино... Наверное, вам не встречались люди, которые выжили в огне этих деревень. Но есть еще свидетели фашистских злодеяний! Не всех загубили, не всех замучили в концлагерях. Я просто обязана вам рассказать, как уничтожали вместе с детьми, стариками наши дома.

Недавно ездила на родину. Теперь там все сровняли. Вокруг поле. Сеют кукурузу. А у меня стоят перед глазами люди, постройки, все то, еще целое...

Мой адрес до войны — деревня Пустельники. Может быть, и дождусь, когда о моей Освее прочтут люди и сохранят память о народной беде...

Бубович Анна Иосифовна,
бывшая узница Саласпилса,
Майданека, Равенсбрюка, Освенцима.
г. Рига».

* * *

«Хотел бы поделиться давней тревогой, которая связана с послевоенным положением «огненных деревень» Освейского края. Таких жертвенных мест на земле немного! Люди, которые после всех кошмаров войны выжили и остались на этой многострадальной земле, не жаловались и не требовали для себя каких-либо льгот, привилегий. Но убежден, что они заслуживают большего внимания. Освейская трагедия недостаточно освещена и увековечена для потомков.

Разве место Освеи не в одном ряду с Лидице, Хатынью?..

Мороз Вячеслав Вячеславович,
бывший узник Саласпилса.
Латвия, г. Ливаны».

* * *

Рижанка Лапко Леонара Сигизмундовна из д. Зеньки на Освейщине, бывшая узница Саласпилса, в конце своего письма попросила:

«Хотелось бы, чтобы Ваша книга об Освее была издана на русском, потому что мы уже забыли белорусский язык…»

А уже упомянутая выше Лина Донатовна Раводина пояснила, в чем дело: «В детском приюте говорили между собой очень мало: нам не разрешали на своем языке говорить. В углу комнаты стояло ведро с водой и березовыми дубцами, которыми нас били за каждое слово, сказанное на родном языке».

* * *

«Пишет вам из деревни Мыково Верхнедвинского района Черноок Валентин Игнатьевич. Ваша книга «Браніслава» меня потрясла, потому что в ней описана вся та трагедия, которую и мне пришлось пережить: экспедиция 1943 года, концлагерь Саласпилс…

В 1934 году родился в деревне Лесниково. В феврале 1943 года, по-моему, это было 23 числа, мы собрались уезжать в лес, убегать от карателей. Но выехать мы не успели: когда вышли из дома, увидели — уже горят Бузово, Шабалы, Корзуны, Синичино. Эти деревни фашисты сожгли вместе с людьми. Нашу деревню Лесниково и соседнюю Грибовцы тоже сожгли, но людей всех погнали в Обухово. Там увидели полусожженные дома: люди — как головешки обгоревшие, некоторые сидели корчком. Все это дымилось.

Нас всех загнали в один из домов этой деревни, заколотили двери и окна, собираясь его поджечь. Вдруг в доме раздался крик. Полицай открыл дверь и на русском языке сообщил, что сжигать

нас не будут. Все крики в то же мгновение затихли.

Переночевали мы в том доме, а утром нас всех погнали в Росицу, в костел. Там были мы не первыми и не последними. На полу было набросано соломы, на месте был и туалет...

Помню, наша мать нашда в соломе кадушку с маслом: люди, что были до нас, не успели съесть. Им было не до того, также как и нам. Всех погнали в Бигосово, погрузили в вагоны и привезли в Саласпилс. Вскоре остались мы без матери: я, брат мой Виктор, 1938 года рождения, и сестра Бронислава, 1939 года рождения. Через некоторое время пришла какая-то женщина и взяла с собой сестру Брониславу. Больше о сестре своей Черноок Брониславе Игнатьевне до сих пор ничего не знаю. Мать нашла меня с братом Виктором у хозяина в Тынужах (хутор Калнкумпены). Там жил Апситис Янис Карлович.

В 1948 году мать нас увезла на родину, в деревню Лесниково. А сестру Брониславу мы так и не нашли. Возможно, героиня книги Бронислава — наша сестра, но ей тогда еще не было семи лет, и я не помню, чтобы ее укусила змея, а спросить сейчас не у кого, так как мать умерла в 1984 году. Что я помню о ней? Волосы у нее были черные, кучерявые. Над глазом или под глазом — небольшой шрамик: но этого сейчас может и не быть... Прочитав книгу, я очень разволновался и думаю: а вдруг вы пишете о моей сестричке Брониславе.

У меня есть дочь, 1959 года рождения. Я ее назвал в честь своей пропавшей сестры Брониславой».

Обо всем, что сообщил мне Черноок, я написал в Центральный государственный архив Латвии. Оттуда пришло такое письмо:

«На Ваше заявление от 23 марта 1987 года сообщаем, что сведений на Черноок Брониславу Игнатьевну, 1939 г. р., и ее братьев — Виктора, 1938 г. р., Валентина, 1934 г. р., Центральный государственный исторический архив Латв. ССР не имеет, так как документы оккупационного периода сохранились не полностью, а в имеющихся вышеупомянутые лица не указаны.

Директор *Н. Рыжов* (подпись)

Зав. отделом *В. Бернане* (подпись)».

К сожалению, нечем мне было утешить моего адресата, но когда в очередной раз работал в Риге на улице Слокас, попросил вновь показать заветные ученические тетрадочки с именами саласпилских узников. Вот и буква «Ч». Читаю: «Чернавок Виктор, 1928 г. Кастранская волость. Список из волости 8.10.43 г.»

Сотрудница архива на мой недоуменный вопрос сообщила, что я получил отрицательный ответ потому, что были разные

написания фамилии, не соответствовал и год рождения. «При малейших неточностях мы отвечаем так: «…не указаны».

Возможно, живет сегодня где-то в Латвии Бронислава с черными, немного кучерявыми волосами, у которой под глазом или над глазом еле заметный небольшой шрамик.

А Валентин Игнатьевич в Белоруссии ждет не дождется весточки от единственной сестры.

* * *

«Вы как будто угадали мои мысли. Я очень хотела с Вами связаться, но не знала, как это сделать. Вашу книгу я не смогла прочесть, так как она на белорусском языке. Но все же я кое-что поняла, просмотрев ее. Судьбы людей, описанные в книге, очень похожи на мою. Я тоже родом из Верхнедвинского района. В 1943 году мы с сестрой и мамой были вывезены фашистами в Латвию, в саласпилский концлагерь. О своих родных мы почти ничего не знаем. Чудом сами остались живы. В книге Вы дважды упоминаете фамилию Замбар. Может, это наши родственники. С сестрой мы были в своих родных местах, в деревне Кревники. Там люди нам рассказывали, что мама наша погибла в Польше, в концлагере Майданек, а отца фашисты сожгли в Росице вместе с другими жителями.

Нас с сестрой волнует одно: может, через Вас мы смогли бы подробнее узнать о своих родных.

С искренним уважением.
Замбар Елизавета Юльевна».

Елизавете Юльевне на сегодня я могу ответить так. Согласно документам, Замбар Аля, пяти-шести лет, была отдана в детдом Интас, Фаня и Ольга отправлены в Майданек, Елизавета воспитывалась у Елены Пойкане, Василий (Вячеслав) рос в семье Александры Стасевич, двухлетний Николай попал в детдом в Булдури, Эдуард и Нина — в детдом Юмарас.

Кто из названных людей был в родстве с Елизаветой Юльевной — установить трудно.

Так неужели библейский стих: «Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать», — адресуется и роду Замбаров?

II
«Проклят нарушающий межи ближнего своего!»

В заголовок новой главы вынесено изречение из «записной книги» человечества — Библии. Эта строчка Святого Писания адресована каждому оккупанту... «Но есть, есть божий суд...» — писал в свое время Михаил Лермонтов. Перед этим судом равны убийцы из Бабьего Яра и Куропат, Саласпилса и Майданека... Уже в совершенно другой части Библии заметил такие строки: «Проклят гнев их, ибо жесток; и ярость их, ибо свирепа!..»

Пытаюсь объяснить причины жестокости, свирепости врага «чужого», существа пришлого. Но как понять гнев, ярость врага «внутреннего»? Читаю в одном из выпусков «Правдинских пятниц»:

«Как же могло случиться, что уже к 10 июля немецко-фашистские войска продвинулись на северо-западном направлении на 500 км, на западном — на 600 км, на юго-западном — на 350 км? Они захватили Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, значительную часть Украины. Тяжелое поражение понесли более 100 дивизий (три пятых войск, находившихся в западных пограничных округах). На оккупированной противником территории размещалось 200 складов, что составляло 52 процента окружных складов и складов наркомата обороны, находившихся в пограничных округах. Все они были либо уничтожены, либо захвачены противником».

Сталин сказал: «Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ».

А как можно было «ответить», если из обреченных им, брошенных на произвол судьбы бойцов была составлена неприятелем за первые шесть месяцев войны колонна из 3,9 миллиона пленных красноармейцев, из которых к началу 1942 года осталось в живых лишь 1,1 миллиона.

Ученые-историки пишут и о том, какой ущерб «мудрое руководство» Сталина нанесло развитию партизанского движения в тылу врага. Цитирую слова полковника Ильи Григорьевича Старинова:

«Удар по партизанскому движению, как это ни странно звучит, был нанесен задолго до начала Великой Отечественной. Совсем по-другому развивались бы события первых месяцев войны, если бы были сохранены те специально обученные, превосходно подготовленные йвооруженные кадры, которые готовились еще в конце 20-х — начале 30-х годов. В случае частичной оккупации нашей территории врагом — это относилось к Белорусскому,

Украинскому и Ленинградскому военным округам, — там сразу же в тылу неприятеля начали бы действовать партизанские формирования, обеспеченные тайными складами оружия и боеприпасов.

Так как вся тщательно продуманная и организованная система подготовки к партизанской борьбе была ликвидирована, с первых дней войны с германским фашизмом приходилось начинать все с начала. И, вместо того чтобы вводить в бой в тылу врага уже подготовленные формирования, по приказу Сталина началась бесплановая переброска на оккупированную территорию партизанских отрядов и диверсионных групп, которые были наскоро подготовлены, кое-как вооружены. Людей часто посылали без средств связи и на верную гибель: так, на Украину было переброшено около 3 500 отрядов и групп, а уцелело к июню 1942 года только 22, в Белоруссии осталось 25 отрядов из переброшенных 437».

Другой полковник, Ю. Плотников, по натуре более оптимистичен. Отмечая 40-летие Белорусской наступательной операции, он писал в «Правде»: «Вкладом в победу явилась всенародная борьба в Белоруссии против гитлеровских захватчиков, продолжавшаяся с первого дня войны до полного освобождения республики. Белоруссия по праву заслужила название партизанского края. На ее территории активно действовало 213 партизанских бригад (в их состав входило 997 отрядов) и 258 отдельных отрядов. В рядах партизан находилось свыше 373 тысяч человек. В городах и других населенных пунктах вели борьбу с врагом более 70 тысяч подпольщиков. Родина высоко оценила их героизм. Около 140 тысяч человек награждено орденами и медалями. 87 партизан и подпольщиков стали Героями Советского Союза».

Но общая бодрая статистика, пусть и точнейшая, и справедливейшая, составляется из маленьких крупиц, чаще всего окровавленных, горестных, трагически непоправимых...

Приведем строки документов народного Сопротивления...

«Из материалов радиопереписки

Романову[1]. Немедленно приказываю возглавить руководство всеми партизанскими бригадами по обороне и уничтожению немцев, наступающих в нашем районе. 9.II.1943 года. Пономаренко[2].

9.1.1943г.

Взял руководство бригадами в свои руки. Приступил к выполнению Вашего приказа. Срочно нужны патроны. Запоздалая

---

[1] Романов Александр Васильевич — командир партизанской бригады имени К. К. Рокоссовского. До 1978 г. на партийной и советской работе в Молодечненской и Минской областях.

[2] Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич — начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего.

централизация руководства, также отсутствие боеприпасов поставило бригады в исключительно тяжелое положение и угрожает разгромом. Романов.

10.11.43.

РайонозераВальковское,Селявщина,Клястицы веду бои. Противник стремится занять Клястицы. За 9-10 февраля убито, ранено до 250 немцев. Уничтожено 25 повозок, 1 танк. Наши потери убитыми, ранеными 40 человек. Отсутствие боеприпасов срывает выполнение приказа. Романов.

12.11.1943 г.

Выполняя Ваш приказ, в тяжелых боях районе Клястиц основная группировка противника 11.11. была опрокинута и отброшена за озеро Вальковское, часть — район Ущелепки — Россоны. Бригада преследуют отступающего противника. Принимаю меры заброске бригад, отрядов на территорию, очищенную от немцев, пересечению коммуникаций. По неполным данным 11 февраля уничтожено 30 подвод, 20 лошадей, 160 немцев убитыми, ранеными. Захвачены трофеи. Заняты Селявщина, Черепето, Павлово, Глоты, Ущелепки. Наши потери 19 человек убитыми, ранеными. Романов.

18.11.43 г.

Противник активизирует действия районе Освейское — Кохановичи и районе озера Язно — Краснополье. Бригадам калининским и белорусским необходима помощь боеприпасами, иначе дело может пойти плохо. Романов.

19.11.1943 г.

За 10-14 февраля комбинированными партизанскими фронтовыми действиями группировка противника разгромлена. Положение восстановлено прежнее. Противник потерял до 500 человек убитыми, ранеными... Романов.

20.11.1943 г.

Романову... Штабу партизанского движения известно ваше тяжелое положение и трудные бои, которые вы ведете с противником. Все наши меры помочь боеприпасами затрудняются отсутствием летной погоды. Самолеты не имеют возможности подняться, некоторые гибнут. Сообщаю это потому, чтобы не создавалось превратное мнение о пренебрежении или забвении нужд находящихся в тяжелых партизанских условиях. Принимаем все меры при малейшем проблеске погоды для организации выброски боеприпасов, посадки планеров в вашем расположении. Это держите в сугубом секрете. Принимайте всевозможные меры на месте, не останавливаясь перед изменением тактики, расчленением на отряды, уклонением от боя и вывода в другие места. Используйте возможности неожиданных нападений на противника в неожи-

данных для него местах, захват боеприпасов и вооружений. Где нужно, координируйте действия, избегайте больших скоплений партизан в одном месте. Сообщите подробней обстановку. Пономаренко.

23.11.1943.

Противник наступает в районе Кохановичей. Абсолютно все выдохлись боеприпасами. Чем объяснить медлительность? Садите, сбрасывайте Ровное поле. Романов.

25.11.43.

Противник уничтожает все население и деревни. Наступает по лесам числом 3000 человек. Отбиваемся артиллерией, минометами. В районе дер. Городатки, Нарубни, Выдрицкое противник наступает шириной 12 км. Нашими силами продержаться можно 2-3 дня. Калининские бригады самоустраняются, имея боеприпасы. Это грозит поочередно разбить все бригады. Ведут бои бригады Захарова, Герасимова, Романова. Уничтожено противника 500 человек. Наши потери: 6 убито, 1 ранен. Прошу сегодня ответить на мою радиограмму от 23.II. по рации Романова. Можайский[1].

6.III.43.

У нас погода стоит хорошая. Отряды с трудом обороняются. При такой задержке самолетов наша оборона может лопнуть. Отсутствие патронов, не можем засылать отряды в тыл противника. Отряды наводняются ранеными, притоком беженцев, вспыхнула эпидемия тифа, теряется маневренность. Романов.

12.III.43.

10 марта восемь самолетов бомбили наш район с 10 до 18 часов. О боевых действиях донесу отдельно. Противник занял Моторино, Миловиды. Романов.

17.III.43.

Бельченко. 15 марта отряд Сенько дороге Лисно — Освея разбил обоз противника. Убито 40, ранено 20, захвачено 2 пленных, документы, письма, 6 винтовок, один автомат, один бинокль, один пистолет, 3 повозки, 1300 патронов, шинели, сапоги, другое имущество. Уничтожено 16 км телефонной связи. Романов.

22.III.43.

Бельченко. 20, 21 марта огневым налетом на Мельницу, Доброплесы разбито 10 повозок, 2 дома, до 25 убитыми, ранеными. 21, 22 марта противник сжег все деревни по рубежу реки Свольна и отступает на Кохановичи, Освею. Дважды три самолета бомбили штаб бригады и расположение двух отрядов Преследую противника. Романов.

---

[1] В. И. Можайский — уполномоченный Витебского обкома партии.

24.III.43.

Объединенными силами моей бригады, Захарова, Герасимова, Охотина, Романова П., Хоменко противник был остановлен на рубеже реки Сволька и 21 марта, преследуемый нашими отрядами, под прикрытием авиации, начал отходить на запад. Ранее в операции принимали участие также бригады Гаврилова, Бойдина, Лисовского, Карнаушенко. Противник бросал против нас по 10-15 бомбардировщиков одновременно, бомбя наши районы обороны и дислокации течение шести — восьми часов беспрерывно. От Сарьи до Свольны противник сжег все деревни, уничтожил все население. Романов».

* * *

Мне не пришлось увидеться с партизанским командиром Романовым, но с его свидетельством, поясняющим хронику трагедии, все же познакомился в архиве Верхнедвинского райкома партии. И хотя несколько страничек, переданных райкому Романовым, и озаглавлены «К боям с карательными экспедициями», там больше внимания отдано боям, а не трагедии безоружного населения. До осмысливания народной трагедии мы дорастали долго. И этот процесс узнавания беды идет по сей день. Вчитаемся же в строки свидетеля:

«В январе 1943 года гитлеровское командование предприняло карательную экспедицию против партизанского края в западных районах Калининской области, а так же партизан Россонского, Освейского, Дриссенского районов Белоруссии. В экспедиции участвовало свыше 12 тысяч солдат и офицеров противника в составе 601-го полка 201-й охранной дивизии, 481-го гренадерского и 409-го горно-егерского полков, батальона 8-й пехотной дивизии и части сил из гарнизонов Себеж, Идрица, Пустошка, Новохованск, имевшие на вооружении артиллерию, танки и авиацию.

На территории Россонского района боевые действия начались 27.I.1943 года. Фашисты ставили своей задачей очистить от партизан район Невель — Полоцк — Бигосово, восстановить дороги Невель — Клястицы — Дрисса, Себеж — Полоцк и железную дорогу Полоцк — Идрица.

В боях против гитлеровских захватчиков участвовало 10 партизанских бригад и несколько отдельных отрядов, в том числе бригады Охотина, Герасимова, Романова, Захарова, Прудникова, Талаквадзе, латышский отряд (командир Самсон), а севернее Россонского района действовали партизаны Калининской области.

Для успешной борьбы с карательной экспедицией все бригады и отряды партизанского края по указанию Центрального штаба партизанского движения были объединены командованием брига-

ды имени К. К. Рокоссовского.

В тяжелых оборонительных боях под Юховичами, Клястицами, Долгим Бором и Павловом совместными ударами противник был остановлен, перехвачены его коммуникации, и под прикрытием артиллерии партизаны бригады имени К. К. Рокоссовского и латышского отряда Самсона перешли в контрнаступление. Фашисты были опрокинуты и под ударами отрядов преследования Дриссенской, имени Сталина и имени Рокоссовского бригад вынуждены отступить в гарнизоны, понеся большие потери. К 15 февраля район был очищен от врага.

15 февраля 1943 года фашисты предприняли вторую карательную экспедицию силами до 20 тысяч в составе 10-12 батальонов, поддерживаемых авиацией. Противник повел наступление с рубежа Шкяуне — Сарья — Дрисса. В результате трехнедельных боев с бригадами имени К. К. Рокоссовского, Дриссенской и Освейской противник достиг рубежа Задежье — Морачково — Моторино — Миловиды. По указанию Центрального штаба партизанского движения было создано объединенное командование в составе командира бригады Романова А. В., уполномоченного ЦК КПБ и Белорусского штаба партизанского движения Бардадына А. Ф. и уполномоченного Калининского штаба партизанского движения Штрахова А. И. В нем участвовал так же уполномоченный Витебского обкома партии Можайский В. И.

На рубеже реки Свольны объединенными силами партизан противник был задержан и после упорных 10-дневных боев, 21 марта вынужден был отступить, понеся большие потери.

Большую роль в срыве планов обеих карательных экспедиций, охваченных единым замыслом, сыграли активные действия бригад П. Романова, Р. А. Охотина, Г. П. Герасимова, И. М. Гаврилова, И. К. Захарова и отрядов В. Самсона и «Бесстрашный». Территория партизанского края оставалась в прежних границах. Так в совместной борьбе против общего врага еще более укреплялась братская дружба русского, белорусского и латышского народов.

Свидетельствую:

А. Романов».

Послушаем рассказы о тех трагических событиях простых людей Освейщины...

г. п. Освея. **Литвинова Нина Михайловна**:

— 26 июня 1941 года Освею бомбили. Много погибло в тот день людей, много сгорело строений.

Через несколько дней нас, женщин и девушек, погнали копать противотанковые рвы и траншеи. Обливаясь потом, мы

делали все, надеясь на то, что сумеем задержать врага. Враг не заставил себя ждать. Было много окруженцев: как ни старались они прорваться на Великие Луки, им не удалось, и уже в конце июля бывшие командиры и бойцы вернулись в Освею. Сначала скрывались, а в августе 1941 года стали создавать подпольную партийно-комсомольскую организацию. Ее возглавил В. В. Симацкий, а заместителем стал мой муж Литвинов А. И.

Мне, как связной, приходилось часто бывать в Прошках, где секретарем комсомольской организации был мой двоюродный брат Лукашонок В. И. Ходила в деревню Барково, где возглавлял подпольную группу Медюто Кирилл. В Сенькове подпольную работу вел Марачковский Игнатий, в Малашкове — Белобородов М. Я. и Подолинский В. Д. В этих группах собирали для партизан продукты и одежду, оружие. Прошковцы, например, обнаружили в лесу целое орудие: оно стало партизанским.

В апреле 1942 года к нам прибыл Иван Кузьмич Захаров: его послали из-за фронта организовывать партизанское движение. Начали готовиться к жизни в лесу. В Освее немцы заставили собрать колхозный хлеб, который находился на складе. Поначалу наши мужчины ставили посты, чтобы сохранить хлеб. В июне подогнали подводы и вывезли хлеб в лес для партизан. В это время и ушли в партизаны мой муж Литвинов, Симацкий, Плиско, Геродник и много других. Я ушла в партизаны 2 августа 1942 года. За короткое время было организовано пять отрядов по двести пятьдесят — триста человек. Получилась целая бригада.

Помню, как привезли оружие и табак для партизан из-за фронта, а после этого прилетел самолет и сбросил нам радистов. Тогда-то наши отряды смогли держать связь с Большой землей. На самолетах доставляли автоматы, тол, другое оружие, а от нас вывозили раненых и детей-сирот.

Очень много вреда нанесла наша бригада немецким захватчикам. Эшелон за эшелоном летели под откос, делали налеты на гарнизоны в Латвии: разбивали их, захватывали оружие и продукты...

Немцы были так обозлены на партизан, что каждую зиму по нескольку раз проводили экспедиции. Дрались партизаны отчаянно, но силы были неравные: нам приходилось маневрировать, отходить.

В 1943 году фашисты снова пошли со всех сторон на партизан. Наша бригада решила перейти через линию фронта. Вот в это время очень пострадало наше население: из двадцати девяти тысяч человек в живых осталось только девять тысяч. Людей загоняли в сараи, сжигали по пятьсот-шестьсот человек сразу. Каратели не останавливались ни перед чем: старики, дети у них шли за

партизан. Потом оккупанты хвастались, что партизаны полностью уничтожены в районе поселка Освея. Да, партизаны ушли за линию фронта, хотя многие не успели: где-то на реке Нище погиб и мой муж, комиссар отряда имени Фрунзе Антон Игнатович.

Я не смогла перейти линию фронта, вернулась. Нашла знакомых четырнадцать партизан, которые тоже не смогли перейти линию фронта. Мы забрались в болота около урочища Ровное Поле (Россонский район) и пробыли там четверо суток. Нас стали обстреливать из пушек: не было места, куда бы не попали снаряды... И мы под покровом ночи вынуждены были уйти с того болота. Ходили голодными четырнадцать суток: питались только снегом. Кое-как мы смогли выйти на нашу базу, где когда-то стоял отряд имени М. В. Фрунзе.

В начале 1944 года часть нашей бригады вернулась из-за фронта. Командиром бригады был назначен Кузьмин Михаил Николаевич. Воевали до освобождения нашего района.

25 июля 1944 года мы вернулись в Освею. Мы были рады возвращению. Хотя радоваться особо было нечему: ни одной постройки не было, только высоченный быльник рос по бывшим огородам. Не было где жить — из всех строений каким-то чудом остались стены детяслей. Там и разместили все районные организации.

В Освее черной копотью смотрели на людей кирпичные коробки домов, где до войны размещалась милиция, средняя школа, больница...

С женой командира Симацкого, который также погиб, решили жить вместе. Нашли четыре палки и сделали шалаш, который накрыли камышом. Но это «строение» спасало нас до первого дождика...

г. Елгава. **Левченко-Зинкевич Людмила Ивановна**:

— Мы с братом тоже из Освеи. Навсегда остался в моей памяти тот ужас, который нам пришлось пережить. Для нашей семьи трагедия началась с 1937 года, когда моего папу забрали как «врага народа». И по сей день мы не знаем, в чем он был виновен. Мама получила от него маленькую записку, где он сообщал, что его оклеветал сосед. По сей день испытываю боль и стыд за тех людей, которые к нам относились как к семье «врага народа». Наверное, потому до сих пор я ни разу не побывала на своей родине — в Освее. Каждый год собираюсь, и все не получается. Спасибо Вам, что Вы о нас помните, это для нас большая моральная поддержка. Ведь до недавнего времени о нас, детях, бывших узниках фашистских концлагерей, молчали, как будто нас и не было. Как

будто мы остались навсегда там.

С нами все эти годы был только груз воспоминаний о тех ужасах, которые нам пришлось пережить. Конечно, с нами этот груз делили наши близкие, которым посчастливилось выжить. Но все равно казалось несправедливостью, что в обществе не каждый желает знать, как же сегодня живем мы, бывшие маленькие узники, оставшиеся в живых. Ведь война калечит души даже взрослых людей, а что сказать о неокрепших детях? Как выжить после того, как на твоих глазах погибает мама, братик или сестренка? После того, как ты изо дня в день не имеешь даже корочки хлеба, а есть так хочется? После того, как у тебя выкачивают кровь для раненых фашистских солдат? Мне хочется, чтобы люди помнили, что мы все, живущие сегодня, в долгу перед теми, кто навсегда остался за той страшной колючей проволокой.

...Итак — война. Бомбили Освею. В то время мы находились в маленькой деревеньке. Прожили мы там, наверное, неделю, а затем вернулись домой, в свой домик, где мучились до 1943 года. Жили очень голодно. Не было соли. Перебивались кое-как. Но все мы были вместе. Первые жертвы оккупации: привезли маминого брата, всего исколотого штыками. Так я впервые встретилась со смертью и злодеяниями фашистов. Зима 1943 года выдалась очень суровой: мы жутко мерзли, не было дров. Многие из наших родственников стали помогать партизанам. Дядя Андрей Ясюкевич был за это повешен. Славик Злотко партизанил. Поэтому его маму зверски пытали. Однажды во время пыток она скончалась. Чапкевич Мария и Егор партизанили.

По вечерам видно было, как пылают деревеньки: зарево от пожарищ освещало небо. Все жили в ожидании скорой смерти. Те люди, кому удавалось спастись, рассказывали о страшных зверствах.

Наконец настал и наш час. В то ужасное утро прилетели самолеты, обстреляли наш городок. Мама кое-как собрала нас, и мы побежали в лес. Началась паника: люди не знали, куда бежать, где спастись. Далеко мы уйти не смогли: Освею уже окружили эсэсовцы и их пособники айзсарги[1]. Помню, как мы попадали в сугроб возле какого-то дома на окраине в надежде, что нас не заметят, но тут раздалась очередь из автомата, и фашист скомандовал встать. Подниматься боялись, и тогда моя мамочка обняла нас и заставила поднять руки. Маму толкнули, нас погнали к центру. Отовсюду раздавались пулеметные очереди, крики людей. Когда мы подошли к нашему домику, то я увидела, как выносят наши вещи и выгоняют нашу корову. Повсюду шел гра-

[1] Айзсарги — военизированная организация в Латвии.

беж. Когда подогнали к центру, там уже были и другие, такие же несчастные люди. Все плакали. Нас окружили плотным кольцом. Затем какой-то мужчина сказал, что, если раздастся хоть один выстрел, мы все будем уничтожены. Так мы простояли довольно долго. Затем нас стали загонять в церковь, которая была открыта во время войны (до этого там было какое-то госучреждение). Все мы плакали и молились. Из церкви никого не выпускали. Там ждали своего последнего часа дети, женщины и старики — те, кто не успел убежать. Несколько дней никуда никого не выпускали: все нужды справляли там же. Когда, наконец, стали выгонять на улицу, то жуткая картина предстала перед нами: церковь была обложена соломой, окружена фашистами с пулеметами. Нас построила и погнали. Куда — никто не знал, но все были уверены — на расстрел. Но опять эта участь нас миновала. Пригнали нас на станцию. Помню панический страх перед паровозом с вагонами. Затем нас пересчитали, загнали в телятник, закрыли двери и повезли. Голодные, холодные, униженные, но горячо любящие друг друга люди были готовы поделиться последним.

При очередной остановке открылись двери, раздалась команда выходить и строиться. Так мы оказались в Латвии. Нас построили и погнали. По дороге был привал около какого-то дома. Рядом с домом стоял тазик с картофельными очистками, а сверху лежала черная корка хлеба, которую я успела схватить и отдать маме, чтобы она поделила. И до сих пор эта корка встает перед глазами: жгучий стыд охватывает меня от содеянного (украла).

И вот подошли к забору, обнесенному колючей проволокой. Увидела вышки с патрулями и собаками. Так мы оказались в концлагере Саласпилс. В бараке детей остригли наголо, женщин по уши. Абсолютно голых и босых погнали по холоду в другой барак. Начался так называемый карантин. Все плакали от стыда и безысходности. После карантина поместили в лазарет, где у меня выкачивали кровь для фашистских солдат. Рядом со мной лежала женщина, она тихонько уговаривала меня не плакать, иначе меня умертвят совсем. Сколько раз у меня брали кровь, я не помню, так как после этого мучительно хотелось спать.

И вот однажды ко мне подошла женщина и спросила, хочу ли увидеть свою маму. Она сказала, что завтра угоняют наших мам и поэтому она проведет меня в тот барак, где мама находится. На всю жизнь я запомнила имя этой доброй женщины: звали ее Анной. Больше я о ней ничего не помню.

Мы тихонько пробрались в барак, где находились моя мамочка и младший брат. Старшую сестру Лёлю сразу разлучили с мамой и отправили на работу: ей шел 15-й год. Всю ночь мы просидели и проплакали. Утром всех наших матерей вытолкнули из

барака. Крик стоял невероятный. Нашу мамочку вынесли, так как она потеряла сознание. Мы, детки, кто был в силах это сделать, прильнули к окну, безутешно рыдая.

Потекли страшные дни. Ходить по бараку не разрешалось. Все время мы должны были сидеть на нарах. Так как я была очень слабая после «лечения», все время лежала. Мой братик был рядом со мной. Из барака нас не выпускали. Один раз в день выдавали еду, которая состояла из кусочка хлеба-эрзаца, зеленых капустных листьев и воды. Запомнился и страшный угол в нашем бараке, где лежали маленькие детки, которые еще не ходили. Они там тихонько умирали, плакать у них уже не было сил. И еще помню злую надзирательницу, которая била детей. Однажды мой братик потерял свой хлеб, а я так рассердилась, что ударила его. Сразу же была наказана: меня поставили под метлу в туалете, а дети должны были на меня смотреть и смеяться. Так как я была очень слаба, простояла недолго. Меня отнесли и положили рядом с братиком. У меня все тело покрылось страшными струпьями. А через некоторое время увели в тот страшный лазарет и моего братика. Отчаянию моему не было предела. Мне казалось, что я не выполнила мамин наказ, не уберегла его.

Сколько я так прожила, не помню. Однажды меня и нескольких ребят из нашего барака вывел охранник, посадил на телегу и увез раздавать по хозяевам. Таким образом я попала на хутор. Когда всех ребят разобрали, меня, больную, отправили обратно в лагерь. Но один дедушка пожалел меня и взял к себе; ведь на мне не было живого места, только лицо осталось чистым. Я не могла ни сидеть, ни лежать от нестерпимой боли. Поселив меня в нежилой комнате, меня начали лечить. Когда я немного окрепла, стала пасти у них скот. В любую погоду. От зари до позднего вечера. Так я стала зарабатывать себе на хлеб.

Однажды я пригнала на дойку коров и задремала, а мне нужно было еще присматривать за мальчиками хозяев. Проснулась я от того, что молодой хозяин, он был айзсаргом, ударил меня ногой, да так, что я отлетела в сторону. Он начал меня избивать. Если бы не подоспел его отец, не знаю, осталась ли бы я жива.

Каждое утро начиналось у меня с того, что я как молитву повторяла: «Где ты, моя мамочка? Жива ли ты, когда ты меня найдешь? Возьми меня отсюда». Хозяева, кроме дедушки, говорили только по-латышски, и я ничего не понимала. Разговаривала с овцами и коровами, чтобы не забыть свой язык.

Наконец наступил долгожданный день — приход Советской Армии. Потекли томительные дни ожидания — а вдруг повезет и мамочка найдет меня: мы снова все будем вместе. Время шло. И вот уже наступил 1945 год. Нас отдали в школу: таков был приказ.

В конце февраля 1945 года я и еще одна девочка, которая жила на хуторе рядом, шли из школы. А накануне я видела свою маму во сне, будто она нашлась, но меня не берет с собой. Я так ясно ее видела, что не могла забыть лицо, и, проснувшись, все утро плакала. Валечка (так звали соседку) меня утешила, что и у нее нет матери. И — о чудо! — трудно поверить, но это так. Мы услышали голос женщины, идущей за нами. Она позвала тихонько: «Девочки!» Мы с Валечкой остановились, посмотрели и пошли дальше. А за нами шла изможденная, худенькая старая женщина, в которой я не узнала свою мамочку. Но что-то заставило меня повернуться, и в это время раздался ее истошный крик: «Людочка!» Она опустилась в снег. Я бросилась к ней. Счастью нашему не было предела, а меня охватил дикий страх, что вновь ее потеряю. Я не отпускала ее от себя ни на минутку. Мы поехали с ней в Литву к знакомой женщине, с которой она вместе была в Восточной Пруссии сначала в концлагере, а затем батрачила у хозяина на хуторе. Оставив меня у этой женщины, она поехала в Освею, но быстро вернулась. Ничего не осталось там — ни дома, ни родных... Жить было негде. Так мы и остались в Литве.

Мама рассказывала, как она отыскала брата и старшую сестру (в 1945 году в декабре моя сестра умерла от скоротечной чахотки). Не обошлось без добрых людей. В конце войны, когда освободили Восточную Пруссию, мама чудом добралась до Риги. Шла по улице и плакала: где искать? К ней подошла монахиня и спросила, почему она так убивается? Посоветовала обратиться в монастырь к настоятельнице, которая имеет списки детей. Мама так и сделала. В списках значились моя сестра и брат, а меня не было. Мама считала меня умерщвленной в лагере, так как я подвергалась «лечению», но в монастыре посоветовали походить по хуторам. Вот так мы и встретились. Обо мне она говорила: встретила оборвыша. Ведь за два года вся моя одежда совсем обветшала. И брат мой был отдан на воспитание к хозяину. Когда мама его нашла, он ее не узнал: говорил только на латышском языке.

После пережитого я росла очень болезненной. Да и сегодня вспоминать пережитое очень и очень непросто: надолго теряешь душевный покой. И самое печальное, что на склоне лет еще сильнее тревожит сердце...

г. Рига. **Лемешонок (Теплюк) Евдокия Васильевна**:

— Жила в Освее Витебской области. Семья состояла из пяти человек: мать и четверо детей (трое дочек и один сын). Я из детей была старшей — мне в 1941 году было 18 лет. Работала в ресторане судомойкой. При оккупации вынуждена была идти в Латвию

нанялась в работники к хозяину, так как нужен был хлеб — кормить семью. На границе с районом на хуторе жили Курпиньш Адам и его жена Агнеша. Вот этот Адам и взял меня в работницы. Обещал платить два пуда зерна и, конечно, кормить. От Освеи до места моей работы около двадцати километров. Немецкие оккупанты Латвию отрезали от Белоруссии. Восстановили границу, поставили охрану. Хозяевам было за семьдесят лет. Они держали пять коров, трое лошадей, много свиней, овец и кур. До января 1943 года хозяин ко мне относился терпимо, поскольку я работу знала. Была я в полной силе. Но на моей родине, в Освейском районе, народ восстал против немецких оккупантов. Уже в июле 1942 года партизаны восстановили свои порядки, образовалась советская земля. Мой хозяин Адам стал злым. Меня никуда не отпускал. Работать заставлял, а есть не давал.

В феврале 1943 года каратели напали на Освейщину, день и ночь горели деревни. Я была потрясена, но Адам всякий раз брал в руки винтовку и говорил: «Я тебя пристрелю, как бандитку. Ведь ты сочувствуешь своим бандитам...»

В марте хозяин вызвал полицая и отправил меня в местечко Дагда, в подвал. На второй день я была уже в Даугавпилсе в тюрьме. Из Даугавпилса перевезли в саласпилский концлагерь.

То, что там творили фашисты и их прислужники, невозможно описать. Ежедневно перед строем узников вешали несколько человек: так они устанавливали «порядок и дисциплину».

Через некоторое время я с группой женщин из концлагеря была отправлена на Рижское взморье убирать немецкие дачные дома. Здесь было легче: мы не видели тех ужасов, когда гибли ни в чем не повинные люди.

На взморье в детском приюте я нашла свою младшую сестренку Евгению. У нее немцы выкачивали кровь. Я чем могла подкармливала ее.

Отступая, немцы нас угнали в Германию на каторжные работы. В 1945 году я с сестренкой возвратилась на родину. Освея вся была уничтожена. От людей узнала, что маму вместе с дочерьми сожгли в крематории Освенцима. Брат погиб на фронте.

В 1946 году я была вынуждена уехать из Освеи: никто не помог с жильем сиротине...

г. Рига. **Теплюк Иосиф Игнатьевич**:

— В 1918 году отец мой от «испанки» умер. Осталось пятеро малых детей у матери на руках. К нам весной 1918 года пришли немцы. Они, видимо, отступали. Мне одно помнится, что те немцы не были такими страшными, как гитлеровцы. Они ушли и нам никакого вреда не нанесли. Помнятся и польские паны. Все они

вскоре ушли.

И вот 1941 год. Я был призван в комиссию райвоенкомата по мобилизации на фронт. Мобилизация проходила в Кохановичах. Три дня мы отправляли людей в Полоцк. Потом связь была прервана. Военком отправил нас домой. Потом из активистов был создан истребительный батальон по борьбе с десантниками. В нашем распоряжении была одна грузовая автомашина, несколько лошадей с повозками. Наш батальон просуществовал недолго. Начали продвигаться в сторону Невеля, но увы — враг нас опередил. Мы оказались в окружении. Было решено уходить небольшими группами.

Мне и еще двум товарищам удалось вернуться в Освею. Встретил жену Ольгу Григорьевну Сотникову и дочь Милю.

В ноябре 1941 года после родов жена застудила легкие. Началось воспаление. После осложнения наступила смерть. Остались дочь Миля и сын Валерий. В январе 1943 года сын тоже заболел и умер.

Тут надо сказать, что согласилась заменить Миле родную мать Борисевич Франя Петровна. В марте 1943 года я ушел в партизаны. Мы громили фашистские гарнизоны. В декабре того же года мы перешли линию фронта, и я был зачислен в действующую армию. Воевал до ноября 1945 года.

В Риге нашел свою дочь Милю у гражданки Евфалии Ивановны Думпис.

г. Полоцк. **Фролова Валентина Леоновна**:

— Перед войной наша семья жила в Освее. В марте 1941 года мой отец Наркович Леонид Игнатьевич был взят на строительство военных объектов как специалист (инженер-землеустроитель), а когда началась война, моя мама с тремя детьми через несколько дней после бомбежки Освеи и приближения фашистов выехала временно в лес (район Лисно). Но вернуться не пришлось, так как, переночевав в лесу, утром увидели горящую Освею: «временный» выезд превратился в долгие дороги войны.

В нашей семье проживала моя бабушка Реут Людвига Феликсовна. Когда был организован партизанский отряд, бабушка выполняла его поручения: переходила линию фронта, работала в отряде поваром. Когда в марте 1943 года наступала карательная экспедиция, вместе с группой партизан уходила и бабушка. Из рассказов очевидцев я узнала, что их группу навел на немцев какой-то «рыжебородый». Начался бой, отступление. Бабушку звали с собой, но она отказалась, так как не хотела оставить раненую девушку, радистку. Немцы всех их взяли, закрыли в сарай, чтобы на следующий день казнить. Бабушку и эту девушку

везли на телеге связанными, а затем повесили или расстреляли. Вместе с ними на телеге были два мальчика-подростка. Они, спрыгнув в кусты, скрылись, а затем вернулись в отряд.

Зачем я так подробно об этом написала?

Может быть, среди читателей книги встретится кто-либо из освейских партизан и сообщит мне, где произошла трагедия, чтобы я смогла съездить туда и поклониться тем, кто погиб. Благодаря бабушке я стала учительницей, ведь она так мечтала видеть меня именно учительницей. Так я выполнила завет ее жизни,

Очень прошу всех, кто что-то знает о Реут Людвиге Феликсовне, сообщить мне по адресу: 211409, г. Полоцк, ул. Юбилейная, 17, кв. 13. Фроловой Валентине Леоновне.

III
«Приняли комсомольскую клятву»

Популярный историк Дмитрий Волкогонов, анализируя сущность фашизма, писал: «Призывы, лозунги фашизма были обращены не столько к интеллекту, сколько к инстинктам, националистическим чувствам, биологическому комплексу. Культовые нормы, слепой фанатизм в исполнении целой иерархии фюреров, специально созданные ритуалы затемняли политическое сознание людей, формировали бездумных, жестоких исполнителей. Фашистские идеологи создавали обстановку психологической экзальтации, националистической истерии, политического психоза и использовали это в своих целях».

А что же оголтелому гитлеровскому фанатизму противопоставляли советские люди, и в первую очередь — молодежь? Постараюсь ответить на это снова же освейскими документами, беспристрастными свидетелями истории...

Известно, что к началу самых жестоких карательных экспедиций, то есть к весне 1943 года, на с тыке границ Латвии, России и Белоруссии партизанские бригады контролировали обширный район. Он протянулся с востока на запад почти на сто километров, а с севера на юг — более чем на восемьдесят. Белорусская бригада имени М. В. Фрунзе, возглавляемая Иваном Захаровым, Латышский партизанский спецотряд под командованием Вилиса Самсона, калининские партизаны приобрели опыт совместных действий против врага. Особенно яркой страницей в истории крепнущего боевого братства стал разгром гарнизона волостного центра Вецслободы, расположенного в 35 километрах юго-восточнее Лудзы, в ночь на 13 января 1943 года. В блестяще проведенной операции участвовало более семисот русских, латышских, белорусских и литовских партизан. Недолго пришлось ждать ответных мер...

* * *

«Из приказа высшего руководителя СС и полиции Остланда Еккельна командирам карательных отрядов.

15 февраля 1943 г.

Секретно

В рамках операции «Зимние чары»[1] командующий полицией безопасности и СД, наряду с разведкой должен провести чистку уже прочесанной области от всех бандитов и лиц, подозреваемых в бандитизме, а также сбор сельскохозяйственных и других продуктов.

Руководителей бандитов и сочувствующих им, а также лиц, могущих дать показания о силах, вооружении и намерениях бандитов, ни в коем случае не подвергать немедленной экзекуции, но срочно передавать для допроса в СД. Приказ о сожжении селений и усадеб может отдавать только офицер, от командира роты и выше. При этом следует обязательно следить за тем, чтобы из сжигаемых домов изъят был весь живой и мертвый инвентарь. Этот инвентарь можно поместить в небольшом отдалении от усадьбы, с тем чтобы его потом увезти. Это распоряжение не относится к деревням или усадьбам, которые берутся с боя, когда во избежание потерь оправдывается любое средство уничтожения врага. Бандиты и лица, подозреваемые в бандитизме, в принципе должны быть расстреляны. Все остальные лица, поскольку они трудоспособны, включая детей, которых можно использовать, силами военных частей и СД при их тесном взаимодействии должны быть отправлены в тыл.

Высший руководитель СС и полиции в Остланде и Северной России обергруппенфюрер СС и генерал полиции Еккельн».

* * *

«Распоряжение командования группы «Берта»[2] латышским шуцманским батальонам[3].

18 февраля 1943 г.

Проведение необходимых экзекуций должно быть по возможности предоставлено СД, с тем чтобы после расстрелов не оставалось никаких следов. В случаях, когда из-за отсутствия в непо-

[1] «Зимние чары» — кодовое обозначение карательной экспедиции, направленной против Себежского и Освейского партизанских районов. За время действия экспедиции с 16 февраля по 20 марта 1943 г., по данным гитлеровцев, было убито 3 904 и отправлено в концлагере 7 275 человек.

[2] Группа «Берта» — условное обозначение одного из карательных отрядов.

[3] Латышские шуцманские батальоны — карательные отряды, созданные гитлеровцами из латышских буржуазных националистов и уголовных элементов. Шуцманские батальоны использовались дня массовых расстрелов мирного населения и для борьбы с советскими партизанами. В мае 1943 года шуцманские батальоны приказом Гиммлера были переименованы в «полицейские батальоны».

средственной близости СД расстрелы необходимо производить при помощи войск, экзекуции производить в домах. Трупы следует покрывать соломой или сеном и там же сжигать.

Группа «Берта».

ДОКУМЕНТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

«Выписка из приказа № 25 по бригаде им. Я. М. Свердлова

д. Миловиды.

Февраль 1943 г.

16 февраля сего года неприятель сконцентрировал свои силы в Латвии, Дриссе и Бигосове, с помощью самолетов начал свою грабительско-разбойничью деятельность. В Дриссенском и Освейском районах по пути своего следования враг чинил зверскую расправу над мирным населением. Жителей, не успевших уйти из деревни, сгоняли в дома, сараи и сжигали, пытающихся бежать — расстреливали. В одной только д. Залещино 24 февраля 1943 г. немецкие бандиты сожгли более 100 человек женщин, детей и стариков, а в лесу у д. Кореники партизаны обнаружили более 100 человек расстрелянных, в том числе стариков и грудных детей. Скот, хлеб и вещи немецкие бандиты забирали и на подводах отправляли к себе в тыл.

16 февраля сего года наши славные партизаны вступили в бой с ненавистными немецкими бандитами. Проявляя стойкость, мужество и героизм, уничтожили сотни фашистских мерзавцев.

Наши партизанские отряды бригады им. Я. М. Свердлова первыми вступили в бой и показали, как надо драться.

За проявленные стойкость, мужество, смелость в боях под деревнями Сарья, Калюты, Фальварково, Аниськово, Колбовщина и Медведево всему личному составу отрядов им. Кутузова, Папанина и бригадной разведке объявляю благодарность.

Особо отличившихся в этих боях бойцов, командиров и политработников представить к правительственной награде.

Командир бригады
им. Я. М. Свердлова капитан Буторин.
Комиссар старший политрук Кузнецов».

Из воспоминаний Е. Громовой, бывшего заместителя секретаря Прошковской интернациональной подпольной комсомольской организации, мы узнаем: «В те суровые годы мы вместе ковали победу над общим врагом. Проживающая невдалеке от нашей белорусской деревни Прошки латышская молодежь, которой руководил Александр Гром, с нами крепко подружилась. Гром часто появлялся у нас, искусно минуя кордон, созданный айзсаргами на старой латвийской границе. В одну из встреч мы решили

объединиться в единую подпольную комсомольскую организацию. Вечером 2 мая 1942 года молодые белорусы и латыши собрались в доме Василия Лукашонка в деревне Прошки. Мы приняли комсомольскую клятву бороться с ненавистным врагом, быть до конца преданными делу партии…»

Боевая характеристика на политрука 1-го взвода 1-го отряда имени Фрунзе бригады Лукашонка Василия Ильича и показывает, как держали клятву освейцы:

«Лукашонок В. И. являлся добровольцем партизанского отряда с 23 мая 1942 года. До этого работал секретарем подпольной комсомольской организации в д. Прошки Освейского района, состоявшей из 12 человек. Ими собрано и сдано в отряд пулеметов ручных — 4, автоматов — 3, винтовок — 17, большое количество патронов и гранат. Вся комсомольская организация ушла в отряд. Таким образом, Лукашонок является одним из первых организаторов партизанского движения в Освейском районе. Лукашонок участвовал почти во всех боевых операциях отряда и в каждой из них, верный своим убеждениям, проявлял образцы мужества и героизма, заслуженно поощрялся командованием. С самого начала своей партизанской деятельности взял в руки пулемет, которым метко разил фрицев.

Отличился при разгроме немецких гарнизонов в местечках Полищино, Кохановичи, Асуна, при разгроме охраны и взрыве ж. д. мостов (на реке Свольна и Бениславского моста), за что 2 раза был представлен к правительственным наградам.

Смело действовал и при разгроме полицейских управ, магазинов и маслозавода в Освейском районе и в районах Латвии. Был в многочисленных засадах по уничтожению живой силы врага и техники, где был тяжело ранен в руку и ногу. После выздоровления вернулся в строй. Последнее время участвовал в срыве ж. д. перевозок противника: спуске 2-х эшелонов, подрыве паровоза и ж. д. полотна.

Так 5 сентября 43-го года при подходе к железной дороге группа, которой командовал Лукашонок, наскочила на немецкую засаду. Он получил 11 ран, но продолжал вести огонь, не вышел из боя. Немцы понесли большие потери: 5 убитых, 7 раненых; трофеи — 9 дисков…

9 октября 1943 года Лукашонок был направлен на Большую землю для излечения от тяжелых ран.

Командир бригады им. Фрунзе
полковник И. К. Захаров.
Комиссар бригады политрук А. И. Сергушко».

* * *

В верхнедвинском райкомовском архиве я увидел сотни документов о сопротивлении военных лет. Не за ордена и медали сражались, чаще в неравной борьбе, наши юноши и девушки. Была нужна победа. Одна на всех. За ценой не стояли. И плата была, оказывается, разная. Во всяком случае, советскому немцу Володе Вестенбергу в награду досталось только скромное надгробие… Мы это увидим из воспоминаний С. А. Высоцкого и И. А. Котова.

«Не пожалею сил и жизни»

В Прошковской подпольной комсомольской организации в начале войны было 17 комсомольцев. Часть из них ушла на фронт. Оставшихся объединил Лукашонок Василий Ильич, бывший бухгалтер. Коммунист Лукашонок Григорий Сергеевич — председатель сельсовета — был организатором сопротивления в Прошках.

Друзья дали клятву: «Я, член ВЛКСМ, вступая в подпольную комсомольскую организацию, клянусь в беспредельной преданности Родине, в том, что не пожалею сил и жизни в борьбе с фашизмом: буду выполнять все поручения организации. Если я не сдержу эту клятву, то я готов погибнуть.

Моя кличка ____ (подпись)».

В подпольную комсомольскую организацию входили: Лукашонок Василий Ильич, Вестенберг Владимир Иосифович — директор Прошковской 7-летней школы, Лукашонок Михаил Сергеевич и Лукашонок Петр Аркадьевич — учащиеся школы, Фроленок (Громова) Евгения Устиновна — ученица 9 класса, Прошко Мария Борисовна — учительница, Прошко Ефросиния Андреевна — студентка медтехникума, Фролова Антонида Сергеевна — ученица Себежской средней школы, Фроленок Герасим Яковлевич — беспартийный, заместитель председателя колхоза.

На счету прошковцев — шесть спущенных и сожженных поездов, два сбитых самолета, десятки уничтоженных танков, сотни фашистов.

Из числа партизан, впервые представленных к ордену Красной Звезды, два прошковских комсомольца — Михаил Лукашонок и Петр Смычков.

8 июня 1942 года погиб Григорий Лукашонок. А в августе 1942 года партизаны осуществили разгром немецкого гарнизона в Кохановичах. Был направлен в засаду пулеметчик Владимир Вестенберг. Немцы наседали, старались выбраться из деревни. Володю ранило в бедро и плечо. Он истекал кровью, но продолжал стрелять. Под натиском противника партизанам пришлось отходить. Раненный В. Вестенберг оказался один против всего гарнизона.

Фашисты начали его окружать, когда увидели, что в засаде один пулеметчик. У него кончились патроны. Были еще четыре гранаты и револьвер. Его ранило еще раз. Враги кричали, чтобы он сдавался. Когда подошли фашисты, он бросил последнюю гранату.

После войны в деревне Гаврилино учащимися Верхнедвинской школы поставлен в честь его памятник.

За активное участие в комсомольском подполье Лукашонок Василий Ильич, Смычков Петр Семенович, Гром Александр Михайлович еще во время войны были награждены орденами.

На работу — в Дриссенский район

(Воспоминания о Володе Вестенберге)

«Вспоминаю своих товарищей по Полоцкому педучилищу... Август 1935 года... Интернат на Замковой горе (по ул. Замковая, 7). Здесь с Володей мы стали друзьями. Он — воспитанник Быковщинского детского дома (это около Ветрино) — любил спорт. Мы вместе совершали кросс вокруг Софийского собора. Часто приходилось нам вместе штурмовать вершину вала Ивана Грозного со стороны реки Полоты.

Вот только основные даты нашего спортивного совершенствования.

1936 год. Первые выборы в Верховный Совет. Агитпробег.

1937 год. Луполово под Могилевом. Военизированный лагерь. Получили значок «Ворошиловский стрелок».

1938 год. Нам отказали в приеме в летное училище. Комсомол тогда шефствовал над авиацией. Не повезло.

1940 год. Володя уехал на работу в Дриссенский район.

Хорошо помнится время жестокой борьбы партизан Дриссенского, Россонского и Освейского районов с карательными соединениями. Во время выполнения одного из боевых заданий мне пришлось быть в бригаде Охотина, где услышал сообщение о геройской смерти Володи Вестенберга, моего давнего друга.

Котов И. А.
10 мая 1967 г.
Радунь».

Хотелось бы узнать, не заросла ли на сегодняшний день могила пулеметчика, прикрывшего собой незадачливых товарищей, покинувших в тот трагический день раненого на поле боя.

Александр Петрович Коваленко, один из исследователей подвига советских людей в Великой Отечественной войне, в журнале «Политический собеседник» писал:

«Более 30 лет я вместе с красными следопытами занимаюсь поиском. Нам удалось добиться, чтобы были установлены сотни

памятных знаков, обелисков, мемориальных досок. Именами героев названы улицы, теплоходы, пионерские отряды и дружины, школы и поселки. На Украине и в Белоруссии, Прибалтике и на Кавказских перевалах, подо Ржевом и под стенами Ленинграда, на Кубанском плацдарме остаются тысячи безымянных братских могил. В одной из них покоится 15 тысяч, в другой захоронено 25 тысяч, в третьей — 32 тысячи... И ни одной фамилии».

А кто скажет о наших жертвах, о количестве братских одиночных могил? Собеседник А. П. Коваленко главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко открывает карты: «На временно оккупированных территориях погибло свыше 10 млн человек».

Одним из этих десяти миллионов был и партизан Пылинский. Благо, что о нем на скрижалях Истории осталось несколько строчек:

«Справка

Выдана тов. Пылинской Александре Ивановне в том, что ее сын — Пылинский Сергей Леонидович — действительно погиб, будучи в партизанской бригаде им. Фрунзе, действующей в Освейском районе, в 1943 году 24 сентября, во время подрыва железной дороги в районе д. Поноры Бигосовского сельсовета Дриссенского района.

Похоронен в д. Залесье Россонского района.

Командир партизанской бригады И. К. Захаров.
Начальник штаба И. И. Родионов».

* * *

«Пылінскі...» Такую строчку по-белорусски я увидел в одном из архивных саласпилских документов. Неизвестно, был ли шестнадцатилетний Владимир Пылинский сыном Александры Ивановны. Но из партизанского края были заточены в концлагерь многие из рода Пылинских: Владимир (1873 г. р.), Анеля (1884 г. р.)...

Ну, а в Россонском районе все ли могилы павших чтут как святыни? Не осыпались ли слова клятвы вроде тех, которые я видел на одном из лозунгов: «Ро...ина вас не за...удет»?

Но чтобы не забыла Родина, необходимо, чтобы Родину не забывали ее сыновья...

Давайте мысленно поприсутствуем на беседе со школьниками педагога из Верхнедвинска Романа Филипповича Мосейчонка, который сам вдоволь хлебнул горя военного лихолетья (безвременно ушел из жизни):

«Стоят над братскими могилами воинов и партизан памятники и обелиски в Верхнедвинске и Освее, Лисно и Прошках, Бигосове и Дёрновичах. Но памятниками могут быть и слова...

Жуткую картину расправы оккупантов с мирными жителями нашего района раскрыла написанная в 1943 году листовка Совинформбюро «Освейская трагедия», в которой использован текст Алексея Толстого. Вот что я прочел в то время в документе:

«...В страшную пустыню превратился этот прекрасный уголок белорусской земли. В нем нельзя узнать прежний чудесный озерный край, щедрый и богатый. Все, что долгие годы создавали здесь освейские колхозники, погибло под тяжелым сапогом немецких палачей-оккупантов.

...На груди и спине 8-летнего малыша из д. Беляны Юхневича фашистские звери вырезали 5-конечную звезду, а затем бросили в горящий дом. Его матери они отрезали груди, а семилетней сестричке Вере ножом вспороли живот. Потом их тоже бросили в бушующее пламя.

В феврале 1943 года каратели окружили д. Ладелево Сеньковского сельсовета. Мужчин отделили и заперли в дом, а женщин и детей — в колхозный амбар, оба здания зажгли. 48 человек заживо сожжены, и только двое по счастливой случайности убежали из горящей избы. Это Зинкевич Иосиф и Пилюшин Адольф...»

Я содрогался, когда читал, что в деревне Мазалевщина загубили 114 человек. Отделили детей от взрослых и на глазах родителей сожгли их...

А у деревни Лисно погибла разведчица Лена Суравнева. Родилась в д. Павлово на Витебщине. Училась в Обольской школе. 23 мая 1944 года, возвращаясь из Себежа после выполнения боевого задания, попала в засаду. Ее долго пытали, издевались, мучили, но ничего от нее не добились палачи...

* * *

Шла в бой и гибла молодежь. Гибли и ни в чем не повинные подростки, дети... Искоренялась нация. Так было веками. Историки констатировали: погибал каждый второй, каждый третий, каждый четвертый...

А выживал?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эта песня — из-под сизого крыла —
в вересковую сторонку увела,
где пахучие поляны,
журавлиные ключи,
где просило меня эхо:
— Не кричи...
Тишину послушай леса... Помолчи...

Тут пьянит меня прохладою земля.
И живица тут сочится из комля,
где пахучие поляны
и в траве высокой — рвы,
где былинка
в каске с чьей-то головы
бьется колоколом вечным боровым.

Эта песня — из-под сизого крыла —
в вересковую сторонку привела,
где пахучие поляны
и прохлада от ключей...
С тихим бором
не таю своих речей.

Успокоилось и эхо на плече.

И держу я над собою тишину —
принесу ее и к вашему окну,
чтобы звали вас поляны,
чтоб вы знали горечь ту, —
все, что помнят обелиски на посту[1].

---

[1] Перевод с белорусского Ивана Жилина.

I
«Выжить могли четыре из сотни»

В Киеве, на Первой встрече малолетних узников фашистских концлагерей, писатель Владимир Липский попросил подняться в зале тех, кто родился на белорусской земле. Встали со своих мест две трети всех присутствующих. Я ходил по коридорам с фотографиями освейцев. Ко мне подходили бывшие узники Саласпилса, знакомились, записывали адреса. Эдуард Федорович Буткевич из Витебска показал мне письмо своей матери, которое было написано в Германии летом 1945 года и помещено в Дриссенской районной газете:

«ПРИВЕТ РОДИНЕ!

Здравствуйте, дорогие товарищи!

Это письмо я пишу уже после освобождения из фашистских когтей. Мой муж до войны работал директором Дриссенского льнозавода. В начале войны мобилизован в ряды Красной Армии. Я с двумя детьми и 60-летней матерью была после оккупации района арестована, вывезена в Латвию в город Ригу и помещена в саласпилский лагерь. Там у меня отняли детей.

Как отнимали у нас детей, описать трудно. Затем всем сделали сортировку («селекцию»): стариков оставили в Риге, а тех, кому не было пятидесяти, вывезли в Люблин, в Майданек, в лагерь смерти. Проклятые немецкие выродки мучили людей как только могли. Выстраивали нас в колонны (это называлось «аппель») и по очереди всех били резиновыми палками. За малейшую провинность давали 150 палок. Мало кто мог это вынести, но когда и переносил узник такие пытки, то позвоночник у него был поврежден. Ставили раздетых и босых на снег, привязывали к столбам и не отвязывали, пока они не умирали. Когда кто-нибудь из лагеря убегал, то всех нас выстраивали и «десятковали»: из колонны каждого десятого брали для уничтожения. И на глазах у всех вешали, убивали палками, подвешивали за руки и за ноги. Замечала, что у казненных вырезали кусками тело.

Нас принуждали бежать на определенное расстояние. Тот, кто не пробегал это расстояние, попадал в газовую камеру. В Майданеке жгли людей в печах-крематориях, в обыкновенных ямах. Круглосуточно работали заводы смерти. Тысячи людей уничтожались ежедневно. В Майданек только из Дриссенского района было привезено одновременно со мной 1250 женщин и 1200 мужчин. Осталось 150 человек. Остальные погибли в проклятом лагере смерти. С приближением фронта к Люблину тех людей, которых людоеды не успели уничтожить, в том числе и меня, отправили в Равенсбрюк. Лагерь этот был окружен водой, высокой изгородью с электрическими проводами. Методов уничто-

жения было много. Брали у заключенных последнюю кровь, выпиливали кости, срезали кожу. И все это делалось без наркоза. Блоки, где осуществлялись эти операции, назывались блоками кроликов.

Из Равенсбрюка меня перевезли в Лейпциг. А из Лейпцига в скором времени погнали дальше в тыл. Шли мы 15 дней, шагали почти без отдыха. Есть ничего не давали, спали на сырой земле. Дороги, по которым нас гнали, были усеяны трупами.

28 апреля 1945 года наша родная Красная Армия освободила нас за рекой Эльба.

Я работаю при одной из воинских частей. Но мысль моя одна — как можно быстрее вернуться на Родину, узнать о своей семье, детях. Бойцы говорят, что в Латвии освобождена часть детских лагерей. Живу надеждой, что и мои дети тоже живы.

Со мной в настоящее время работают из Дриссенского района Божена Бронислава, Вороновичи Валя и Геня, Сардыко Ольга, Козлова Анна, Варта Анна, Качан Ирина. Мы находимся недалеко от реки Эльба.

С приветом — А. К. Буткевич.
2 июня 1945 г.».

Я попросил Эдуарда Федоровича поподробнее рассказать о семейной реликвии. Через некоторое время я получаю из Витебска письмо:

«Моя мать Анна Куприяновна родилась в 1909 году в д. Косолапенки Витебской области. После окончания Лужеснянского техникума вышла замуж за своего однокурсника Буткевича Федора Степановича. По направлению оба оказались в Дриссе, где отец стал работать директором льнозавода. Там и застала нас война. Отца успели мобилизовать. Он воевал на фронте. В оккупации в первую очередь начали подвергаться репрессиям семьи коммунистов. Однажды всю нашу семью — бабушку, мать и ее двоих детей — арестовали. Так мы оказались в Саласпилсе. Бабушку расстреляли через несколько дней. Детей от мамы отобрали и отправили в другие лагеря смерти.

С нами в концлагере была соседская девочка Валя двенадцати лет. Благодаря ей мои приемные родители узнали настоящее имя, фамилию и откуда родом усыновленный. Дело в том, что Валю и других старших детей немцы брали загружать и выгружать малолеток во время перевозки их в монастырь, где происходила раздача детей жителям Риги. Меня взяли Клименко Василий Васильевич и Татьяна Даниловна, а моего брата

Леонида — Кельдер Вероника, но впоследствии отдала Кожошенко Хелене. Вале в это время удалось удрать, и она некоторое время скрывалась у Клименко. Потом Василий Васильевич помог

ей переправиться в латышский партизанский отряд, а оттуда — в белорусский отряд. Сейчас она живет в Ессентуках.

Благодаря Вале моим приемным родителям удалось после войны разыскать наших настоящих родителей. Мать вернулась из Германии в 1945 году.

Жила в Витебске. Умерла в 1983 году от инсульта».

* * *

«Война убивает всех, кто принимает в ней участие, даже тех, кто остается в живых», — отметил Жан-Поль Сартр, французский философ.

Проследим же за потерями мировых войн. В кровавой бойне Первой мировой войны погибло и умерло от ран 9,5 млн солдат и офицеров — почти столько же, сколько во всех войнах двух последних веков. В два раза больше — 20 млн — было ранено, искалечено. Почти 10 млн человек скончались в тылу от голода и болезней.

Во Второй мировой войне погибло более 50 млн. человек, в том числе 27 млн на полях сражений. По подсчетам других ученых, во второй мировой войне убито 32 млн солдат и офицеров и 25 млн мирных жителей. 29 млн человек получили ранения и увечья, около 20 млн детей стали сиротами.

Самые большие потери понес СССР: почти 27 миллионов жизней.

В Белоруссии фашисты создали более 260 лагерей смерти, сотни тюрем, гетто. Уничтожено в республике, согласно исследованиям (см. «Літаратура і мастацтва», 6.07.1990 г.), около

3млн человек.

Воскресить их может только человеческая память.

г. Рига. **Плискина Лариса Михайловна**:

— Моя мама Марачковская Василиса Прокофьевна родом из деревни Марачкова (сейчас почему-то пишут Морачково). А отец Плискин Михаил Романович — из соседней деревни.

Память сохранила такую картину. Мы бежали по лесу. Было лето или весна. Тепло было. За нами гнались каратели. Стало очень страшно. Мы выбились из сил. Мама держала нас за руки. Она все побросала, что у нее было. Самое дорогое — это одеяло — она бросила последним. И вот выбежали на поляну, заросшую вереском, залегли, спрятались. Но раздалась команда, мы все встали, каратели наставили на нас оружие.

Помню, как нас вывели в поле и поставили на колени. Каратели-латыши поставили пулемет как раз против нас. Мама сказала мне, чтобы я попросила дядю не стрелять. Я стала просить его. И еще одна девочка, Зина, стала умолять. И взрослые заплакали... У

кого-то из карателей дрогнуло сердце, и нас не расстреляли. Хотя другим жителям нашей деревни такого счастья не выпало: загнали в сарай, пустили очередь из автомата и затем подожгли. Нас же погнали в деревню Жовнино, в оборудованный в школе лагерь. Помню, как меня осматривал немецкий врач. Он тыкал мне в бок пальцем. Наверное, проверял, не гниют ли ребра, потому что у меня на левом боку была сплошная рана из фурункулов. Рана гноилась несколько месяцев.

В лагере нам ничего не давали поесть. Каждое утро выпускали детей за колючую ограду, и мы с торбочками ходили по избам. Кто чем был богат, то и давал. Не было случая, чтобы нас кто-нибудь не принял. Наши торбочки взрослые в лагере забирали и хлеб делили на всех поровну.

Перед самым наступлением наших войск все заболели тифом. Умерли бабушка, дедушка и братик. В живых остались я и мама.

С 1950 года мы живем в Риге.

д. Кончаны. **Савлук Александр Матвеевич**:

— В начале февраля 1943 года люди, попадавшие на глаза оккупантам, все истреблялись: детей живьем бросали в реку, стариков и женщин тащили в горящее пламя подожженных домов. Все, что жило и двигалось, уничтожалось.

Меня и мою семью из девяти душ каратели пригнали в местечко Росица и заперли в костеле. Там уже было около тысячи человек. Просидели мы в костеле трое суток без еды и воды. После этих мучений фашисты слабых стариков и старух расстреляли, а остальных отправили в концлагерь. В Саласпилсе детей отделили от взрослых, а трудоспособных направили на каторжные работы в Юмправу, где нас почти не кормили. Люди на каторжных работах болели, слабели. «Доходяг» фашисты расстреливали.

У меня погибло трое детей. Моя жена, Наталья Семеновна, 1901 года рождения, убиваясь причиненным фашистами горем, все время плакала и потеряла зрение: совсем ослепла. Пенсии не получала. Я, не имея здоровья, ухаживал за незрячей женой. Средств на нормальное существование у нас нет, так как потерял детей-кормильцев. Оставшиеся внук и внучка — сироты, были выгодованы и воспитаны в нашей бедной семье…

д. Задежье. **Юхневич Екатерина Степановна**:

— В марте 1943 года проходила экспедиция по борьбе с партизанами. Мы с детьми скрывались в лесу. Уже знали, чем кончаются встречи с оккупантами: отец с матерью были сожжены в Задежье этой же зимой.

14 марта 1943 года нас окружили каратели в Клястицком

лесу и доставили на станцию Дрисса. Товарными вагонами привезли в еврейское гетто в Риге. Откуда перевели в Саласпилс. 17 марта в Саласпилсе у меня отняли сына Дмитрия. После допросов перевели в трудовой лагерь в деревне Вяжище. 5 апреля 1943 года мы уже строили дорогу на Ленинград около станции Оредеж. После наступления наших войск под Ленинградом лагерное начальство разбежалось. Мы на саночках с января по март добирались до деревни Павловы Блины (ныне это в Псковской области). Во всей округе полицаи собирали беженцев, отправляли их в лагеря. Вот почему мы попросились в дом латыша Артура Пальмы, где и прожили с марта по ноябрь 1944 года. Хозяева относились к нам хорошо. Работали мы за питание. Помню такой случай: в июне 1944 года пять матерей отправились в Ригу на поиски своих детей. Через жительницу Риги, уроженку Освеи Адамовскую Ольгу, удалось установить адреса детей из Саласпилса. Оказалось, что старшие дети, крепкие и здоровые, были проданы, а маленькие и больные розданы желающим хозяевам. Но в списках живых и умерших сына не было. Я ездила по адресам детей, фамилии которых были похожи на мою, но сына найти не могла. Только по совету одной старой монашки были подняты давние списки поступивших в монастырь детей, там и нашелся адрес, куда был отдан больным мой Дмитрий в мае 1943 года. 20 июня 1944 года я забрала сына и привезла его в деревню

Павловы Блины. 12 июля были освобождены, но оставались у Артура Пальмы до ноября 1944 года, пока муж не приехал за нами. До этого времени он находился в партизанском отряде имени Орджоникидзе. Был тяжело ранен, пролежал восемь месяцев в госпитале и был отпущен после выздоровления за семьей. Нас привез в Задежье, поселил в землянке и сразу же ушел воевать на фронт. Дошел до Берлина.

Из моих родственников прошли Саласпилс мои сестра и брат, Анна и Степан Володенки. Партизанами провоевали мои братья, Петр и Дмитрий Володенки.

Скажу и о соседях. Гузик Настасья потеряла двух сыновей в Саласпилсе: Виктора, 1939 года рождения, и Анатолия, 1941 года рождения. Муж ее Гузик Иван Степанович пропал без вести во время войны.

А мы оба на пенсии. У нас выросли три сына. Старший, Дмитрий, живет в Риге, Михаил — в Новополоцке, младший, Петр, — в Ленинграде...

д. Задежье. **Гузик Олег Иванович**:

— В то время мне было восемь лет. Нас забрали около деревни Моторино под Россонами. В лесу был гражданский лагерь пар-

тизан. Каратели привезли нас в Моторино, где стариков около речки Свольна расстреляли, а остальных, детей и трудоспособных женщин, погнали на станцию Дрисса. Так мы оказались в Саласпилсе. Меня разлучили с матерью. Я остался с двумя братьями меньшими. Вместе мы пробыли мало: нас опять разлучили. Детишек постарше, которые могли пасти скот, носить дрова, воду, посадили в автомашины и повезли на станцию Сунтажи. Там было что-то вроде базара. Я попал к хозяину Ирбитс Теодору. Имя хозяйки — Элеонора. Относились они ко мне хорошо, так как своих детей не имели. Они хотели меня усыновить, переписать на свою фамилию. Про братьев своих я ничего не знаю. Мать нашла меня на хуторе по каким-то рижским спискам. Это было перед приходом наших войск. Мать осталась работать на соседнем хуторе, пока нас не освободила армия.

Хозяин предлагал нам остаться в Латвии, так как знал, что Белоруссия почти полностью разорена. Но мы с матерью собрались. Теодор и Элеонора Ирбитс дали нам корову, муки, зерна.

Первое время мы в Задежье жили в землянках Было трудно: помощи ждать не приходилось. Отец погиб на фронте...

д. Росица. **Хадюк Лидия Михайловна**:

— Это началось 16 февраля 1943 года. Горели деревни вокруг Росицы. Мы, захватив с собой детей, бежали в лес Застенки. Костров разжигать нельзя было: могли заметить немцы. От холода и голода плакали дети. На одиннадцатые сутки лес окружили гитлеровцы. Всех нас вернули в Росицу. Загнали в костел, где мы провели ночь. Назавтра нас выстроили на улице и начали сортировать. Кого направо — палить, кого налево — в концлагерь.

Спалили наших людей в сараях за озером, а часть — на этой стороне. Живых погнали в Бигосово. Погрузили в товарные вагоны, по семьдесят — восемьдесят человек везли.

В Саласпилсе мы пробыли пять недель. В одну из ночей нас подняли и приказали нести и вести к большому столу, который поставили в барак, детей. Детям на шеи вешали бирки. Там я распрощалась со своей дочерью Тамарой.

Назавтра нас погрузили в вагоны и повезли в Майданек. Там держали на карантине две недели, потом погнали на работу. Строили мы комендатуру. Носили землю и кирпич. Кто шел медленно или нёс мало, того били плеткой.

Сначала была только газовая камера: туда гнали тех, кто провинился или заболел. Потом построили крематорий.

Там я прожила год. Кормили плохо. Утром и вечером кипяток незаверенный и три картошины, в обед — тарелка супа брюквенного и сто граммов хлеба опилочного. Раз в неделю давали суп

гороховый. Все было без соли.

Однажды из лагеря убежали две девушки-украинки. Нас строго наказали. Трое суток не выпускали из лагеря, есть не давали. Утром и вечером ставили на «аппель»: стоять два часа по стойке «смирно».

Одну девушку поймали. Нас всех выстроили вокруг виселицы, а ее повесили. Заставляли всех смотреть на девушку. Того, кто отводил глаза в сторону, били.

В концлагере были свои законы: за воровство — двадцать пять плеток. Голого привязывали к скамейке и били. Что можно было своровать? Только картошину, чтобы съесть.

Однажды на поле садили мы брюкву. Недалеко стоял домик. Мы сильно замерзли и пошли погреться. За это нам дали по пятнадцать плеток. Били по голове и лицу. Видимо, поэтому у меня сейчас так часто болит голова.

Однажды мне удалось найти луковицу на поле, где мы работали. За это меня били по рукам (десять плеток дали).

Когда фронт начал двигаться на запад, нас вывезли в Равенсбрюк. Там продержали пять недель на карантине. После карантина прошли комиссию. Здоровых перевезли в Нойенбранденбург. Там под землей строили завод.

Я работала фрезеровщицей. За нами всегда следили. За брак, допущенный мной, мастер меня сильно избил скамейкой.

Браку было много.

Фронт приближался, надо было быстрее собирать самолеты, а вместо деталей к самолетам присылали часто куклы или другие детские игрушки. Кормили и здесь плохо. Издевались так: выгоняли на улицу, ставили в ряд. Мы перекидывали лопатами землю с места на место. Чтобы только без дела не стояли.

Помню: без всякого повода меня сильно избила немка. Била сначала по лицу, голове, потом повалила — била каблуками. От боли мы уже не плакали: слёз не было…

II
«…В составную часть Великой Германской империи…»

Люди гибли в сражениях на фронтах. Они гибли в своих домах от снарядов. Их расстреливали на оккупированных территориях как идеологически враждебных или расово неполноценных. Планомерно уничтожали в лагерях смерти, не жалея стариков, женщин, детей. Были сожжены вместе с жителями сотни белорусских, украинских и русских деревень.

Не поддается счету число граждан, потерявших здоровье и ставших инвалидами при эвакуации и бомбежках, от голода и эпидемий.

Миллионами человеческих жизней пришлось расплачиваться за просчеты, допущенные при подготовке к войне и организации отпора захватчикам.

И будто о великом генералиссимусе Сталине прочел я в Библии во Второй книге Царств: «А народ, бывший в нем, он вывел, и положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи». Ибо все эти нечеловеческие испытания прошли освейцы, не по своей воле ставшие временными жителями оккупированной территории под названием Остланд. Вот почему их ужасный путь пролегал в Саласпилс, ближе к «столице» имперского уполномоченного Гитлера. Предлагаю ознакомиться с документами завоевателей, которые посягали на само существование на планете белорусов.

Да и не только их.

«Инструкция Розенберга
для рейхскомиссара Прибалтики
и Белоруссии (Остланда)

8 мая 1941 г.

Целью имперского уполномоченного в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии должно являться создание германского протектората, с тем чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть Великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Видимо, небезынтересно будет узнать и об Остланде.

Для осуществления преступных планов гитлеровцев 17 июля 1941 г. был учрежден рейхскомиссариат Остланда, и Остландом стали называть определенную часть занятой немцами территории, а именно: территорию Латвийской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Барановичскую область БССР, часть Минской, Вилейской, Брестской и Пинской областей.

В течение некоторого времени к Остланду относили и другие области Белорусской ССР, частично Ленинградскую и Калининскую области РСФСР. Всего в Остланде насчитывалось более полумиллиона квадратных километров площади и почти 20 миллионов населения. В ходе войны территория Остланда резко сократилась: по официальным статистическим данным оккупантов, на 1 января 1944 г. она составляла только 234201 кв. км с населением в 8030088 человек.

Административным центром Остланда была Рига. Здесь находились рейхскомиссариат Остланда и сам рейхскомиссар.

* * *

Как достигалось превращение Освейщины «в составную часть Великой Германской империи», и рассказывают чудом оставшиеся в живых свидетели...

г. Рига. **Харитонова Юзефа Иосифовна**:

— Я родилась в Освейском районе в деревне Зеньки. Зверства оккупантов я видела и пережила.

В июне месяце 1942 года моего родного брата и его товарища четырнадцати лет за передачу партизанам пулемета немцы и их подручные заставили вырыть себе могилы и застрелили в упор в голову. Мы их перехоронили в деревне Муквятица и поставили скромный памятник. Как хочется, чтобы их теперешние сверстники хоть раз на 9 Мая положили там букетик цветов.

Была я свидетельницей и событий в Миловидах, как там сжигали живьем моих односельчан. Молодых и здоровых отобрали в одну сторону, пожилых, больных и детей до семи лет — в другую. Мою бабушку заставили взять на руки внука и идти в огонь. Жертв своих фашисты загнали в сарай, заперли и подожгли. А всех здоровых, трудоспособных отправили в саласпилдкий лагерь смерти.

Когда бываю в Риге, посещаю саласпилский мемориал. Экскурсовод показывает, где был барак для детей, а я всегда вспоминаю: там томился и мой брат, там и у него брали кровь...

Мы в июне месяце каждого года бываем в деревне Муквятица. Есть там курган, насыпанный на месте бывшей кузницы, где живьем сожгли моих односельчан. Как много таких незабвенных мест на моей родине... Пусть же дорожат потомки нашей жертвенной землей, в том числе и курганам в Муквятице!

г. Рига. **Лапко Леонора Сигизмундовна**:

— Наверное, каждая белорусская семья понесла утрату. Вот и моих бабушку и дедушку сожгли. Жили Пилюшины в Теплюках. Я с сестрой родилась в деревне Зеньки (семь километров от Освеи). Сейчас той деревни нет. Стоит небольшой памятник погибшим во время войны.

А сейчас о себе. Поймали нас в Миловидских лесах: малых и старых каратели сожгли на глазах у всех. А остальных гнали до Дриссы, а потом товарными вагонами увозили в саласпилский лагерь. Там нам пришлось пережить и голод, и холод, и стыд. Нас отняли от родителей, в бараке было шестьсот сорок три ребенка. Эта цифра осталась в памяти и по сей день. Мы так кричали-плакали, что казалось, вот-вот крыша сорвется от детского рева. Потом нас повезли в Тынужи, это около станции Икшкиле, где раздали по хуторам. Там и ожили мы.

Хотелось бы, чтобы ваша книга об Освейской трагедии была издана на русском языке, потому что мы уже забыли белорусский язык. А вообще я бы желала, чтобы о муках освейских людей знала вся страна. Пусть весь мир знает о всех зверствах фашистов на нашей освейской земле.

Я замужем, муж из Браслава. Зовут Брониславом. Я проработала на швейной фабрике «Латвия» двадцать семь лет. Вырастили двоих детей, имеем двух внуков.

Белорусов в Риге очень много. Только в нашем доме я знаю две семьи. Недавно приезжала в гости моя подруга, тоже из деревни Зеньки. Она осталась сиротой: мать, отца и двух сестер сожгли в Миловидах, а брата замучили в Освее, старший брат живет в Освее (бывший партизан). Она вышла за латыша. Есть у них две дочки.

Ну вот, написала много и, может быть, не совсем связно. Так уж моя судьба сложилась, что не смогла получить образования, хотя после белорусской школы продолжала учиться в латышской. Два года проучилась в ремесленном училище полиграфистов, но по состоянию здоровья должна была менять ремесло…

г. Рига. **Володенок Семен Степанович**:

— Мне было неполных четырнадцать, когда началась первая карательная экспедиция. Это было страшное время. Весь наш Освейский район горел в пожарищах. Все ближе и ближе приближался огонь до деревни Ерохи. Вереницы беженцев от самой латвийской границы искали убежища в лесах вокруг деревень Ерохи, Кураши, Макуты. Наши партизаны не смогли сдержать карателей, а их было разных мастей: немцы, айзсарги, шуцманы…

В начале марта мы покинули свое жилище в деревне Ерохи, и вовремя: вскоре ее сожгли. В лесу приготовили землянку: ночью были довольно сильные морозы. У нас вместе с сестрами мамы семья состояла из двенадцати человек. 12 или 13 марта 1943 года нас окружили в лесу. Думали, что на месте же всех и постреляют. Но погнали в Миловиды. В Миловидах стариков и матерей с детьми загнали в один сарай и живьем сожгли. Был кошмарный крик. Мать от нас тоже оторвали и вместе с ее двумя сестрами и детьми сожгли. Я остался с сестренкой Аней (она на два года старше меня). После этого мы были как ненормальные: не хотелось смотреть на свет белый. Назавтра нас, как скот, погнали из Миловид в Освею. Оттуда — до станции Зилупе. Голодные, холодные, мокрые, мы еле брели. Конвоиры кричали: «Бандиты! Партизаны! Мы всех вас прикончим!» На станции Зилупе нас прочно закрыли в товарных вагонах. Только было открыто одно окошко в потолке. Все стояли. Естественные надобности отправляли на

месте. От Зилупе до Саласпилса везли двое суток. В вагонах стояла зловещая вонь. И вот он, лагерь: высокий, в несколько рядов колючей проволоки забор, вышки по углам и у центрального входа. Бараки казались огромными. Песчаные дорожки между ними посыпаны гравием. Чистота идеальная!

Начали проводить регистрацию. В лагере отнимали детей, навсегда разлучая с родителями. Это было ужасное зрелище: вопли, крики, плач... Матери ползли на коленях по лагерной земле, но на это никто не обращал внимания.

Об этом рассказывала, наверное, моя сестра Катя Юхневич; у нее отняли сына.

Помню комиссию из офицеров. Мы сидели голые в одной стороне барака, а в другую сторону вели голых девушек-подростков.

Офицеры рассматривали девушек в лупу со всех сторон. Которая подходила для них, то сразу же одевали в шелковые платья. Потом, как сообщил нам старший барака латыш-политзаключенный, их повезли в дома терпимости.

В саласпилском лагере я пробыл около месяца. Повезли под Ленинград. Там лагерь был большой на реке Мга, около деревни Сологубовка. Строили железную дорогу. Условия были не из легких. Мучились одиннадцать месяцев. Наша армия, прорвав блокаду Ленинграда, нас освободила в городке Вырица в январе 1944 года. Коренного населения там не осталось. Первыми гражданскими лицами в городе были мы, бывшие узники.

Восстанавливали Вырицу, а как освободили родную Белоруссию, в декабре 1944 года приехал в свои Ерохи. Встретился с уцелевшим каким-то чудом отцом.

В марте 1945 года от колхоза поехал в Германию за скотом для Освейского района. Работал в Чапаевской МТС, а в 1949 году уехал к брату в Ригу. Работал на электромеханическом заводе наладчиком. Женат. Имею двоих детей...

г. Рига. **Русак Владимир Арефьевич**:

— В феврале началась карательная экспедиция. Партизаны и жители деревни Кончаны начали уходить в леса за деревней Остров. Запомнилось, как самолет начал обстрел из пулемета. Пули сыпались градом, поднимая фонтаны снега... Мы уходили в сторону Наволок: я, мать, мужчина с бородой, женщина. Шли фрицы один от другого на расстоянии десять метров. Мужчина бросился бежать. Раздалась автоматная очередь. Он упал. Нас выгнали на озеро около Наволок. Подъехал к нам офицер на лошади. Лед не выдержал, лошадь только захрапела и ушла под лёд. Еле вытащили немца. А потом фашисты пригнали нас в Освейский парк. На второй день пошли по большаку в сторону Латвии. Кончаны,

Урагово, Сеньково по очереди каратели сжигали. От пожаров таял снег. Ослабевших убивали. Трупы оставались лежать на дороге.

В деревне Сеньково стали загонять людей в О большой сарай. Люди не заходили. Женщины и старики поставили перед собой иконы и стали на колени. Начали молиться. Тогда офицер махнул рукой. Колонна двинулась дальше. Затем погрузили в товарные вагоны. В Саласпилсе находились больше месяца. Из детей выбирали кровь: уводили в другой барак, а наутро из того барака уже выносили. Многое умирали от голода, холода.

Мы, дети, часто видели в окне жуткие истязания. Представьте себе: пленный лежит на снегу, немец стоит у него на спине с плеткой и бьет его, а пленный по-пластунски ползет и немца тянет...

Из православного Троице-Сергиевского монастыря меня взяли Асташонок Владимир Андреевич и жена его Анна Федоровна. Они были для меня будто отец и мать: очень добрые, ласковые, чуткие люди. Летом 1944 года меня нашла мать.

Вот так прошло мое детство...

г. Рига. **Нарубина (Бычкова)**
Мария Антоновна:

— Я родилась 20 августа 1929 года в деревне Сарья.

К началу войны закончила три класса. В 1942 году в нашей местности фашисты организовали карательные операции против партизанских отрядов. В феврале 1943 года каратели добрались и до нашей деревни. Началось истребление людей за оказание помощи партизанам. Оставшихся в деревне мужчин, стариков на наших глазах сожгли. А кто был помоложе, в том числе и мою мать, Гиргель Ефросинью Ивановну, беременную, четырехлетнего брата и меня, тринадцатилетнюю девочку, 16 февраля 1943 года отправили в концентрационный лагерь Саласпилс. Когда гоняли из лагеря в баню голыми, мой брат простыл и заболел. Его я больше не видела. Говорили, что у детей брали кровь для раненых немецких солдат; скорее всего, и нашего брата постигла донорская участь.

Из Саласпилса нас отправили в Майданек. Условия там были ужасны: непосильный труд без выходных по 15-18 часов в сутки. Кормили плохо. За любые нарушения наказывали.

Помню такой случай. Нам дали суп, и в маминой тарелке оказался человеческий палец. Таких ужасов никогда не забудешь.

В апреле 1943 года беременную маму отправили на работу к хозяину. Я осталась одна. Вскоре заболела тифом, и меня перевели в больничный барак. Только благодаря польским медсестрам я осталась жива. Чудо спасло меня от крематория.

В лагере Равенсбрюк я находилась примерно месяца три.

Кормили людей плохо. Стариков уничтожали, а молодых отправляли в Лейпциг. В том концентрационном лагере я работала на заводе, пока не заболела.

В апреле 1945 года узников стали эвакуировать в глубь Германии. Гнали нас две недели без еды и воды. Многие не выдерживали и падали от голода. Таких сразу пристреливали.

24 апреля 1945 года всех, кто остался в живых, согнали в сарай. Но уже недалеко была Красная Армия. Она нас освободила. От истощения я заболела, после болезни меня направили в советский лагерь, который находился около реки Эльбы. В этом лагере с нами беседовали, составляли на нас документы и отправляли на Родину.

Свой невольничий номер я не помню, но была нашивка с красным уголком и буквой «Р».

Приехала в Белоруссию. Деревня была сожжена. Жили мы в землянках по три семьи. Казалось, что мукам нашим не будет конца. Что можно было предпринять в то горестное время?

В 1946 году я приехала в Ригу. Поступила в ФЗУ «Ригас текстиле», получила специальность ткачихи.

С 1947 года по 1979 работала ткачихой. Награждена медалью. На пенсии, но продолжаю работать в ресторане «Рига» уборщицей...

г. Новополоцк. **Семеник Нина Прокофьевна**:

— Во время войны узником фашистского лагеря в Саласпилсе был и мой муж Семеник Геннадий Михайлович, 1936 года рождения. Недавно его приглашали отметить День защиты детей. Он не смог поехать. Но, получив приглашение, очень плакал. У нас есть сын-школьник.

Отец тогда сказал ему: «Сынок, ты не знаешь, что такое война. Я хочу, чтобы ни ты, ни другие дети не знали того, что пережил я...»

Проходят годы, а муж во сне очень часто кричит, ему снятся фашисты, которые шомполами бьют детей, берут у них кровь...

Вспоминать ему — вновь растревожить всю нервную систему. Потом очень долго будет приходить в себя... Поэтому вкратце я напишу о его жизни.

Из костела в Сарье он попал в лагерь. Матерей угнали в Германию. В Саласпилсе остались дети и старики. Там Геннадия нашла его бабушка. Наверное, в 1943 году латыши брали из лагеря себе работников. Так бабушка вместе с внуком попала на хутор пасти коров. Перед освобождением они оказались в Риге, откуда и начали добираться на родину. В Освее бабушка прожила очень мало. Умерла. Геннадий остался в землянке среди чужих людей. После Победы в Освею вернулся его родной дядя — Василий

Иванович. Через некоторое время они переехали в деревню Тупичино (ныне Оболянка) к бабушке по матери. Мама Гены, которая прошла в Германии четыре концлагеря, вернулась домой, и жизнь потекла, как и у всех послевоенных. Известие о гибели отца пришло к; ним в первые дни мирного времени.

В Саласпилсе с ними вместе были и другие родственники (по отцовской линии): сестра Шитик Фрося, братья Шитики — Володя, Сергей, Миша. Шитик Владимир Николаевич живет в Риге.

г. Минск. **Адамович Таиса Иосифовна**:

— Все всплыло в моей памяти четко, ясно. Все, что было в годы войны, хотя мне тогда шел пятый год.

Во время войны я с мамой была в концлагере Саласпилс. А до войны мы жили в Росице.

Зимой 1943 года жители Росицы вынуждены были покинуть село и поселиться в лесу. Но карательная экспедиция нас окружила. Всех привели опять в село. Здесь они выбрали больных, стариков (в эту группу попал и мой дедушка). Этих людей они сожгли на месте. Запомнилось, как ехали через сожженную деревню: избы сгорели все, а на месте одной из них — обгоревшие остовы людей.

Саласпилс 1943 года. Бараки, нары, плач детей, длинные очереди между нар за похлебкой. А еще всегда вспоминаю с содроганием такой день. На улице снег. Нас всех раздели и погнали в баню. Матери несли своих детей и быстро-быстро бежали. После бани детей закрыли в одной из комнат, взрослых — в другой. Нас держали без еды и воды, а в комнате было столько детей, что каждому на полу не было места. Запомнился день, когда разлучали с матерями. Их увезли в Германию. Мы остались одни. Началась жизнь под ежедневным страхом: ведь до этого была мама рядом.

А весной нас привезли на станцию Лиелварде. Поместили в сарай с сеном. Отсюда меня взяла латышская женщина в свою семью. Не помню ее имени, фамилии. Звала я ее мамой. Своих детей у нее не было. Жила она с мужем на хуторе. У них было большое хозяйство. Я им помогала чем могла: пасла коров, свиней, смотрела за курами, ходила за грибами. Рядом была очень красивая березовая роща.

Пришло время идти в школу. К этому времени я выучилась латышскому языку (свой забыла) и пошла в школу на станцию Лиелварде, в двухтрех километрах от хутора.

В школе я встретилась с девочками из нашего села — Тамарой и Галей. Они тоже жили на хуторе.

Каждый день мы встречались на перекрестке дорог, шли в школу и мечтали увидеть на той дороге своих родителей. И вот чудо: действительно, Галя встретила свою маму. Мы с Тамарой

тоже не теряли надежды.

Ей повезло тоже: приехала за Тамарой мама, а моя тетя Лида. Она приходилась нам дальней родственницей. Тамара рассказала ей обо мне. Тетя Лида решила взять и меня. Сколько было радости, счастья!

Привезла она меня в Бигосово к бабушке. От нее я и узнала, что жива моя мама; она после концлагерей в Германии служит в военно-подсобном хозяйстве Советской Армии.

Опять выучилась родному языку. Пошла в школу, где училась вместе с Марией, Зиной, Эдуардом Обуховичами (они старше меня). Мария Зимницкая (Обухович) была секретарем школьной комсомольской организации. Для меня она была примером; во всем ей подражала. Во всех делах она была энергичной, деятельной.

После окончания семи классов поступила в педучилище, потом окончила институт.

Сейчас работаю учительницей младших классов в школе № 52 города Минска.

Сегодня часто задумываюсь: как только мы, дети войны, смогли выжить, уцелеть?

III

«Всю правду о войне знает только народ»

Это изречение Константина Симонова подтверждает и Уселёнок Пётр Иосифович:

— Мне в ту пору (март 1943 года) шел 16-й год. Каратели сожгли нашу деревню Росица за связь с партизанами. Людей загоняли в сараи, дома по пятьдесят-семьдесят человек и зажигали постройки. Люди лезли через окна, ломились в дверь, а фашисты стреляли из автоматов и винтовок. Других гнали прикладами на станцию, двери вагонов закручивали колючей проволокой и отправляли в концлагерь. Так я, моя мама и брат (ему было 6 лет) очутились в Саласпилсе. Мы сразу на себе ощутили звериную злобу фашизма. Представьте холодный барак на четыреста-шестьсот человек. Женщин, детей, стариков раздевали наголо, стригли волосы, обливали холодной водой… Как скот, на гнилой соломе валялись с маленькими детьми около двух недель. Таков был «карантин». После этого дали какое-то тряпье и погнали на работу. Работали по двенадцать-четырнадцать часов и больше. Таскали носилками песок: с одного места брали — в другое переносили. Назавтра то же самое: песок носили в ту яму, из которой вчера его выбирали.

А через полтора месяца стали детей разлучать с матерями. Дети кричат, матери плачут, падают в обморок…

Женщины становились черными от горя и мук за своих детей.

Так и у моей матери вырвали из рук брата Иосифа. Мы его нашли только через восемнадцать лет после войны. Сам видел и запомнил страшное зрелище: ребенок плачет и кричит: «Мама! Мамочка, миленькая...» Кажется, в этот миг сердце разорвется от мук...

А потом были Штутгоф, Маутхаузен и Гузен — страшные фабрики смерти. Тысячами сжигали узников в крематориях. Я даже не могу сотую часть описать всего того горя, которое пережил. Фашисты шли на любую провокацию, чтобы побольше уничтожить нас: узников не считали за людей. Страшный режим был установлен в лагерях. Например, стригли волосы наголо, потом тупыми бритвами выбривали полосу в пять сантиметров ото лба до затылка: если кто сбежит — быстро опознают.

Я носил порядковый номер Р-55815. У меня не было ни имени, ни фамилии, а только номер.

Когда меня освободили, мне шел восемнадцатый год, а весил всего двадцать восемь килограммов.

Что еще вспомнить? После освобождения из лагеря Гузен добирался до города Линца. Восемнадцать километров я где шел, а где полз. Потом американцы согнали бывших узников в какой-то лагерь. Там нашлись провокаторы. Они клеветали на Советский Союз, запугивали нас, призывали не возвращаться на Родину.

Самая большая радость — встреча с Советской Армией. После лечения в госпитале под Веной судьба сложилась так: служба в Советской Армии в составе военно-строительного батальона. Строил мост в Вене через Дунай, потом строил мост в Братиславе (тоже через Дунай), потом были восстановительные работы в Венгрии, Польше, Румынии...

А мама моя прошла все муки Освенцима, Майданека и еле живая вернулась домой...

* * *

Расскажу о строительстве мостов через Дунай. После госпиталя я был направлен в военностроительный батальон.

В Вене мы приступили к восстановлению моста, взорванного фашистами. Он был длиной больше километра. Несколько пролетов лежало в Дунае. Мы резали фермы автогеном и вытаскивали из воды. Очищали русло реки, потом вбивали деревянные сваи и делали деревянный мост параллельно железному, чтобы можно было ходить на другой берег и нам, строителям, и австрийским гражданам. В Вене до войны было четыре моста через Дунай: два пешеходных и два железнодорожных. Все они были взорваны. Приходилось на головокружительной высоте над бурлящим Дунаем клепать фермы. Когда после всех трудностей мост был построен, проводили испытание на прочность. Пустили девять танков Т-34.

По прибору установили, что колебание моста в норме. На церемонию сдачи моста пришла, кажется, вся Вена. В благодарность мост назвали именем маршала Советского Союза Малиновского.

В Вене в 1945 году состоялся военный парад четырех союзных держав. Я видел, как жители Вены буквально забрасывали цветами наших воинов, приветствовали своих освободителей. Мы были очень горды за нашу Родину, за наш народ, за нашу армию, за то, что мы умеем не только воевать, но и строить. Приезжал ансамбль песни и пляски имени Александрова. Концерты шли на площадях Вены. Люди стояли на балконах, на крышах домов: никакие площади не вмещали всех желающих послушать и посмотреть... Запомнилось на всю жизнь, как пела тогда Лидия Андреевна Русланова!

И вот, распростившись с памятником Советскому воину, с танком, установленным на постаменте, что первым вошел в Вену, с могилой трех советских воинов-танкистов, похороненных возле моста имени Малиновского, мы уехали в соседнюю Чехословакию, в Братиславу.

Братиславу с Петржалкой соединял единственный мост через Дунай. Фашисты взорвали мост, разрушили опоры. Была зима, по Дунаю шли сплошные льды. И в это время мы ставили понтоны через Дунай, устанавливали железные балки, выкачивали воду и почти от самого дна реки начинали строить опоры. Строили все наново. Нередко приходилось стоять по пояс в холодной воде. Однажды под напором льда не выдержало крепление, и понтоны погнало по Дунаю. Выловили их на лодках, километров за десять ниже.

Был такой случай. Льды разорвали понтонный мост. Людям возвратиться домой с Петржалки невозможно, а у них там остались дети... Да и как быть без одежды и еды? Словаки стали просить воинов помочь им. Тогда мы установили узкие настилы по взорванному мосту и живой стеной, взявшись за руки, встали по обе стороны настила. Так пропускали людей на другой берег над бурлящими водами Дуная.

Но как бы ни было нам трудно, мост мы закончили в срок. Прибыли маршал Советского Союза Конев, президент Чехословацкой республики Бенеш, собрались тясячи людей.

Мы, строители, прошли по мосту. Он был надежен.

Недалеко от австрийской границы, в Венгрии, мы очищали поля от брошенных немцами боеприпасов, чтобы люди могли обрабатывать землю, сеять хлеб.

Потом был Будапешт — столица Венгрии. Своими глазами видел: четыре моста лежат в Дунае.

Недалеко от одного из мостов из пятиэтажного дома торчал

хвост немецкого истребителя. Когда наши летчики сбили немецкий стервятник, он врезался в дом и застрял там.

Горожане рассказывали нам, что в доме живут люди, а самолет напоминает им о храбрости освободителей.

* * *

Мне необходимо рассказать о зверствах фашистов в концлагере Гузен (филиал Маутхаузена). Пять бараков за колючей проволокой там назывались больницей. Кто туда попадал, почти никто не возвращался назад в лагерь. Отощавших людей уничтожали так: делали укол с ядом — и моментально человек умирал. Трупы выбрасывали через окно. Их затем увозили в крематорий.

Иногда наблюдал такую картину: фашисты приносили в корзине куски хлеба по пятьдесят-семьдесят грамм. Ставили эту корзину около первого барака и бросали узникам, как собакам, эти кусочки хлеба. Вокруг собиралось несколько сот человек. Подходили немецкие офицеры и потешались над голодными людьми: фотографировали, как они хватают хлеб.

О чем еще мне сегодня рассказать? О том, как в Саласпилсе молодых девчат увозили в Ригу для развлечения офицеров? Или о том, как готовили предателей?

Был такой случай. Голодных и измученных шестнадцатилетних подростков из Саласпилса вывезли в Ригу. Их отцы и старшие братья были в партизанских отрядах или на фронте. Матери и сестры в концлагерях, а их души пытались повернуть на предательство. И вот нас привезли в Ригу. Потом были в Псковской области, город Порхов, деревня Заполянье, охрана концлагеря, потом — восстание.

Немцы жестоко его подавили. Вызывали по списку через одного и расстреливали... Очень немногим, двум-трем, осталось дожить до радостного Дня Победы.

* * *

Перед самой карательной экспедицией мне исполнилось пятнадцать лет. Ровно два месяца находился в лагере Саласпилс в бараке Ц-9. И вот 28 апреля 1943 года нашу колонну после работы подвели к бараку. Возле дверей стояло несколько немцев-офицеров. Людей в барак стали пропускать по одному. В это время один из офицеров выбирал приглянувшегося ему подростка и подводил к группе немцев. Так произошло и со мной. За рукав меня подвели к «эксперту» и спросили по-русски, сколько мне лет. Я ответил, что идет шестнадцатый год. Проверили — здоров ли, целы ли руки, ноги... «Опусти брюки, попрыгай!» Я все это сделал. Приказали встать в сторонку. Среди подростков уже стояли мои одноклас-

сники: Шаврак Антон, Замбар Чеся, Завадский Володя, Станевич Володя и другие. Нас собралось человек двадцать. Около комендатуры стояла крытая машина. Мы думали, что нас повезут куда-нибудь на работу. Из лагеря обыкновенно увозили на разные работы к крупным хозяевам на хутора. Но не тут-то было. Нас провезли через Ригу, и еще минут сорок мы ехали куда-то за город. Оказывается, нас привезли на берег Киш-озера. Там стояло четыре-пять домов.

Нас поселили в одном из них. С 28 апреля и до начала июня мы в этих домах мыли полы, убирали мусор на дворе, мыли окна... За это время подвозили то двух, то трех человек пополнения. Наконец нас стало около сорока: в основном парней из Освеи, Сарьи, Кохантович, Росицы, Себежа...

Поговаривали, что жителей Сужимуйжи хотят сделать полицаями. Но мы не верили. Мы думали, что закончим работу и нас обратно отвезут в лагерь.

А в начале июня пришла на Сужимуйжи крытая брезентом машина. Когда начали выгружать, увидели немецкую военную форму. Нам приказали помыться, переодеться. В строй мы встали в немецкой форме. Ловко получилось, но ребята стали угрюмыми, никто не хотел разговаривать. Ночью многие потихоньку плакали под одеялами. Все увидели, в какую авантюру втянули нас фашисты. Мы понимали: наши матери и сестры в лагерях, деревни наши сожжены, стариков и детей бросили в огонь, а нас заставляют служить этим карателям. Что тут началось!

Не прошло трех-четырех дней, как один из одевших немецкую форму сбежал. Через три дня после побега его поймали, привезли назад и посадили в подвал. Сидел он там суток десять, а потом нас всех построили и немец по-русски зачитал решение военного трибунала: такой-то за дезертирство приговаривается к расстрелу. Была команда: «Кто хочет застрелить подлеца, выйти из строя». Все стояли тихо. Разумеется, никто из строя не вышел. Три раза был повторен приказ убить «подлеца», но никто не соглашался. Тогда немец сказал беглецу: «Становись в строй. Друзья тебя жалеют».

Не прошло и десяти дней, как сбежал другой узник Сужимуйжи. Через четыре дня привезли и его. С этим уже расправились сразу.

Однажды ко мне подходит Володя Завадский и говорит: «Петро, не вздумай бежать: перестреляют нас всех здесь. Будем ждать лучших дней. Будет и на нашей улице праздник». Мы притихли.

Привезли несколько винтовок, стали учить разбирать затвор. Потом привезли ручной пулемет Дегтярева. Начали учить стрелять по мишеням: давали по три патрона. Учили ходить строем, преодолевать штурмовую полосу...

25 августа 1943 года нам выдали винтовки, но без патронов. Посадили в вагон и повезли. Мы чувствовали, что чья-то рука тайно нами командует.

И вот нас привезли в Порхов. Строем повели по шоссе Порхов — станция Дно. Свернули влево, через три километра пришли в деревню Заполянье.

Мы увидели большую красивую деревню с кирпичной школой-десятилеткой. В этой деревне лагерь охраняли немцы. Лагерь — обыкновенная пуня деревенская, обнесенная колючей проволокой. Там сидели наши советские люди: женщины, старики, подростки — голодные, худые. Их было около двухсот человек. Немцев, видимо, отправляли на фронт, а нам приказали охранять лагерь. Нам рассказывали узники, что их сильно избивали немцы, особенно усердствовал переводчик из пленных Сашка Иванов, матерый предатель. «Сашка-палач» — так звали его узники. Был негласный приказ: всеми силами оберегать узников от побоев, не заставлять их работать, беспрепятственно пропускать родных с передачами... Они строили дорогу от Заполянья к шоссе.

Мы всеми силами старались наладить связь с партизанами. К концу сентября 1943 года мне сказал Володя Завадский, что связь с партизанами налажена и что готовится восстание. Восстание было назначено на 25 сентября, на 12 часов ночи. Ожидалось, что к этому времени подойдут партизаны и мы выведем всех узников лагеря в партизанский лес. Я входил в группу сопровождения. Был обязан выпустить людей из-за проволоки. Другим вменялось уничтожение коменданта и переводчика, третьим — обрыв связи... Каждому была своя работа. И вот без двадцати минут полночь. Двадцать минут до восстания. Со стороны шоссе показалась колонна машин. Едут прямо на Заполянье. Мы думали, что эта колонна движется на фронт. Часто машины шли через деревню...

Но мащины на большой скорости подъехали к лагерю. Немцы выскочили из машин, поставили станковые пулеметы, оцепили лагерь, нас разоружили... Мы поняли: нас кто-то предал. Всех загнали в лагерь и держали до утра. А утром допросы: «Кто зачинщик восстания? Куда хотели увести лагерь? Где партизаны?» Мы все говорили, что ничего не знаем. Тогда стали избивать молодых охранников. Ничего не добившись, стали вызывать по списку в основном тех, кто стоял на постах — мужественных, сильных ребят. Мы чувствовали, что предал нас посвященный в наши дела человек. Парней выводили под большим конвоем за лагерь, раздевали догола и расстреливали. Трупы сбрасывали в старую траншею. Антон Шаврак перепрыгнул через траншею и бросился бежать. Немцы стреляли по нему из автоматов и пулемета — попали. Притащили за ноги и прикладами добили его. Мы это

все видели из лагеря и ждали той же участи: но расстреляли только половину, а остальных под конвоем погнали в Порхов. Допросы, жестокие побои…

Срочно нас привезли в тот же Саласпилс.

А в Заполянье погибли: Пивоваренок Антон, его брат Володя, Чеся Замбар, Антон Шаврак, Пилецкий (имени не помню), Крук (имени не помню), Поцелуенок Коля… Многих уже не помню… В Маутхаузене умерли от голода Станевич Володя, Завадский Володя.

В 1972 году ко мне приезжал старший лейтенант госбезопасности, говорил, что предал нас Сашка-палач. Лейтенант интересовался — может, я видел его. Да, видел. Он объявился в Штутгофе узником. Мы его опознали и сказали полякам, что он переводчик из лагеря Заполянье. Его убили следующей же ночью…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бесцельной суеты отброшу груз
и мелочные отгоню заботы, —
я из-за них никак не доберусь
до главной и спасительной работы.

А залежи желаний ждут меня;
и где-то, позабыв про все препоны,
упрямо шпорит своего коня
гонец надежды неосуществленной.

Пустых словес я не прощу себе,
предшественникам жадно гляну в лица,
чтобы с благоговеньем причаститься
к народной вдохновляющей судьбе.

О, сколько дел еще в моем краю!
И пусть душа не ведает покоя,
пусть вместе с нею даже соловью
придется по ночам работать вдвое.

Надеюсь: кто-то в стороне лесной
откликнется взволнованно и страстно,
и я услышу эхо над Двиной,
поверю: мои муки — не напрасны.[1]

[1] Перевод с белорусского Александра Дракохруста.

I
«Мы живем в Риге...»

«Белорусов в Риге очень много», — писала в своем письме Лапко Леонора Сигизмундовна. «Уехал к брату в Ригу», — сообщил Володенок Семен Степанович. «Мы живем в Риге», — поведала Плискина Лариса Михайловна... Я и сам могу подтвердить, что на каждой улице Риги встречал освейские семьи.

О некоторых встречах и постараюсь рассказать.

* * *

Целый день провел в Риге на улице Бергю, в доме № 3. Беседовал со Шпаковской (Сковырко) Марией Матвеевной. Оказалась исписанной вся ученическая тетрадь. В руках — несколько фотоснимков из семейного альбома. (Часть воспоминаний была использована в «Браніславе».)

На прощание Мария Матвеевна передает пожелтевшую вырезку из газеты. В материале А. Грека «Шакалы», который напечатан под рубрикой «Из зала суда», она указала на один абзац. Читаю:

«...Из-под нависших седых бровей Франц Шпаковский, опираясь на суковатую палку, обводит взглядом подсудимых.

— Узнаете ли вы кого-нибудь из них? — спрашивает его судья.

Те, что сидят на позорной скамье, ерзают, отворачиваются.

— Вот его я знаю, — худая рука твердо указывает на Бумберса. — Это его взвод выгнал меня и всех жителей деревни из наших хат. Погнали в поле, заставили всю ночь пролежать ничком на сырой, холодной земле. Грозились: кто поднимется — получит пулю в затылок. Когда пошевелился сосед Шпилевский, каратель ударил его сапогом по голове. А когда по команде Бумберса мы все поднялись, я получил сильный удар прикладом».

— Это о моем брате. Он живет в Эстонии. Если хотите, есть и адрес, — сказала Мария Матвеевна.

Я сразу же написал Францу Матвеевичу. Через некоторое время в Минск пришло письмо.

г. Кохтла-Ярве.

Шпаковский Франц Матвеевич:

— Родился я 6 декабря 1927 года. Проживал вместе с родителями в деревне Гейженово Росицкого сельсовета.

В марте 1943 года с нашей семьей случилось большое горе. Оккупанты, подозревая в связях с партизанами, дом сожгли, а нас всех угнали в лагерь смерти Саласпилс. Что мы там увидели и пережили, страшно вспомнить.

Еще по дороге со станции мы увидели за проволокой людей. На нас, проходящих рядом, они не реагировали, а занимались своим делом: искали в земле что-нибудь съестное: травинки, корешки растений, — все это клали в рот, прожевывали и выплевывали на ладонь, снова клали в рот. Нас фашисты специально вели этой дорогой и не запрещали смотреть на этих доведенных до нечеловеческого состояния военнопленных.

Скоро нас пригнали к железным воротам. Через несколько минут остановили на площади. Она вся была в грязи. Черная масса, перемешанная со снегом, затекала в туфли и ботинки. И вдруг мы увидели, как два фашиста с плетьми в руках гоняли двух узников по этой площади. Узники были измучены так, что при команде «ложись» падали прямо в грязь. Удары плетью поднимали их на ноги. Чуть дальше гоняли группу узников с досками, подвешенными спереди и на спине.

Слева от нас узники перетаскивали на носилках камни, складывая их в кучу. С этой кучи следующие пары брали и относили камни обратно.

Но вот прибыл комендант. Через переводчика объяснил, что все продукты мы должны сдать: «Кто утаит — будет наказан. А наказание вы сами видели. Все продукты положить в корзины, самим — раздеться, одежду оставить...»

Наша семья состояла из шести человек. Вместе со мной были отец, мать, старшая сестра Мария, младшая Лина и совсем маленький братишка Анатолий. Семью разделили на три группы. Отец, мать и Мария попали в первую группу, я и Лина — в другую, а маленький братишка, который еще только учился ходить, — в третью. Взрослых скоро куда-то угнали. В холоде и голоде, без воздуха нас, детей, мучили до невозможности. Спали мы на четырехъярусных нарах. Кормили плохо: давали сто граммов хлеба, рабочим — сто пятьдесят. К хлебу полагался черпак кипятка. В обед черпак баланды из разных отходов: картофельные очистки, ботва, рыбьи головы и все прочее несъедобное...

Санитарные условия таковы: воды для умывания рук и лица не было, так называемой бани — тоже. Все дети стали болеть изнурительной болезнью — чесоткой. Все сильно ослабли и стали погибать. Фашисты, видимо, почувствовали скорую расплату за свои злодеяния. Ведь прах десятков тысяч узников лагеря — это свидетельство страшных преступлений и зверств. И чтобы замести следы, трупы узников стали сжигать. Эта работа производилась круглосуточно. А тут еще прибавилось работы для них: стали умирать дети. Живые на себе почувствовали, что фашисты стали очень нервные: об их победе разговор был исчерпан. К тому же взять от нас, детей, больше нечего было — ведь все настолько

отощали, что еле двигались, а многие лежали не шевелясь. А уничтожить всех полумертвых фашист наверняка боялся. Тогда тех, кто еще мог двигаться, стали отправлять по хозяевам Латвии для уборки урожая и выполнения разных работ.

Но весной 1944 года меня вновь вернули в лагерь: началась вербовка в предательскую армию Власова. Целый месяц нас «морально» подготавливали: показывали все ужасы издевательств над узниками. Выстраивали юношей, уже вступивших в армию, которые хвалили свой выбор и уговаривали нас совершить то же самое.

Но в день вербовки фашисты остались очень недовольны: из двухсот узников только тринадцать юношей не выдержали морального истязания. Мы смотрели на слабаков с презрением. И ожидали, что же будет с нами? А нас после этого отправили в Германию в рабство. Я попал в лагерь у города Мюнстер.

Там и освободили всех узников американские союзные войска...

* * *

В своих воспоминаниях Франц Матвеевич только упомянул имя сестры Лины. Мне удалось получить весточку и от нее. Я попросил ее глазами осмотреть тот невыносимо-истребительный путь детства.

г. Рига. **Шмелева Лина Матвеевна**:

— Родилась я в 1929 году. В 1943 году начала свой путь в лагерь смерти Саласпилс. И когда вспоминаю, как там нас мучили, мне самой трудно даже поверить, что я выжила.

Помню, у каждого ребенка была бирка на шее. Там указывались имя и фамилия. Нары у нас были четырехэтажные. Дети были все вместе и разных возрастов — от годовалого, до пяти — семи. Бывало, принесут большой бак бурды: в воде плавают всякие там отходы: головки от кильки, кишки, очистки от картофеля и прочее. В чем нам давали кушать? В маленьких ведерках. Сейчас такими играют дети в песке. Бурда зачастую была горячая. Пока с третьего или четвертого этажа сползем — остаемся без еды.

Ручка ведерка обжигала руку, бурда проливалась.

Старших гоняли по ночам плести соломенные тесьмы, из них потом получались утепленные башмаки для сапог.

Часто гоняли нас на уколы: выбирали кровь.

В лагере со мной из всей семьи остался брат мой, старший на год, и совсем маленький братик ему в то время было чуть больше года. Через некоторое время нас увезли в какой-то городок, там раздавали по хозяевам. А малыши остались в лагере. Так я поте-

ряла из виду маленького братишку. Мою хозяйку звали Эльзой, а хозяина Отсом. По-русски никто не разговаривал. Было очень трудно привыкнуть к другому языку. А еще трудней было работать: приходилось рано вставать, молотить, грузить на возы... Некому было нас пожалеть.

Через некоторое время стали немцы отступать. Нас стали собирать по хуторам, чтобы отправить в Германию. В городе Кенигсберге я заболела тифом. Там и дождалась освобождения...

* * *

Дом за домом, квартиру за квартирой посещал в обелоруссизированной Риге. В чем же беда моих земляков, что почти на каждой рижской улице — одна-две белорусские семьи? Не по своей воле они оказались там, где могут услышать упреки в адрес «мигрантов». Не прихоть, а судьба распорядилась их жизнью. Послушаем же белорусских рижан...

г. Рига. **Шепицкая (Березовская) Валентина Иосифовна**:

— Наш отец Березовский Иосиф Иванович (1902 г. р.) и мать Бронислава Иосифовна (1911 г. р.) проживали в деревне Ракшни. Отец одним из первых вступил в колхоз. Хорошо помню, как однажды отец взял нашу любимую рябенькую телочку и куда-то ее повел. Мы стали плакать и просить, чтобы отец не забирал ее. А он ответил, что телочку в колхоз отдаст, но мы сможем каждый день приходить к ней. Отца в деревне любили и уважали и при образовании колхоза его избрали председателем. Умер он в 1942 году. Мама до войны была занята на полевых работах.

Я, старший брат Феликс и средний брат Юзик (так его звали дома) учились в Сарьянской средней школе.

В 1941 году немецкие власти начали вводить свои порядки, но недолго они существовали. Уже осенью 1941 года начали группироваться в лесах партизанские отряды. Они уничтожили немецкий штаб в Сарье и в деревне Росица, после чего немцы у нас появлялись налетами: кого-то расстреливали, что-то поджигали, кого-то увозили в неизвестность. Так наказывали людей за связь с партизанами. Естественно, партизанам в лесах было очень тяжело, и они обращались за помощью к жителям деревень. Те помогали теплой одеждой, продуктами. В нашей деревне, к примеру, выпекали хлеб и отправляли в лес. Однажды ночью пришли к отцу партизаны и сказали ему срочно поднять людей, чтобы открыть бурты с картошкой для отправки в лес. Отец тоже хотел уйти с ними в лес, но ему сказали: « В лес мы не можем все уходить. И здесь надо работать». Работали. Брат Феликс (1927 г. р.)

ездил «в подводы»: часто подвозил ночью партизан с грузом в сторону станции Бигосово.

И было такое время, когда мы не принадлежали ни нашим, ни фашистам. Внезапно налетали какие-то люди, под видом партизан врывались в чей-нибудь дом, забирали последние продукты и одежду. Однажды мать попросила оставить хотя бы кусочек сахара для нашей грудной сестренки, они забрали и его. А через некоторое время налетали немцы и наказывали жителей деревни якобы за помощь партизанам. Люди жили в постоянном страхе, ложились спать не раздеваясь.

Длилось такое существование до 1943 года. 16 февраля в Дриссенском и Освейском районах прошел «смерч»: карательные отряды из войск СС уничтожили все живое. Со старыми и малыми расправлялись по-зверски. Жгли живьем, стреляли, у матерей отнимали плачущих детей из рук, брали на штык и бросали в огонь. Ошеломленные матери бросались на помощь, но их настигала пуля. 16 февраля 1943 года — неописуемый день. Не только люди в страхе метались, но и скот, бедный, ошеломленный, ревел, метался. Все было в огне, в дыму, даже снег был черный. Со стороны станции Бигосово и до самой латвийской границы поднялось зарево. Над горевшими деревнями летали низко самолеты. Вдруг мы увидели, что и на нас идут немцы с автоматами в руках. Идут кольцом, в черных шинелях, как черная туча. Партизаны находились на другой стороне речки Сарьянки за деревней Возново. Силы партизан были слабы, чтобы вступить в бой с черной ордой. И вот результат: за связь с партизанами часть мирного населения была уничтожена, оставшихся каратели увезли в разные концлагеря.

Все это происходило на моих глазах. Как только немцы вступили в деревню, всех жителей разделили на две группы: в одну — старых и малых, в другую — более трудоспособных, в том числе маму, брата Феликса и сестричку Эмму (1941 г. р.), так как она была у мамы на руках. Меня, брата Иосифа (1933 г. р.) и брата Вячеслава (1937 г. р.) отделили в группу стариков. Вдруг приземлился самолет. Прибыло какое-то начальство, каратели отвлеклись разговорами. В это время я с младшими братьями незаметно перебежала к маме. Между взрослыми мы спрятались. Поэтому и остались в живых.

Деревня догорала, когда дали команду старикам и детям под конвоем идти обратно. Завели в уцелевший дом. В один миг он запылал пламенем. Мы же должны были смотреть картину, которая разрывала душу. После экзекуции нас повели в Сарью. Ночь переночевали там, а 17 февраля на подводах нас повезли в Росицу, в костел. Там нас держали четверо суток без пищи. Люди мерзли,

так как многие не успели даже одеться. Делились одеждой, чтобы укутать маленьких детей. Все, кто был повзрослее, прижимались друг к другу и трусцой двигались по кругу, чтобы не замерзнуть. За эти дни многих людей вызывали и куда-то увозили. Обратно они не возвращались. Через некоторое время нас повезли на станцию Бигосово. Там затолкали в товарные вагоны, на дверях написали: «Бандиты».

Поместили нас в барак № 7. Детей до пятнадцати лет работать не заставляли. Мужчины носили из кучи в кучу землю носилками, разбивали каменные глыбы, а женщины плели из соломы лапти на сапоги. Примерно через месяц выдали родителям бирки из фанеры с продетыми веревочками, на которых они должны были написать фамилию, имя, отчество, место и год рождения своих детей до пяти лет. Однажды назвали несколько фамилий, в том числе вызвали и нашу маму. Велели надеть бирку на младшую дочь и отнести ее в автобус. Ей тогда был 1 год 8 месяцев. Простились, и отправили ее неизвестно куда.

Итак, первое тяжелое прощание было с родным домом, второе — с сестричкой. Третье расставание вообще парализовало волю. Вдруг ночью объявили срочный подъем и приказ: «Начиная с пятнадцати лет мужчинам и женщинам одеться и выйти из барака. В бараке остаются только дети!»

Всю ночь стоял рев. Никто не спал, каждый звал свою маму. Мамы тоже кричали в соседнем бараке. Даже земля саласпилская в ту ночь стонала и ревела.

Вот так уходили в неизвестность мама и старший брат Феликс.

Я осталась с двумя младшими братьями. Прошло еще немного времени. Вдруг вызывают Юзика. Простилась и с ним. Остались вдвоем с младшим. А еще с нами был двоюродный братишка Витя Замбар (1937 г. р.). Присматривала и за шестерыми маленькими детьми (не знаю, чьи они были) от трех до пяти лет. Не только я, а все старшие дети помогали малышам. Они быстро стали слабеть. И умирать. Потому что кровь, в основном брали у маленьких детей. А еще приходили к нам надзирательницы с плетками и били детей за то, что плачут, за то, что обмочились на нарах. Били, чтобы просто потешиться. В виде наказания могли лишить скудной порции обеда.

После каждой ночи на нарах находили покойников. Какой-то мужчина на лошади с черным ящиком на телеге весь день вывозил детские трупы. Собирал по нарам: кого за руку, кого за ногу в ящик сбрасывал. А куда вывозил, не знаю.

Меня вывезли в мае месяце. Правда, живую. Младший брат остался в Саласпилсе. Мне с ним трудно было прощаться. Он очень

долго плакал, просил: «Возьми меня с собой. Мама тебе говорила не оставлять нас». Тогда я наклонилась и тихонько сказала: «Бегите с Витей на мои нары. Там под подушкой я спрятала для вас два кусочка хлебушка и сахар». Они побежали, а я быстро вышла из барака. Было нас человек тридцать в возрасте двенадцати — четырнадцати лет. Рядом с автобусом лежали глыбы камней, мужчины их разбивали. Я увидела среди узников нашего учителя Коношонка Георгия Георгиевича. Он очень плохо выглядел. Жестом приказал мне не плакать. Потом показал пальцем на себя и на землю. Наверное, он в Саласпилсе и погиб.

Автобусом нас привезли в Ригу, в монастырь по улице Кришьяна Барона. Там было множество людей. Завели в небольшую комнату, впускали к нам по два человека. Каждый выбирал, кому кто нравился. Меня взяли хозяева работать и жить на хуторе в Бабитской волости. Летом весь день пасла скот: 13 дойных коров, 4 телки, 1 бык и 6 овец. Вечером и утром доила, поила. Зимой тоже полностью была занята скотом: кормила, варила похлебку четырем кабанам. Спала четыре часа в сутки, а меня за все это величали «криеву цука» (русская свинья). Было очень обидно и тяжело. Иногда не выдерживала, убегала за холм и кричала долго-долго: «Ма-ма! Ма-ма!» Накричусь — и как будто от этого слова легче на душе станет.

Прожила я у хозяев с мая месяца 1943 до сентября 1944 года. В сентябре всем хозяевам, у кого были такие дети, как я, пришли повестки с приказом доставить детей на станцию Бабите для отправки в Германию. Хозяин меня привез на станцию. Там было много детей. Поместили нас в товарный вагон и повезли в Ригу (опять за проволоку!) в морской торговый порт. Там грузились большие пароходы и отправлялись в Германию.

Младший брат Вячеслав и Витя Замбар были вывезены из Саласпилса в конце лета 1943 года. Вячеслав был сильно истощен, не ходил, его на руках отнесли в автобус. На детском базаре его не хотели брать, поэтому его поместили в какой-то детдом, где с трудом вылечили. А потом семья рижан взяла к себе на воспитание.

Мама из Саласпилса была вывезена в концлагерь Майданек, потом в Равенсбрюк и Нойенбранденбург. В 1945 году они были освобождены советскими войсками. Сначала работала там же, в Германии и только после тщательных проверок, в 1946 году, вернулась на родину. В сельсовете нашла мое письмо, которое я писала, обращаясь ко всем, кто знает хоть кого-нибудь из родных. Так все в то время помогали друг другу в розыске.

Мама прислала нам письмо в Ригу, а приехать сразу не могла. Рига была закрытым городом, но мама все же решила приехать. Без пропуска, товарными поездами с трудом добралась к нам.

Сердце рвалось к детям, которых отняли враги. А сейчас свои не пускают. Сплошные препятствия. Маме отказали в прописке, приказали в 24 часа выехать из Риги. Правда, детей разрешили забрать. А забрать-то их некуда было. Спасло то, что жилье у меня уже было — двухкомнатная квартира в Риге. И я осталась. Хлопотать о возвращении мамы в Ригу мне помогли по месту работы. И сама я ходила по всем инстанциям. До Совета Министров дошла, но правду нашла. И мама приехала, и прописалась, устроилась на работу. Прожила она до 1981 года. Похоронена в Риге.

Из ее рассказов я узнала, что брат Феликс тоже попал в концлагерь Майданек. Лагерь был разделен на шесть секторов. Назывались они так: первое поле, поле второе... Женщин поместили на первом поле, мужчин — на втором. По вечерам Феликс через колючую проволоку мог хотя бы видеть маму. Но потом его перевели на третье поле, еще позже — на четвертое.

Весной 1944 года по ночам были слышны орудийные залпы. Началась эвакуация. Маму перевезли в концлагерь Гросс-Розен, а 20 июня 1944 года — в концлагерь Маутхаузен. Получила номер заключенного 75539. 5 мая 1945 года в пять часов вечера подошли советские танки, лагерь был освобожден. Утром 6 мая власть в свои руки взяли сами бывшие заключенные. Всех слабых, в том числе и Феликса (он не мог ходить), направили в город Линц и разместили на берегу Дуная в лагере для военнопленных, установив на вышках свою охрану. Вскоре туда прибыли советские представители, бывших узников передали воинским частям. Феликса сразу же увезли в военный госпиталь. После поправки он начал службу в 18-й танковой отдельной дивизии в городе Брук в Австрии пекарем на дивизионной пекарне. Окончил школу шеф-поваров. Демобилизовался в октябре 1951 года, приехал в Ригу. 8 ноября 1951 года поступил на завод «Саркана Звайгзне». Он — ветеран труда, кавалер ордена Ленина, партийный. Имеет взрослых сына и дочь.

Средний брат Иосиф тоже был на хуторе у хозяина под Резекне. Нашла его в 1946 году осенью. Сейчас живет в Риге. Работает токарем на заводе «Старс».

Сестра Эмма из Саласпилса была вывезена в Лиепаю, в дом ребенка. Дети там содержались в качестве доноров. Брали кровь, невзирая на последствия, на здоровье детей. Много детей умирало. Их заменяли другими. Каким чудом выжила — не знаю. В 1944 году тот лагерь смерти был переправлен в Германию в город Франкфурт-на-Одере. Был освобожден советскими войсками и переправлен в город Ярославль. Мы нашли Эмму в 1947 году.

Феликса нашли в 1951 году.

И пару слов о двоюродном брате Вите Замбаре. Когда я

нашла Славика, то тогда же узнала и о местонахождении Вити, который жил в чужой семье в Риге. Пошла к нему, Витя тоже узнал меня. Договорилась с его хозяевами, что попозже заберу мальчика. Но когда пришла за ним, никого не нашла. От людей узнала, что эта семья эвакуировалась. К сожалению, Замбара Витю мы не нашли и по сей день. Всю жизнь его мать писала во все инстанции, но безрезультатно.

* * *

Необходимо добавить к рассказу Валентины Иосифовны следующее.

Березовская Эмма Ивановна и Березовский Станислав Брониславович, о которых здесь идет речь, — это двоюродные сестра и брат Валентины Иосифовны. Семья Александры Ресневич, приемной матери Вити, которая жила в Риге по улице Шарлотес (дом 5, квартира 15), в сентябре 1944 года эвакуировалась из Латвии. Поиски Вити Замбара через Общество Красного Креста оказались безрезультатными.

Недолго пришлось ждать письмо и от Феликса Березовского, который еще в Лодзи (бывшие узники посещали «свои» концлагеря на территории Польши) пообещал мне рассказать о своей судьбе. В его письме была и фотография с открытия памятного знака на месте сожженной Ракшни. Еще одно святое место не зарастет крапивой и полынью. Тот, кто захочет поклониться праху безвинных людей, — координаты деревни Ракшни вот в этом письме.

«В феврале 1943 года пятеро детей вместе с матерью были привезены в концлагерь Саласпилс. Все были разлучены и после войны все собрались в Риге.

Наша деревня Ракшни Дриссенского района находилась на расстоянии одного километра от Сарьи, семи километров от Росицы, семнадцати километров от станции Бигосово, двадцати километров от Дриссы. В деревне Ракшни было около пятидесяти домов. В среднем по четыре человека проживало в каждом доме. 16 февраля 1943 года на станцию Бигосово высадился сформированный в Риге отряд по борьбе с партизанами. Часть жителей сожгли, а часть привезли в Саласпилс. В настоящее время на месте деревни Ракшни вспаханное поле. В 1987 году я обратился к местным властям с просьбой установить обелиск на месте сожжения людей. В марте 1988 года выезжал вместе с сестрой Валей по приглашению Верхнедвинского райкома партии для опознания места, где казнили земляков. Секретарь товарищ Инна Степановна Марачковская оказалась добрым, хорошим, заботливым человеком. На райкомовской машине выехали в Сарьянский сельсовет, изучили место для установки обелиска. Оповестили всех жителей,

оставшихся в живых. 7 мая 1988 года выехали из Риги. На открытие обелиска прибыли ветераны войны, жители Сарьи, а также все мы, жители Ракшни, лишь чудом оставшиеся в живых. От жителей бывшей деревни Ракшни выступил и я, Феликс Березовский».

г. Рига. **Лисовский Франц Иосифович**:

— Пришли немцы. Они посмотрели, что в семье остались только женщина и трое детей. Мужа нет, значит, ушел в Советскую Армию.

Новые власти смотрели на нас искоса, потом оккупанты стали угрожать за то, что мы имеем связь с партизанами. А к нам действительно приходили знакомые партизаны, особенно зимой, когда нужно было и согреться, и покушать. Однажды утром встаем и видим, что наша деревня окружена немцами или полицаями в белых халатах. Никого из деревни не выпускали, пока не сделали обыск во всех домах. Но партизан, к счастью, в эту ночь в деревне не было.

Прошло некоторое время, немцы стали расстреливать женщин, детей, стариков в деревнях, около которых в лесах находились партизаны. Стали сжигать одну деревню за другой.

Это было зимой. Мама тащила самого маленького брата на саночках, а мы вдвоем шли сзади. Нас гнали до станции Бигосово. Там столько натолкали в вагон, что даже стоять было невозможно. Повезли.

Высадили из вагонов, подогнали к колючей проволоке. За ней было очень много бараков. Кушать давали очень мало. Мать, видимо, отдавала детям и свою порцию. Пытали людей каждый день в этом же бараке, за занавеской. Все было слышно: и как стонали люди, и как ругались полицаи. Мужчин очень избивали. Так, что на другой день те умирали. Лежит на нарах, вроде спит, а он уже мертвый. Над отдельными женщинами издевались иначе. Потом их возвращали на носилках и бросали на нары. Гнали на работу и тех людей, которые еле волокли ноги. Стали люди болеть. У меня было много фурункулов. Я весь опух. До этого у меня брали кровь, а как заболел — перестали. Матерей куда-то угнали, а потом и нас всех разлучили. Меня отдали одному из полицаев на работу. Я и работать не мог, а нужно было работать от темна до темна. И вот, когда Советская Армия стала подходить поближе к Латвии, этот полицай отвез меня в Ригу, где сажали на пароход и увозили в Германию. Я попал на земляные работы. Там было еще страшнее. Решился на побег. Удалось скрыться, потому что нас уже так сильно не охраняли, видимо, думали, как себя спасти. Пришлось скитаться в подвалах. Выйти из города было очень трудно: на

дорогах много немцев, поймают — сразу убивают. Когда удалось выйти, долго скитался по лесу, пока не прошел фронт.

А маму мою фашисты замучили в Германии. Это мне рассказала Ковалевская Франя. Она была вместе с мамой до последнего.

После войны я нашел сестру Нину: она помнила свою фамилию и знала, что жила до войны в деревне Масево. Написала туда письмо. А вот маленького брата мы нашли через двадцать три года после войны, ведь он не помнил даже своей фамилии.

Я окончил три класса после войны. Учиться мы не могли, так как нужно было думать, как прокормиться и одеться: нам, детям, и жить было негде, и о еде некому было позаботиться. Родных и близких не осталось, а кому нужны чужие сироты?

Позади все ужасы, страхи и беды. Сейчас живем хорошо... Только вот воспоминания — горькие.

г. Рига. **Сапроненко Вера Ивановна**:

— В феврале 1943 года привезли нас немцы в саласпилский концлагерь вместе с матерью Самусенок Елизаветой Семеновной и другими жителями нашей деревни Слободка Кохановичского сельсовета. Приблизительно через десять дней от плохого питания и антисанитарного состояния начались массовые болезни.

В один из вечеров заставили всех узников раздеться догола. По улице погнали в баню.

Спустя несколько дней в барак пришел немец с переводчиком. Нас, детей, по очереди подзывали к столу, записывали фамилию, имя и год рождения. На картонную бирку ставили каждому узнику порядковый номер.

В эту же ночь всех взрослых выгнали из барака на улицу, а мы остались одни. Начали сортировать детей по возрасту. В первую группу брали детей от одного года до пяти-шести лет, в другую группу — от семи до двенадцати-тринадцати лет. Мы с сестрой попали во вторую группу.

Детей, имевших какие-нибудь бородавки, царапины и ссадины на теле, держали отдельно. Остальных выделяли в другую группу. У детей именно этой группы неоднократно брали кровь. Уже после войны мы узнали о том, что тех доноров, детишек из нашей деревни, в живых никого не осталось. Мы с сестренкой попали в группу семи — двенадцатилетних, которых вывозили в сельскую местность и распределяли как рабочую силу среди крестьян-латышей. Так мы попали к хозяевам по фамилии Клявинь. Пасли скот, выполняли полевые работы, трудились по дому. В1944 году хозяйство хутора было национализировано и передано подсобному хозяйству Управления железной дороги Латвийской ССР.

После освобождения я, как старшая сестра, написала письмо

в родную деревню. К тому времени мама, бывшая узница Саласпилса, Майданека, Равенсбрюка, вернулась в сожженную Слободку. После моего письма мать и приехала в Латвию.

С 1945-го по 1952 год мать жила и работала в подсобном хозяйстве, а затем в опытном хозяйстве «Карли» Огрского района.

В 1952 году она переехала в Ригу ко мне ив 1957 году умерла. Вот такцм образом происходило «нашествие» белорусов в Латвию.

В 1945 году закончила 5 классов, а затем — ремесленное училище. Работала на комбинате «Паризес Коммуна» прядильщицей, а с 1959 года — на Рижском швейном объединении «Латвия» старшим мастером швейного цеха.

Моя младшая сестра, Самусенок Алина Ивановна, в 1950 году поступила в техникум. Работала старшим товароведом.

Нашу бабушку Самусенок Анну немцы вместе с другими жителями сожгли в Кохановичах.

Время, проведенное в Саласпилсе, вспоминается всегда с чувством ужаса, гнева, страха. Работа у хозяев оставила след горечи. Столько мы перенесли невзгод, а виною всему фашизм.

Всегда говорила детям, что они-то уж не должны пережить наших ужасов и страданий. Фашизм не должен повториться на нашей планете никогда!..

г. Рига. **Коледа Виталий Григорьевич**:

— Родился я в поселке Освея. Мне очень запомнилось, как в 1943 году в феврале всех жителей согнали в церковь. Затем мы ехали на подводах на станцию. В товарном вагоне было холодно, мне хотелось пить: я скоблил иней с досок. Помню барак, узкий проход и по краям нары. Я находился на втором ярусе. При входе был большой стол: очевидно, мы там кушали. Вспоминаю за этим столом людей в белых халатах. А мы, дети, стояли в очереди до половины раздетые...

Из лагеря нас привезли в Ригу в православный монастырь. Ко мне подошла женщина и спрашивает: «Ты будешь звать меня мамой?» Я ответил: «Да». Она взяла меня на руки, так как я был очень слабый и не мог ходить. Затем мы ехали на трамвае, и мне пассажиры засовывали в карманы конфеты. Когда приехали домой и меня раздели — все ужаснулись, как я выглядел. Перед войной болел я скарлатиной, а в лагере болезнь обострилась. Вся шея была в гнойных язвах. Огромный живот был у меня, очевидно, от голода.

Запомнился момент: я сидел на кушетке, вся семья кушала. А мне так хотелось есть. Сначала мне давали чуть-чуть. Были смертные случаи, когда детей сразу накармливали.

Люди, которые меня взяли на воспитание, оказались очень

хорошими. Они взяли меня как сына, хотя у них и было три дочери. Приложили все старания для моего выздоровления, хотя в то время были только частные врачи и клиники. Я их полюбил, как родных, называл отцом и матерью. Они собирались меня официально усыновить, но не успели. После окончания войны меня нашла мать. Она была в Польше — в лагерях Освенцим и Майданек. Я не хотел возвращаться, хотя и знал, что женщина передо мной — родная мать. В памяти остались все военные мытарства, и мне казалось: если она меня возьмет, то все беды начнутся с начала, все повторится. А у приемных родителей мне было очень хорошо и спокойно. Когда мать несколько раз приезжала меня забрать, я сопротивлялся... Все-таки через год мать меня забрала с собой...

Людям, которые меня спасли от верной смерти, я благодарен буду всю свою жизнь. Фамилия их Ермолаевы: Татьяна Ермолаевна и Николай (Калинник) Иванович.

Документов саласпилских никаких не имею, бирку выбросили. Осталась фотография. Меня сфотографировали в одежде, в которой взяли из монастыря.

г. Рига. **Кипич (Коледа),**
Надежда Григорьевна:

— Я, Кипич (девичья фамилия Коледа) Надежда Григорьевна, родилась 14 февраля 1939 года в Освее. В марте 1943 года меня, моего брата Виталия Григорьевича, 1937 года рождения, маму, Симацкую Полину Николаевну, бабушку Марию Федоровну и дедушку Николая Ивановича фашисты привезли в концлагерь Саласпилс. Несколько дней всех держали вместе в бараке, но в одну из ночей начали всех переписывать и вместо фамилии, имени, отчества на шею стали вешать жетон с номером. Женщин увели в другой барак, а дети остались одни. Впоследствии этот барак стал называться «детским». На следующее утро женщин посадили в товарные вагоны на станции Шкиротава и увезли в Польшу, в концлагерь Майданек, дедушку фашисты расстреляли в Румбульском лесу.

Жизнь в Саласпилсе я помню плохо, а брат помнит, что у нас брали кровь и тогда давали по чайной ложке сахарного песку, который высыпали тут же на деревянный стол: мы его лизали. Дети, оставленные без присмотра, без пищи, умирали. Тогда начали раздавать детей населению. Для этого нас привезли в монастырь, который находился на улице Кришьяна Барона. Меня никто не взял: я была больна, а брата взяла к себе семья Ермолаевых и фактически спасла его от смерти. Ермолаевы живут в Риге. Они много помнят о том ужасном периоде.

Из монастыря меня отправили в детский дом, который находился в Игате, недалеко от поселка Видражи. В 1975 году я была в

Игате, хотела узнать об архиве детского дома, но архива нет. Якобы его фашисты увезли в Германию.

Режим детского дома я помню хорошо. Там также брали у детей кровь и мы все время были голодные. В Игате были только девочки. Из всех взрослых родных у меня в Саласпилсе оставалась бабушка, которую гоняли на работу. Но в 1944 году фашисты, чувствуя свой конец, ослабили режим и разрешили бабушке взять меня из детдома. Что она и сделала.

В саласпилском лагере было много филиалов. Центральный лагерь был там, где сейчас мемориал, а еще был лагерь на Красной Двине — в Межапарке, где я и находилась с ней. Но в сентябре 1944 года, когда наши войска стали подходить к Риге, фашисты, спасая свои шкуры и надеясь на гуманность советских летчиков, загоняли детей и стариков на палубы кораблей, отплывали в море. Так живым прикрытием от бомбежек я с бабушкой попала в Германию. Привезли нас в концлагерь, который был расположен недалеко от города Франкфурт-на-Майне.

В Освею возвратилась с бабушкой летом 1945 года через Калининград. С мамой встретилась только в 1946 году в Риге, где она нашла брата в семье Ермолаевых.

В настоящее время живу с дочкой Наташей и мамой. Работаю преподавателем. Встречаюсь с Ольгой Чучиной: мы с ней вместе были в Саласпилсе и в детдоме.

* * *

Повествование брата и сестры будет неполным, если не услышим откровений, признаний тех, кто спасал освейских детишек в полумертвом 1943 году.

Семья Ермолаевых на улице Киевской в Риге — одна из таких спасительниц.

г. Рига. **Ермолаева Татьяна Ермолаевна**:

— В нашем доме жила сестра мужа — Еликонида Ивановна. Пришла к нам спросить, как кормить дитё. Мы так удивились, зная, что она бездетна. К сожалению, ее приемная девочка умерла. Вот она и рассказала про голодных, больных детей, которых раздают в семьи для спасения. Она очень была рада, что взяла девочку. Думала, что вырастит ее — на старость будет радость. Но ее мечты не сбылись. В лагере дети были до того истощены, что всех уже невозможно было спасти. Я поговорила с мужем: ты — пекарь, я — закройщица: выдюжим. Возьмем мальчика. У нас три дочери, а если ты хочешь сына — вот и возьмем: будет с кем в баню ходить. Он дал согласие. Я с большой радостью на второй день поехала в монастырь, где находились дети. Вошла во двор мона-

стыря. Мне указали по левую руку деревянный одноэтажный дом. Зашла. Смотрю: на деревянной скамейке сидят 5 мальчиков и несколько девочек. Меня одна старушка спросила, кого я хочу. Я сказала, что хочу мальчика. Она расспросила про мою семью и обстановку и сказала: «Выбирайте». Около первого мальчика я остановилась, посмотрела на него, спросила, как его зовут. Он сказал: «Витя». Спросила: «Пойдешь ко мне?» Он кивнул головой. Он был в шапке, старой шинельке. Я взяла его за ручку, и мы потихоньку пошли за ворота. Вдруг он остановился и посмотрел на меня. Тогда я увидела его карие, с мольбой, глазки. «Ну, пойдем!» А он сказал тихо: «Не могу». Я долго не думая взяла четырехлетнего мальчика на руки. В трамвае мне сразу дали место. Люди сразу догадались, что это не мой ребенок. Живот большой, на щеке гнилая рана. Одна женщина громко стала спрашивать, где я его взяла. Ответила, что детей дают в монастыре. К дому я несла его на руках. Встретили нас три девочки: Зина, Зоя и Люба. Девочки мои обрадовались. Мы согрели ванну, вымыли его чистенько, одели в девичью одежду. Диванчик бельем застлали, положили его, напоили чаем. Он маленький кусочек булочки съел. И начался у него понос. Промучились так две недели. Пришла медсестра, подсказала, чем кормить. После двух недель кушал все. Сначала мог только сидеть на своем диванчике. Мои девочки разговаривали с ним, водили за ручки, бегали вокруг стола. Дети выходили во двор с Володей, играли, бегали (почему-то прижилось имя не Витя, а Володя).

Мои дети часто кричали мне в окно: «Мама, брось мне мячик!» Однажды Володя кричит мне в окно: «Мама, брось мне мячик!» Так он стал звать меня мамой.

Не помню, когда, но это было под Новый год, я гуляла на нашей улице со своими детьми. Вдруг подходит ко мне старенькая бабуся и спрашивает адрес. Отвечаю: «Я в этой квартире живу». А она говорит: «Мой внучек здесь растет у людей». Я позвала Володю и говорю: «Володя, вот твоя бабушка». А он кричит: «Нет! Нет! Это чужая бабка!» Бабушка: «Иди ко мне, ты мой внучек. Я и твою сестричку Надю нашла. Я была у Нади. Она далеко в лесу, в детском доме».

Мальчик бегал вокруг стола, а Мария Федоровна, наша гостья, бегала за ним. Но он убегал.

И так она частенько ходила к нам со своим горем. И рассказывала про тех детей, где Надя. Когда она приходила в приют, дети окружали ее и просили передать их мамам, чтобы приехали за ними. «А как твоя фамилия? Как зовут твою маму?» — «Я не знаю», — отвечали дети. Одна девочка сказала: «У моей мамы юбка цветками».

По документам нашего мальчика звали Витей. Мы, мои дево-

чки, стали звать его Володей, Володенькой. Мы все его полюбили и решили, что он наш. Я и мой муж работали, а в отпуск уезжали к моей матери в Курляндию. Это 50 километров от Риги, на границе с Литвой. У мамы был сад, огород, дом. Рядом озеро. Там мы проводили отпуска. И дети все лето до школы были там. Володя к моим девочкам так был привязан и так дружил с ними, что приятно было на все это смотреть. Он меня звал мамой, мужа моего папой, и мы его считали сыном. Но вдруг летом к нам в субботу приезжает женщина — мать Володи. Она к нему, а он — убегает, кричит. Она уговаривает: «Я твоя мама», — он — ни близко. Мы поняли, что мальчик так нагоревался в лагере, так напуган войной и зверствами, так наголодался и теперь боится идти к матери, чтобы все это не повторилось. У нас же хорошо и весело. Он, по-видимому, поверил, что здесь ему ничто не угрожает.

Но мать есть мать. Мы это понимали и сочувствовали. В то же время и сожалели, что можем расстаться, очень хороший мальчик, послушный, умный. Мы видим: Володя не хочет от нас идти к родной матери, убегает от нее по грядам к озеру.

Когда детей привезли в Ригу, все пошли в школу. Володина бабушка тоже нас навещала. Володя все понял. Родные хотели все жить вместе. Мы тоже внушали Володе, что наши гостьи — твои близкие, самые родные. И он больше не стал их сторониться.

Володя вырос хорошим, честным человеком. Женился, имеет дочь и сына. Не забывает, иногда навещает нас, стариков.

Мы очень рады, что смогли ребенку заменить мать и отца. Когда Володя приходит, всегда вспоминаем те времена, как все вместе переживали беды.

* * *

У многих рижских матерей, которые растили приемных детей, сохранились давние реликвии: лагерные бирки, документы о патронаже... С особым чувством прочитываешь давние строки: слава Богу — это не сводки о количестве израсходованных карателями патронов...

«ДОГОВОР О ПАТРОНАЖЕ НАД РЕБЕНКОМ

Министерство просвещения сдает, и гражданка ЗИЕДИНЯ ЕЛИЗАВЕТА, проживающая в Риге, по улице ГРОБИНЯС 2, кв. 4, принимает на патронаж родившегося 7 ноября 1937 года ребенка ШУТКО ТАМАРУ НИКОЛАЕВНУ, считая с 15 октября 1944 года на следующих условиях:

(Сведения о родителях ребенка: родители расстреляны фашистами как партизаны.)

1. Патронирующий ребенка обязуется:

а) разрешать ребенку проживать в своей семье и питаться за общим столом со всеми остальными членами семьи;

б) обеспечить его здоровым, достаточным питанием, отдельной кроватью с чистым бельем и спальными принадлежностями и чистыми, подходящими для времени года, одеждой и обувью;

в) отвести ребенку полезное занятие, все же не утомлять ребенка излишне и не обременять его такой работой, которая может повредить его здоровью и будет ему не под силу;

г) обходиться с ребенком приветливо и серьезно, как со своим собственным ребенком, и до достижения им школьного возраста обеспечить его домашним или дошкольным обучением;

д) заботиться о том, чтобы в школьном возрасте ребенок посещал школу, обеспечить его соответствующими условиями и предоставить ему время, необходимое для выполнения школьных заданий, а также по возможности заботиться, чтобы ребенок получил подходящее профессиональное образование;

е) давать ребенку хорошие советы и наставления, хороший пример в прилежании, порядке и нравственности, чтобы в нем пробудилась любовь к правдивости, сознание обязанностей честного советского гражданина, любовь к природе и к своей родине.

2. Если ребенок заболеет или будет замечено серьезное ухудшение его здоровья или ослабление организма, то обязанность патронирующего немедленно обратиться к врачу и тщательно выполнять его указания.

Ребенка следует систематически приучать чистить зубы и содержать в чистоте свое тело и одежду.

Запрещается давать ребенку алкогольные напитки, также подлежит запрету курение.

3. Если у ребенка замечается непослушание, плохие свойства и склонности, обязанностью патронирующего является его поучать, все же не применяя физические воздействия. Если неоднократные поучения и предупреждения не помогают, то патронирующему следует заявить об этом в Отдел народного образования.

4. При инспекциях, которые проводятся руководящими, а также уполномоченными лицами из Министерства просвещения, Отдела народного образования и исполнительных комитетов, обязанностью патронирующего является давать все сведения о ребенке правдиво и чистосердечно. В отношении обеспечения и воспитания ребенка патронирующий обязан соблюдать все изданные Министерством просвещения правила, а также указания уполномоченных лиц.

5. Если патронирующий по какой-либо обоснованной причине принужден отдать ребенка обратно, то он должен заблаго-

временно сообщить о своем намерении или непосредственно в Отдел народного образования, или через посредство уполномоченного лица.

Патронирующий все же обязан оставить ребенка в своем доме до того времени, пока Отделом народного образования будет найден новый патронирующий или соответствующее учреждение, куда поместить ребенка. Патронирующий должен учесть то, чтобы в связи с перемещением ребенка не создались помехи в ходе его школьного обучения.

При нарушении патронирующим законных обязательств или если в обстоятельствах семейного быта патронирующего создаются неблагоприятные для ребенка перемены, то договор расторгается. За ребенком сохраняется нательное белье, одежда и обувь, которые находятся на нем. Пособие на содержание ребенка выдается по день перемещения ребенка.

7. О перемене места жительства ребенка патронирующий обязан немедленно письменно сообщить в Отдел народного образования. В сообщении следует указать причины, вызвавшие необходимость перемены места жительства, и описать жилищные обстоятельства на новом месте жительства, размеры квартиры и пр.

8. Патронирующему запрещается отдать ребенка его родителям или родственникам или передать его на воспитание другому лицу без согласия Министерства просвещения или Отдела народного образования.

9. Упомянутому во введении к данному договору патронируемому ребенку Отделом народного образования ежемесячно выплачивается пособие из местного бюджета в предусмотренном по закону размере».

* * *

«...Сведения о родителях ребенка: родители расстреляны фашистами как партизаны».

Сама Тамара Николаевна, когда я ее отыскал в Риге, сказала, что она не знает точную дату своего рождения. Но 7 ноября 1943 года к ней подошла женщина и назвала себя мамой. Тот день она и поныне считает днем своего рождения.

Я повторил путь от родины Тамары Шутко до ее новой родины, от заметенного временем подворья ее родного дома до порога квартиры Елизаветы Зиединьш. Но пусть о своей судьбе расскажет сама Тамара Николаевна Шутко:

— После того как за связь с партизанами расстреляли в Росице родителей, меня с братьями взяли на воспитание родственники. Но когда пошла карательная экспедиция, их сожгли. Везли нас, детей, на подводе. Видела, как в Росице родной дом дымился,

каким розовым пламенем горели яблони. В одном дворе стояла женщина с ребенком. Наш конвоир что-то крикнул ей, а потом подбежал, выхватил с пеленок ребенка и ударил его головой об угол. И так озорно вновь сел на подводу. Женщина бросилась на фашиста, но упала под автоматной очередью.

Помню, как по саласпилскому бараку ходила толстая женщина: придет, посмотрит, кто из нас более подходящий. Потом завяжет жгут, воткнет иголку... После взятия крови миска баланды нам полагалась.

Бурда из очисток, драка из-за капустных листьев... Весной дождевых червей копали и ели. Хорошие такие дождевые черви попадались... Ели траву, какая только могла вырасти за проволокой.

Провинившихся в бараке под щетку ставили. Щетку — на плечо, и если она чуть-чуть покачнется — стреляли в человека.

Со мной любил играть какой-то немец. Может, я напоминала ему родную дочь. Но это меня и спасло тогдаа. Он принес одеяло, одежду, часто подкармливал меня.

А вскоре с братом Александром я оказалась в Риге, в детдоме. Через четыре месяца мы с ним потерялись и увиделись только через 20 лет.

Помню осень в Саулкрастах. Нас кормили одной картошкой. Мы ходили, как пауки, — на тонких ножках с большими животами. Попрошайничали у рыбаков.

Елизавета Францевна Зиединьш говорила потом, что я после детдома еще целый год не смеялась. И еще я узнала, что всех детей в Саулкрастах немцы, перед тем как удрать, отравили.

А 7 ноября 1943 года произошло следующее. Елизавета Францевна рассказывала потом, что ей сначала понравилась моя двоюродная сестра Феня. Ее и хотела она взять на воспитание. Но когда зашла к нам в комнату, она в шутку громко спросила: «Кто хочет ко мне в дочки?» Все побежали к ней, а я осталась у стены, нерешительно сказала: «Не хочу идти в дочки. У меня есть мама». Тогда ей захотелось удочерить именно меня. Ведь на бирке было отмечено, что мои родители расстреляны, и я никогда не увижу своей родной матери.

Елизавета Францевна и Иван Романович прятали меня, когда приходили жандармы забирать меня на пароход. Выросла у них, окончила училище полиграфистов. Год проработала во Фрунзе, не выдержала одиночества, снова вернулась к маме. И уже до последних ее дней мы не расставались.

Мне было 22 года, когда совершенно случайно посчастливилось отыскать брата. Он жил у своей приемной матери на хуторе Ушури около Яунелгавы. После войны взорвавшаяся мина повре-

дила ему руку и глаз. Но он окончил техникум, стал работать мастером леса;«Старенькая мама пошла не к родной дочери доживать свой век, а к нему: «Саша — сын мой!» — сказала латышка.

* * *

И у меня с Латвией — самые кровные связи.

Случилось так, что в Юрмале, на краешке янтарного берега, в 60-х годах «бросила якорь» еще одна белорусская семья. Мама моя стала ремонтником дороги, отец — кочегаром: колхозники из Миорското района на склоне лет решили быть ближе к родственникам. Но в моем роду кровная близость с Латвией зародилась еще в Петрограде, где вдоволь было представителей рижских пролетариев и придвинского крестьянства. Так получилось, что сестра моей бабушки Анны — Полина — стала носить фамилию Спрогис, а позже моя родная сестра Нина стала подписываться фамилией Янсоне.

Для сестры Латвия стала второй родиной: ее приняла Рига, принял латышский язык, быт, культура... И хотя на каугурской земле стоит наш отчий дом, лично я в Латвии все же гость. Может, самый простой, домашний, что ли...

Порог каугурского дома имеет удивительное свойство: он несколько выше того, который я легко переступал в белорусской деревушке на исконной родине. Он значительнее от моего уважения, преклонения перед этой гостеприимной землей. А преклонение это — от желания, чтобы и мою зеленую придвинскую родину все мои соседи замечали и привечали.

Латвия мне дала многое. Рига стала первым городом моего детства. Встреча с поэтом Эйженом Веверисом послужила началом моей долгой и трудной работы по поиску Неизвестного поэта (латышские стихи Вевериса и стихи безымянного пока поэта из партизанской Витебщины помогали в концлагерях сражаться за души узников). И вот написана поэма «Только одно имя», закончена документальная книга «Браніслава». Напечатаны стихи о «короле» Вячке из Кукейноса, о Риге, о Райнисе, о Латгале... Переведены стихи Мирдзы Кемпе «Сердцу Белоруссии», Андриса Веяна «Янка Купала в Риге»... Теперь я знаю, как светло думают о нас латышские поэты. Ибо было страшно слышать цитату из учебника для гимназии, по которому учился еще Эйжен Веверис. Он вспомнил буквально следующее: «Белорусы живут в болотах... болеют колтуном... поэтому они низкой культуры... Что хорошо умеют делать — рыть канавы... на это они большие специалисты».

Но подобным «учебникам» уже не верил Ян Райнис, несравненный друг белорусов. Как я радовался, работая в райнисовском архиве, каждому найденному свидетельству его интернационалис-

тского подвига! Благодарен Янису Ниедре, показавшему мне купаловские места в Риге, Сигулде.

Есть у Райниса проникновенные строки: «Солнце — первое, что помню, и последним будет солнце!» Сколько райнисовского солнца во всей латышской поэзии! Сколько райнисовского света в латышско-белорусском побратимстве! Осмелюсь продолжить мысль такими строками из стихотворения, посвященного Райнису: «Наша дружба — наше солнце, мы — его лучи живые».

II

«Мне везло в жизни на добрых людей», поэтому мой «Рижский дневник» — самый богатый на события и встречи. Можно «потонуть» в многолетних записях, адресах... Попробую еще раз сгруппировать материалы — свидетельства представителей еще одного рода.

В 1953 году среди первых поступающих в Минское суворовское училище был и Василий Скрипко.

Он родился на Освейщине за три месяца до начала войны. Каждая третья деревня, увековеченная в Хатыни, — из родного края Василия. В одной из урн на кладбище деревень есть и пылинки праха его близких, и сотленные уголья отцовского дома.

Иногда говорят: «спасся чудом». По расчетам карателей, которые во время войны превратили Освейщину в пустынную землю, маленький Василь со своей матерью Марией Варфоломеевной не должен был жить. Но оккупанты с эсэсовской изощренностью придумали узникам партизанского края самое ужасное: смерть в рассрочку. Для советских патриотов ими были уготованы ад Саласпилса, каторжные работы, многочисленные концлагеря раздавленной фашизмом Западной Европы.

В Саласпилсе многие сверстники Василия были отравлены, он чудом спасся, потому что находился на то время в изоляторе. Неизвестно, сколько еще испытаний довелось бы выдержать трехлетнему малышу, если бы в Риге на монастырском подворье (а туда на грузовиках вывозили из Саласпилса доживающих свои дни детей) на него не обратила свой взор сердечная женщина — Ксения Михайловна Врублевская. Что она знала о нем? Только то, что на шее мальчика висела бирка «Скрипко Василий, 1941 г. р.».

Вместе с родными детьми Леней и Стефой, мужем Вацлавом отогрела Врублевская душу измученного существа, вернула ему жизнь, любовь материнскую.

После войны из Майданека возвратилась родная мать Василия. Отыскала своего сына. Чтобы привык Вася к матери, Ксения Михайловна на долгое время поселила Марию Варфоломеевну у себя.

...Из Риги, с улицы Патверсмес (Приютской), привезла мама сына, подросшего жизнерадостного крепыша, в Минское суворовское училище. Но не дождалась она, когда Вася окончит обучение. Умерла в 1959 году. И Ксения Михайловна стала для Василия за родную мать.

При первой возможности Василий Скрипко, то ли один, то ли с семьей, приезжал в ставший ему родным дворик на улице Патверсмес, взбегал на деревянное крылечко.

— Вот и я, мама! — слышала Ксения Михайловна голос возмужалого сына.

«Бывшая» белоруска из Гродненщины во время беженства в Россию от истреблений Первой мировой войны и вышедшая там замуж, Ксения Михайловна очутилась в Риге. Ее дети уже писались латышами. И при встрече Стефа укоряла меня и моих земляков в потере национальной гордости. О белорусы, белорусы... «Бывшие»... «Выбывшие»...

г. Рига. **Врублевская Ксения Михайловна**:

— В 1943 году в начале апреля у меня умерла дочь.

В это время я услышала, что раздают детей, привезенных из концлагеря Саласпилс, в монастыре на улице Кришьяна Барона.

Я поехала туда, чтобы взять на воспитание девочку, так как потеряла свою дочь.

В монастыре подходит ко мне женщина с ребенком на руках и говорит: «Возьмите этого мальчика. Зачем вам девочка? Смотрите, какой хорошенький!» Двухлетний мальчик, белоголовый, на шее бирка, на которой написано: «Скрипко Василий. 1941 г. р.»

Когда освободили Ригу, нам приказали сообщить в милицию адреса, по которым проживают приемные дети. Я отнесла записку с фамилией Васи для регистрации.

В феврале 1946 года ко мне пришла его бабушка (нашла по адресу, полученному в милиции). А потом из Германии приехала Васина мать. Так у него оказалось две мамы. Но освейская мать, к сожалению, умерла, поэтому до сих пор я ему остаюсь родной...

г. Рига. **Шандер Александр Варфоломеевич, дядя Скрипко Василия**:

— В концлагере Саласпилс мы, маленькие дети, были с матерью в одном бараке. Как-то поздно вечером в барак, где находилась наша семья, зашли немецкие солдаты в черной форме. К столу вызывали по фамилии. Нам, детям, на шею повесили картонные жетоны, на которых были написаны фамилия, имя, возраст и национальность. Нас было пятеро: Шандер Пётр, 1933 года рождения, Шандер Валентина, 1937 года рождения, Шандер Иван,

1940 года рождения, сын старшей сестры Скрипко Вася, 1941 года рождения и я, Шандер Александр, 1930 года рождения. Всех нас отвели обратно на нары, а маму, папу и старшую сестру Скрипко Марию вывели из барака. Как-то днём нас, детей от пяти лет и старше, вывели в другой барак. В первом остался мой младший брат Иван, племянник Скрипко Вася и сестра Валентина.

Не помню, сколько нас держали отдельно. Когда днём нас выводили на прогулку, я с Петром бежал к тому бараку, где остались близкие. За это били ремнями. Мы видели, как каждый день из нашего барака увозили детей. Мы все стремились уехать. Подошла и наша с братом очередь. У стола стояли два немецких офицера и какой-то человек в гражданском. Они спросили, вдвоем ли мы, я ответил, что у меня есть брат, сестра и племянник в другом бараке.

Тогда гражданский взял меня за руку и повел в тот барак. Я нашел сестру. Ивана же не нашел, и женщина, которая была с детьми, сказала, что его уже нет в живых. Племянника Васю взять мне не разрешили. Сказали, что это не одна семья, поскольку у него другая фамилия. С сестрой я вернулся к брату. Нас вывели к воротам лагеря. Там стояли два автобуса и крытая машина. В тот же день пришли представители волости. Приезжали хозяева, выбирали себе детей постарше. Ко мне подходили три раза, но когда я говорил, что у меня есть брат и сестра, отходили. Потом к нам подошли две женщины и сказали, что брат и сестра будут у одного хозяина, а я у другого, рядом. Нас переправили через речку. Потом посадили в телегу и привезли в двухэтажный дом к хозяину по фамилии Цирулис. Хозяева долго между собой разговаривали, но потом взяли сестру и брата, а я поехал дальше. Примерно через километр стоял дом хозяина по фамилии Балодис.

Однажды пришел полицейский... Наутро нас повезли обратно в клуб. Хозяева дали нам чемоданчик, в котором были платья и носочки для сестры и бутерброды. Мы плакали, думали, что нас повезут опять в Саласпилс. Посадили в автобус, в котором была женщина в черном — монашка и один немецкий офицер. Нас повезли по дороге в сторону Саласпилса. Старшие дети, которые запомнили дорогу, подняли в автобусе шум. Монашка успокаивала нас, говорила, что везут в Ригу. Но шум не утихал. Немецкому офицеру пришлось стрелять в воздух, чтобы успокоить нас. Но дети притихли только тогда, когда автобус проехал Саласпилс. По дороге умер пятилетний мальчик.

Нас привезли в Ригу, в монастырь на улице Кришьяна Барона. Пришел батюшка с большим крестом и перекрестил нас. Стали приходить люди с разных заводов. Говорили по-русски.

К нам подошли мужчина и женщина. Им нужны мальчик и девочка, а нас — трое. Мужчина тогда сказал: «Возьмем, мать, тро-

их». Женщина согласилась. Извозчик повез на улицу Ритупес. Там была квартира наших воспитателей Рутковских — Мартына Николаевича и Екатерины Ивановны. Мы приехали к ним в апреле 1943 года. Работать не надо было, мы только помогали по дому. В конце мая я пошел пасти коров на окраину Риги. Тогда же заболел Петя, и его положили в больницу. У него обнаружили туберкулез кости левой руки.

В июне нас разыскал старший брат Василий. Мы его видели в последний раз дней за пять до расставания с родителями в Саласпилсе.

После освобождения Риги мы с сестрой начали ходить в школу.

Наша мать разыскала нас в декабре 1945 года. Вот как это произошло. Мы вернулись с сестрой из больницы, где навещали больного брата, и дети нас встретили радостными криками: «Ваша мать приехала!» Мы думали, что приехала Рутковская, но это была наша родная мама. Моя сестра убежала от мамы, видимо, переживала какой-то страх.

В 1946 году мы окончили школу и поехали жить к маме на подсобное хозяйство в Огресгальской волости. Брат Петя в это время находился в больнице, но потом тоже приехал к маме. Я стал работать в подсобном хозяйстве. Осенью сестру Валю и брата Петю отправили в детский дом, который находился в Балдоне. Петя зимой заболел, и его опять положили в больницу. В июне 1948 года он умер. Я проработал в подсобном хозяйстве один год, а в ноябре 1947 года поступил в строительное училище...

г. Рига. **Шандер Василий Варфоломеевич**:

— Бараки в Саласпилсе были построены из сырых и мерзлых досок. Из таких же досок были нары. Постели — никакой. Обувь снимали и клали под голову. Поднимали нас рано. Сначала становились в очередь за хлебом, потом за кофе. Пока стояли в очереди за кофе, хлеб исчезал из рук незаметно: съедали по крошке... После такого завтрака нас отправляли на работу. Работа была всякая. Бестолково, например, переносили землю на носилках... Человек должен был шевелиться, сидеть и стоять запрещалось.

Когда приходилось переносить дрова в прачечную, мы старались подойти к новой группе узников, у которых еще не отняли продукты. Но если надсмотрщики замечали, что ты получил или поднял кусок хлеба, страшно наказывали. Наказывали ударами или заставляли выжиматься на руках, пока не потеряешь сознание: тогда удары не чувствуешь.

Однажды заключенная латышка, которая работала медсестрой, узнав меня, шепнула, что мой брат находится в 6-м бараке и

она поможет с ним встретиться. Когда я увидел брата, а ему тогда было два с половиной года, то с ужасом заметил что он был уже не жилец на этом свете. В таком возрасте переносить голод труднее, чем людям пожилым.

Обычно мы договаривались о еде никогда не вспоминать. Но любой разговор кончался словами о еде, и мы не могли понять, кто «вкусные» слова произнес первым.

Радостные дни были тогда, когда приходила очередь сжигать мусор: в мусоре попадалась картофельная шелуха... Мы были рады попасть в молодой сосняк пожевать почки и кору. В супе иногда находили лошадиные кости. Любили ьозиться с круглым суставом от копыта: он был помягче, его можно было угрызть.

Несколько раз я видел, как из бараков выбирали красивых, молодых девушек, одевали их, как мы говорили, в «хорошую одежду» и увозили. Даже парней молодых также прилично одевали и увозили.

15 апреля 1943 года нас посадили в автобус. На душе стало радостно, когда выехали из ворот лагеря. Я попал в Кастранскую волость. У сельского клуба нас выставили в ряд, как товар. Хозяева ходили и выбирали себе работников. Меня взяли на хутор Дрейманы. Фамилия хозяина — Блум Александр Петрович. Мать у него полька, отец латыш. Хозяйку звали Зинаидой Трофимовной. (Отец у нее русский, мать из Латгалии.) Люди были очень культурные. Сам хозяин знал четыре языка. Он для улучшения здоровья купил хутор, в сельском хозяйстве не разбирался. Я был человеком с кре - стьянской смекалкой и очень быстро завоевал авторитет у хозяев. Работать приходилось от зари до зари, но зато всегда был сыт. До сих пор не могу забыть, как первый раз услышал в Дрейманах кукушку. Почувствовал себя свободным, даже осмелился написать в Саласпилс, чтобы узнать о родных. Ответа не получил. Написал на латышском языке — и снова ответа не получил. Тогда хозяин написал на немецком. 4 сентября 1943 года пришло письмо, где было указано, что мои два брата и сестра находятся в Риге, а отец, мать и старшая сестра — в Майданеке.

Год прожил спокойно. Меня никто не тревожил. Был в Риге у братьев, но брат Пётр уже лежал в больнице, где от туберкулеза и умер. А был очень способным мальчиком, хорошо рисовал.

Но вернусь к весне 1944 года. Следить за мной было поручено двум полицейским — Меднису и Мизону. Эти люди несколько раз детей увозили от хозяина и сдавали немцам для отправки в Германию. Мне удавалось убегать и возвращаться на хутор. Хозяева всячески оберегали меня. Дом находился в сотне метров от леса. И когда на дороге появлялись полицейские, хозяйка одевала мою куртку и прохаживалась по двору, а я убегал в лес. Она отвечала,

что мальчика нет. Но однажды утром я пошел косить и забыл об осторожности. Полицейский Мизон арестовал меня и отвез к немцам. При передаче в комендатуре, не зная о том, что я владею латышским языком, он обозвал меня скотиной. Но я вновь совершил побег и возвратился к своим спасителям. Почему я вспоминаю об этом случае?

В октябре 1944 года мы уже были освобождены, и судьба свела меня с «черным» Мизоном. Необходимо еще отметить, что латышский язык я освоил за три месяца, а писать по-латышски мог через шесть месяцев. Так вот в Дрейманах у меня был сосед по имени Эрнест. Мы с ним оказались на службе в одной воинской части. С Эрнестом у нас была привычка говорить на русском языке. Однажды он мне и говорит: «Твой «друг» Мизон находится в нашей части». Я удивленно спросил: «Неужели он не ушел с немцами? Ведь он убивал людей!» Наш разговор услышал старший лейтенант и говорит: «Вот тебе автомат — можешь расстрелять его». Я обернулся: «черный» Мизон стоял у меня за спиной. Он по-латышски сказал: «Доброе утро, сосед». Лейтенанту я ответил: «Что Мизон заработал, то по суду и получит».

Позже я узнал, что суд действительно состоялся. Бывший полицейский был приговорен к двадцатипятилетнему заключению…

г. Рига. **Брагина Валентина Варфоломеевна, сестра Александра и Василия Шандеров**:

— Начало войны в моей памяти — это день, когда горел наш дом, билась на привязи около дома собака, нас вывозили в Саласпилс. Помню подводы, скот, дорогу, людей на этой дороге. Потом был Саласпилс: опять много людей, голых, бегущих по снегу. Дни, прожитые у латышского хозяина, запомнились так: с большой тяжелой тачкой ходила в лес за шишками… Помню монашек, которые кормили меня: это было уже в Риге, в монастыре.

Потом вошла в мою жизнь Екатерина Ивановна Рутковская. Ехали домой на извозчике. Это было что-то сказочное. Перед Екатериной Ивановной я буду в вечном долгу — за ее доброту, за то, что в такие тяжелые годы она приютила (несмотря на то, что у самой была большая семья) троих чужих детей, обогрела, одела, спасла нас. Приняла ли я ее, как родную? Да, я хотела называть ее мамой. Она мне не позволяла. Говорила, что у меня есть родная мама, что она вернется.

Тяжело мне вспоминать о встрече с родной мамой. Только потом, когда сама стала матерью, я поняла, сколько боли причинила своей маме. И до сих пор меня не покидает чувство вины.

Когда мама нашла нас, я даже не подошла к ней. Я убежала от нее! Второй эпизод. Когда я в 1946 году приехала (воспиты-

валась в детдоме) на зимние каникулы, в доме находилась и Екатерина Ивановна. Я подбежала не к маме, а к ней. И ночевать ушла к ней. Вы представляете, каково было моей маме?! Вот так я жила: все время стремилась к Екатерине Ивановне. Маме со мной было тяжело, но и мне, наверное, было нелегко.

Во втором классе после зимних каникул мне пришлось поменять школу — русскую на латышскую. В детдоме нас больше не держали, а там, где жила мама, русской школы не было. И вот я пришла в латышский класс. Никто меня не понимает, и я никого: даже не все учителя говорили по-русски. Сидела на задней парте одна. Было трудно, очень трудно. Добрым словом вспоминаю учительницу Нагле, которая, не жалея ни времени, ни сил, все лето занималась со мной латышским языком. Вообще мне везло в жизни на добрых людей. Благодаря им я выжила во время войны, выучилась, стала человеком…

г. Рига. **Николаева Надежда, дочь Рутковской Екатерины Ивановны**:

— Дети, которых моя мать взяла на воспитание, — Александр, Валентина и Петр, — сначала находились на хуторе у хозяина. Потом их привезли в Ригу. Как мы их спасали? А было это так. Пришел с работы отец и сказал, что на заводе записывают желающих взять детей на воспитание. Мне самой тогда было двенадцать. Так что все хорошо помню. Это было весной 1943 года. Дети стояли во дворе монастыря. К нам кто-то подошел и сказал отцу: «Вот, Рутковский, твои двое», — и указал на мальчика, примерно моего возраста, и девочку поменьше. А к ним прижимался еще один мальчик. Мать спросила: «Вы что — все родные?» Они ответили: «Да». Тогда мои родители решили их не разлучать: где двое, там и третий. Вот так в семье стало четверо детей.

Дело в том, что в городе существовал церковный комитет, который интересовался, как живут дети на хуторах. Крестьяне брали узников для работы, а содержали не всегда сносно. И тогда этот комитет стал ходатайствовать перед оккупационными властями, чтобы отдать хуторских детей в семьи рабочих на воспитание.

С первого дня жизни в нашей семье Александр, Валя и Петя чувствовали себя равноправными, никто их не обижал. Никогда не вспоминали о родителях. Даже когда нашлась их родная мама, Валя ни за что не хотела уходить к ней, плакала…

* * *

Своей судьбой связан с Латвией и Мороз Вячеслав Вячеславович из деревни Морозы.

г. Ливаны. **Мороз Вячеслав Вячеславович**:

Письмо первое

«Я родился 1 января 1937 года в деревне Старые Морозы Бигосовского сельсовета Верхнедвинского (бывшего Дриссенского) района Витебской области. Родители — крестьяце. В 1943 году (феврале) немцы вместе с латышскими полицейскими, осуществляя операцию по создание «санитарной» зоны в пограничных с Латвией районах, полностью сожгли все населенные пункты, а жителей (если они остались живыми и не успели уйти в партизаны) увезли в концлагеря. Так наша семья (отец, мать, сестра 1930 года рождения и я) оказалась в Саласпилсе. Через некоторое время детей рассортировали: часть из них была помещена в детский барак (использовалась для взятия крови), а другая часть, в том числе и я, вывезена в город Лиепая и помещена в детский приют (так он тогда именовался). Как мне сказал в одном из помещений Саласпилского мемориала сотрудник музея, из узников детского барака в живых остались пять человек. Да, необходимо учесть, что часть детей была взята хуторянами за прислугу.

В Лиепае «воспитание» и обучение проводилось на латышском языке: нелатышей (русских, белорусов) было только 9 человек. Помню, что там учили молитвам, пению гимнов и маршей. Там содержались дети разного возраста (от года и до десяти). Режим для тех, кто ходил, был армейский: построения, передвижение строем, самообслуживание... Запомнилось, что терял сознание: может быть, у нас брали кровь? В общем, когда через семь месяцев мать приехала за мной, я по-русски не говорил, хотя, конечно, речь понимал.

Каким образом мы встретились с семьей? Волею случая. В Саласпилсе строго индивидуально отбирали наиболее здоровых в физическом отношении людей для отправки в Германию (больных, изможденных уничтожали). Родители и сестра оказались в числе первых. Их перевели в Юмправу, а потом в Румбулу. Там мать узнала о моем местонахождении, и ей удалось получить разрешение забрать меня: помогла какая-то женщина — выходец из Белоруссии. В 1944 году, когда наши войска подходили к Риге, на судне через Гданьск нас увезли в Германию, а потом в Австрию (город Куфштейн, в тридцати километрах от Инсбрука). Содержались в небольшом лагере, где жили и военнопленные.

После войны вернулись на Родину, родители стали жить в деревне Морозы (бывшие Старые Морозы), в полутора километрах от нашей сожженной когда-то усадьбы. Название нашей деревни высечено в Хатыни на стене «возрожденных деревень».

Сестра отца Софья Дементьевна уничтожена в концлагере

(вероятно, в Освенциме).

В Верхнедвинском районе живет много бывших узников лагерей смерти. В той же деревне Морозы, например, живет Ушакова Анна, которая была в Саласпилсе, а потом в каком-то другом лагере, где, по ее словам, работала в команде по переносу трупов от газовой камеры в крематорий.

При посещении родных мест я стараюсь встретиться с людьми, которые были в саласпилском лагере смерти, чтобы записать их воспоминания. Если отец приедет на новогодние праздники к нам, я постараюсь выяснить и у него что-нибудь».

Письмо второе

«Оказывается, в наших местах в настоящее время живет довольно много людей, которые прошли через Саласпилс и другие лагеря смерти. Со слов отца, 16 февраля 1943 года на рассвете были сожжены деревни (в зоне Бигосова): Вороны, Даньки, Ковалевщина, Морозы (Новые и Старые), Каменцы, Спруги, Росица, Сарья и другие. Стариков и инвалидов расстреляли. В погранотряде (сейчас это место называется «Опытная станция», хотя станции там давно нет) в сарае сожгли человек пятьдесят. Оставшихся посадили на поезд в Бигосове и увезли в Саласпилс. Мои родители (а значит, и я) содержались там в бараке 12 «Б» до апреля 1943 года, потом — в лагере на территории недавно закрытого аэропорта Румбула. Это при въезде в Ригу со стороны Даугавпилса. Там был сортировочный лагерь, в основном для евреев. Отец вспоминает, что там было 13 тысяч евреев, 10 тысяч из них на месте же уничтожено.

Возвратимся к Саласпилсу. О работе: отец дробил камни. Мать плела из соломы циновки и что-то подобное на галоши. Отец уверяет, что в лагере было 40 бараков. В их бараке — 3 ряда нар в 5 ярусов. Наши располагались на первом ярусе. Мужчины и женщины в разных рядах.

Кто пытался нарушать режим лагеря, тем навешивали спереди и сзади по доске с надписями по-немецки. Проводилась «идеологическая» обработка: предлагали идти работать в полицию, за это обещали дать землю и прочее.

Саласпилский лагерь для большинства белорусов был только началом мук, причем не самым страшным. Многие из них попали потом в другие концлагеря, где остались в живых единицы.

Я записал воспоминания Ушаковой Анны Васильевны. Родилась 20 января 1911 года. Место рождения — Бигосово, национальность — белоруска. До войны работала трактористкой Бигосовской МТС. На рассвете 16 февраля 1943 года деревню Вороны, где она жила с 7-летним сыном, окружили немцы, выгнали из изб,

выстроили по два человека в шеренги, поставили пулемет. Стариков расстреляли на месте, деревню подожгли. Остальных увезли в Бигосово, оттуда — в Саласпилс. В Саласпилсе сына Александра отняли (находился в Сигулде в детдоме, жив, работает на Севере). Пробыла шесть недель в Саласпилсе. Потом — карантин. Отобрали команду — 1000 женщин и 200 мужчин. Пешком угнали на станцию, потом — вывезли в Люблин. Там выдали арестантскую одежду, учили ходить в ногу на плацу. На территории лагеря — черные флаги, у конвоиров — перстни с черепами. Холод, в бараках окна без стекол. В лагере 36 деревянных бараков, кухня, ревир (санчасть), в наказание — бункер с водой... В бараках по 1000 человек в каждом. Пища: овес непросеянный, булка хлеба на пятерых в сутки. Мужчины копали лопатами землю, таскали бадью. Аппель (линейка): 3 часа утром, 4 часа вечером. Вначале работал крематорий мощностью 25 трупов в сутки. Трупы сжигать не успевали, складывали в штабеля, обливали нефтепродуктами и сжигали. Потом построили крематорий большой. Перед уничтожением партиями по 200 человек стригли, сжигали живьем. Она работала в прачечной, потом — по уходу за больными девушками, на которых проводили опыты по удалению органов... Система наказаний в лагере такая: жертву ложили животом на ящик, обитый колючей проволокой, и били палками. Если обнаруживали признаки заболеваний — отек лица, ног, — отправляли на «шестое поле», где был новый крематорий. Узники собирали и затаривали золу, жир после сожжения трупов. В Люблине (Майданеке) пробыла одиннадцать с половиной месяцев. Потом строгий медосмотр, фотографирование — ив Равенсбрюк. Работала в лагере на токарном станке, пробыла до освобождения советскими войсками. В концлагерях пробыла 2 года и 3 месяца. Вспоминает: из 200 мужчин, отправленных из Саласпилса, в живых после воины остались трое, один из них — Савруцкий, родом из деревни Кревники. Его жену уничтожили фашисты в Саласпилсе».

Письмо третье

«А сейчас попробую вспомнить некоторые сцены.

1. Отъезд из Саласпилса.

Нас, детей, вывели из барака, усадили в автобус. Автобус тронулся, и я увидел группу женщин, бегущих за ним; среди них, впереди, мать с вытянутыми руками (им кто-то в последний момент сказал, что нас увозят); женщины выбежали из другого барака, где работали.

2. В автобусе по дороге Саласпилс-Лиепая.

Ночь, лес, неизвестность. Шоферы курят, переговариваются по-немецки. Дети заснули, другие всхлипывают. У меня не ока-

залось места. Сижу на большом запасном колесе. Потом сворачиваюсь калачиком и засыпаю. Вижу сон: я еду верхом на лошади (в деревне сосед конюх Микола часто брал меня в ночное).

3. В Лиепае, детдом.

За попытку подойти к окну, если увидит надзирательница или доносчик, — несколько часов приходилось стоять на коленях. Работали на кухне. Помню: большой котел, сижу в нем, драю железной щеткой; душно, пот льет ручьем. Слышу в котле: мальчишки ходят строем и поют...

4. Фотографирование в Лиепае.

Нас вывели строем из детдома, куда поведут — не знали. Выводят по одному... Павильон, усаживают, приказывают смотреть в глазок объектива. Камера движется на меня, останавливается... Думал, раздавит... Нет... Жду выстрела... Нет... Щелчок, со мной ничего не произошло. Не знаю, как возникло ощущение убийственного страха. Может быть, оттого, что раньше никогда не фотографировался. Может, от постоянного неведения, что ждет в будущем...

5. Приезд матери в Лиепаю, встреча.

Вызывает воспитательница, проводит в комнату (зачем — не знаю). У стены стоит женщина. Знакомая и незнакомая... Вглядываюсь. Мама! Бросаюсь на шею...

Ведут в кладовую, где моя одежда, еще из Саласпилса. Узнаю свое пальто, в кармане нахожу сухарь, пролежавший семь месяцев... Мать ведет по ночному городу. Крепко держусь за руку. Шарахаюсь от фар встречных автомобилей... В поезде. Мать о чем-то спрашивает... Понимаю, но отвечаю по-латышски и говорю, рассказываю... Мать не понимает, роняет слезы.

Через много лет мать сказала, что в Риге я не отставал первые дни от нее ни на шаг — боялся потерять.

Думал ли в приюте о родных, семье?

Вначале — да, и часто. Потом — все меньше. Дети в моем возрасте очень быстро адаптировались к новой среде: резкая смена обстановки, другой язык способствовали этому. Дети — тесто, из которого можно лепить что угодно, если их поместить в изолированную среду, воздействовать в нужном (смотря каком!) направлении. Трагедия (а может, иногда счастье), что они не понимают сущности происходящего. После войны при встрече с Ушаковым Александром (сыном Ушаковой Анны) мы вспомнили эпизод встречи в бараке, в Саласпилсе. Первое, что я спросил его, было: «Шурка, а где твой гармоник?» Мы были знакомы до войны, у него была детская гармошка, он расхаживал с ней по деревне, на зависть всем. Он рассказал как-то один поразительный эпизод. Ушаков находился в приюте в Сигулде до осени 1944 года. Перед

освобождением этих мест руководство детдома разбежалось, дети были оставлены на произвол судьбы. Голодали, кормились как могли. Однажды он застал мальчика лет пяти, который подобрал в поле кость (лежавшую, наверное, годами) и в солдатской каске пытался сварить из нее суп. Вот они — детский практицизм, оптимизм и трагедия! Я часто вспоминаю эту картину: ребенок помешивает воду в каске, на дне лежит белая кость, ребенок ждет вкусного супа. Прибегают старшие мальчишки: «Дурак!» — ударом ноги переворачивают все и убегают...»

III Сага о Родстве

В 99-й школе города Минска проходил вечер интернациональной дружбы, посвященный встрече латышских и белорусских школьников. Никого не оставило равнодушным выступление преподавателя школы Марии Валентиновны Зимницкой. Ее слова об интернациональных, братских чувствах советских людей имеют реальное воплощение: собственная судьба. Дело в том, что Мария Валентиновна из партизанской семьи Обуховичей маленькой девчонкой стала узницей концлагеря Саласпилс. В Латвии ей повезло на соучастие, теплоту и ласку, кажется, совсем чужих людей. Нашлась рижанка, которая спасла слабенькую веточку ее души, находившуюся уже на границе жизни и смерти.

— За то, что я сейчас перед вами, — обратилась Мария Валентиновна Зимницкая в зал, — я навсегда буду благодарна женщине, которая по сегодняшний день живет в Риге. Ольга Ивановна Кельдер в ту суровую, страшную пору гитлеровского произвола взяла меня за дочь, спасла от гибели...

Оккупанты оказались бессильными перед всенародным фронтом сопротивления. Тогда за свои неудачи они обрушились со всей злостью на жителей этого края. Нельзя забыть такого: из всех сожженных деревень современного Верхнедвинского района 183 некому было восстановить.

Среди 14 175 человек, угнанных карателями в рабство, была и Мария Зимницкая. Тогда, весной 1943 года, их в товарном вагоне привезли в Саласпилс.

— Помню страшный барак, каменный серый пол. Приносили чай, хлеб из опилок. Когда родителей посылали на работу, дети оставались одни. Через неделю нас совсем отделили от них. Каждому навесили на шею бирку: невольничий паспорт. Подходили черные машины, которые глотали очередную группу детишек. Однажды слышала, как во дворе барака в яме стонали полуживые дети. Раза три выстраивали нас в очередь, шприцами выбирали кровь...

Тяжело слушать воспоминания Зимницкой. Хотелось бы,

чтобы кто-то сказал, что все это неправда. Но о том же свидетельствовал и родной брат Зимницкой — Эдуард Валентинович Обухович, проживавший на станции Бигосово.

ст. Бигосово.

Обухович Эдуард Валентинович:

— Был 1943 год. Партизанское движение заметно усилилось. Начались карательные операции. Горели деревни.

На территории нашего района действовала партизанская бригада имени Фрунзе. Расскрсу о таком факте. В десяти километрах от Бигосова, около Сарьи, создавался новый отряд. Туда ушел из деревни Вороны наш дядя Обухович Иосиф Владимирович. Он и стал командиром отрядной разведки.

И вот в марте 1943 года произвели операцию по аресту родственников. Нас всех погрузили в вагон и увезли в Саласпилс. Наша семья вместе пробыла в лагере не более недели; затем родителей отделили, а нас, детей, бросили в детский барак.

Вот после этого и началась тяжелая, голодная жизнь на нарах. Нас морили голодом. Дети падали как мухи (отнимали даже грудных детей). Специальная команда прочесывала нары и отбрасывала на проход детей не только мертвых, но и полуживых. Тех, кто лежал на земле, клали на носилки и грузили в автомашины. Куда вывозили — неизвестно. Но потом стало ясно, что на свалку, в ямы, заранее выкопанные. Причем эта операция делалась в ночное время. Сколько детей погибло в нашем бараке, я не могу сказать, но много: от истощения, от голода.

К концу лета каким-то чудом меня забрали из барака и увезли на хутор к латышу. Фамилии хозяина и хутор я не могу вспомнить: был ребенком. На этом хуторе было много детей старшего возраста, которые работали у латыша. С их слов мне помнится, что хозяин взял всех нас у лагерного начальства для работы на хуторе. Но какой из меня работник, если всего-навсего мне было шесть лет? Истощен был до предела, да еще страдал «золотухой». Не помню, сколько я пробыл на хуторе, но в одно прекрасное утро посадил меня хозяин в повозку и повез к автобусу, который направлялся в Ригу. Таких, как я, оказалось много. Нас привезли в Ригу и сгрузили на площади у Домского собора. Здесь я встретился с сестрой, которая тоже была на хуторе, только на другом.

В тот день к нам подошли люди и забрали нас. Я попал к Карецкому Анатолию Владимировичу. Этот замечательный человек спас мне жизнь. Он работал в школе учителем. Был бездетным и взял меня за сына. Только он спас мне жизнь.

Дальнейшая судьба сложилась так: мои отец и мать, другие

взрослые родственники находились в рабочем лагере недалеко от Риги. Однажды дядя приехал за инвентарем и случайно зашел на биржу учета детей. Там нашел мой адрес и прибыл на квартиру Карецкого. Мои родные сумели уговорить коменданта лагеря, Чтобы тот отпустил отца в Ригу. Отец приехал, забрал меня и сестру (сестра была у других хозяев, но мы встречались). Карецкий сказал, что отдаст меня отцу при условии, если я его опознаю. Я узнал сразу же, и в тот же день мы уехали. Под Ригой нас освободили советские войска. Мы стали собираться на родину.

* * *

При встрече Эдуард Валентинович припомнил, что нашел его на хуторе родной дядя — **Антон Владимирович Обухови**ч.

Антон Владимирович рассказывает:

— Нас до войны пять братьев было. Двух сразу арестовали оккупанты за помощь партизанам. Володя убежал из поезда в Даугавпилсе и пошел в партизаны. Францу только в Польше удалось бежать. Там он и партизанил. Юзик воевал в Сарьянских лесах. Когда каратели сожгли нашу деревню Вороны, то меня, жену и троих детей сначала как политзаключенных держали в Саласпилсе, а потом, уже без детей, отправили на каторжные работы. Мы убежали, когда нас увозили в Германию, а перед этим разыскали родственников и своих детей — Зину, Женю, Александр…

* * *

Один из них — **Александр Антонович Обухович** из г. Даугавпилса — написал:

Письмо первое

«Спасибо за внимание к детям грозной войны. Мне кажется, что они как-то забыты, хотя пережили много лишений, душевных волнений.

Я 1930 года рождения. Помню, как началась война, как в партизаны ушел мой дядя Обухович Иосиф. Естественно, что наша семья поддерживала связь с партизанами, чем нужно было — помогала им. Это стало известно оккупантам. Немцы часто делали обыски, забирали отца на допросы. Помню, как отца сильно избили резиновой плеткой: после этого он пролежал две недели.

Вспоминаю, как немцы штыками прокалывали стог сена, а в том стогу были запрятаны листовки. К счастью, их не нашли. Потом я со своим родственником Обуховичем Володей разбросал листовки по дорогам.

10 марта 1943 года наша семья и близкие родственники были согнаны в вагон и отправлены по направлению к Риге. В вагоне

всю ночь я не спал: тревожно было, неизвестно — что ждет впереди. Сначала поместили в большой сарай, где находились евреи, а через два дня под конвоем провели в лагерь. Десять километров шли пешком.

В Саласпилсе узникам давали чай, кусочек древесного хлеба и черпак баланды.

В один из дней в бараке появилось высокое начальство. Отдали приказ: людям старше пятнадцати выйти из барака. Это был очень тяжелый день в моей жизни. Мучительно переживал, когда смотрел через окошко на колонну, где находились мои родители. Колонна стала удаляться.

В соседнем бараке находились малые дети. Однажды я с ужасом узнал, что у них выбирают кровь.

В лагере на шее мы носили бирки с номером: фамилий у нас не было.

Вспоминаю, как стояла длинная очередь детей, чтобы получить кусочек хлеба и черпак баланды. А мы, изнуренные голодом, лежали на нарах (я и две мои сестры).

5 апреля 1943 года всех нас, оставшихся в живых, на автобусе отвезли в Огрскую волость, где один хозяин-латыш Артур Лиепа взял нас к себе на работу. Изнуренные, болезненные, голодные прибыли мы на хутор Тручи. Я с одной из сестер пас хозяйских коров. Целый год спали на сеновале. Одеты были плохо, ходили босиком. Вторая сестра работала на кухне.

Было тоскливо, печально на душе, ведь мы не знали, где наши родные.

В начале 1944 года я все же узнал, где находятся наши родители. Мы списались, и почти перед самым отступлением немцев отец с большими трудностями забрал меня и сестер к себе.

От немцев мы удрали из вагона на станции Амата под Ригой. Скрывались на хуторе у одного латыша по фамилии Петерсон. Какой самый радостный день? Тот, когда на опушке леса мы увидели двух наших солдат-связистов. Это был день освобождения!

Я из Латвии никуда уехать не смог. Получил специальность инженера-механика. Работаю преподавателем в Даугавпилском пединституте.

Сестра Женя живет и работает в Риге. Сестра Зина обосновалась в Рогачеве, учительствует».

* * *

А Марию Валентиновну взяла на воспитание рижанка Ольга Ивановна Кельдер. С братом Эдуардом жили они рядышком, часто виделись. Сам Кельдер во время войны погиб. Мария стала у Ольги Ивановны за дочь.

— Эта была настоящая счастливая жизнь! — говорит Мария Валентиновна, вспоминая любовь и ласку своей приемной матери. — Когда я подросла, меня Ольга Ивановна подготовила и отправила в школу. Мы с ней часто бывали в театре, ездили на взморье...

Однажды в Ригу на квартиру Кельдер я привез большую группу телевизионщиков из Минска. Записывали передачу о родстве. Ольга Ивановна нам рассказала:

— Это было в начале 1943 года. Общество милосердия при монастыре с большими трудностями добилось разрешения от оккупантов взять детей из Саласпилса под свое покровительство. Женщины города Риги узнали, что детей будут распределять по семьям.

То, что творилось в монастырском дворе, ужасно. Оккупанты увозили из Саласпилса молодых матерей-белорусок, отнимая у них даже грудных детей. Оставшиеся сиротами дети от трех до семи лет сидели на сене, в быстро сооруженных сарайчиках. Почти все были больными. У каждого создания была на руке бирка с фамилией.

Взяла я девочку Маиру (так было написано на бирке). В нашей семье было шесть человек, она стала седьмой. Девочка была больна, очень истощена. Видно было, что у нее брали кровь. Пришлось лечить. Чудесный знакомый врач с еще большим вниманием старался ее лечить, когда

узнал, что перед ним узница — партизанский ребенок. Майру у себя дома он лечил.

Летом мы выехали на взморье. И хорошо, что выехали из Риги. Оккупанты стали выискивать, брать на учет детей, взятых в монастыре. Маире посчастливилось. А с теми детьми, которые попали в детдом, оккупанты обошлись жестоко — многих умерщвили.

Осенью отдала Маиру в школу. Трудно было поначалу девочке учиться, но упорство и желание победили. Ее родители через монастырь узнали, у кого находится дочь. Трудное было расставание. И для девочки, и для меня, но благоразумие взяло верх. Хорошая, умная, прилежная была девочка... Конечно, жаль было потерять спасенную жизнь.

Все эти годы мы не прекращали переписку. Да и теперь, когда она стала матерью двух детей, мы переписываемся, встречаемся, как родные. Чувства у меня к ней остались самые теплые. Да и Маира всегда благодарит за спасение...

Кельдер Ольга Ивановна — Зимницкой Марии Валентиновне:

«Дорогая Маира!

Всех Вас поздравляю с наступающим праздником! В эти дни у Марины и Люси дни рождения: двойной праздник.

Маира! Писатель, будучи в Риге, интересовался теми могила-

ми, где захоронены дети, у которых брали кровь. Они умерли в детдоме. Я эти могилы нашла. Они находятся на Покровском кладбище (это в Пролетарском районе). Там есть памятник с надписью: «Здесь захоронены 17 детей, у которых выкачивали кровь». Могилы ухожены.

А еще мне рассказали, как один железнодорожник со своей женой спас тринадцать детей, которых вместе с родителями увозили на Запад. Родители выталкивали детей в окна вагона и просили людей их подобрать. Таким образом в одной семье все тринадцать были спасены. Потом их находили родные. Те, у кого не нашлось родных, и выросли в этой семье. Как все подробно было — теперь уже нельзя узнать. Сам железнодорожник умер, а жена его неизвестно где».

* * *

Когда собралась вся семья Обуховичей, они возвратились на свою родину, в Бигосово. Шли тяжелые послевоенные годы. И все же Мария Валентиновна сумела получить высшее образование, стать преподавателем. Ольге Ивановне Кельдер сейчас под восемьдесят. Полтысячи километров от Минска до Риги. На родство двух сердец не действуют ни годы, ни расстояния.

Но сага о Родстве была бы неполной, если не заключить ее словами родной матери Марии Валентиновны...

д. Бигосово.

Обухович Элеонора Дементьевна:

— Всю нашу семью забрали в концлагерь Саласпилс за связь с партизанами. Выдали нас полицаи Реут и Лешко. По приезде на место у нас отобрали пожитки и погнали в баню, а потом, полуголых, поместили в барак на цементный пол. Затем разделили на группы. Мою сестру Броню отправили в Германию, другую сестру Ядю — в Даугавпилс. Мы с отцом попали под Ленинград, в болота, на строительство и ремонт дорог. Всех детей отняли.

У нас кровью сердце обливалось, ведь о судьбе Марии и Эдика мы долгое время ничего не знали. Первую весточку о них подала сестра Ядя. Дело в том, что из-под Ленинграда многих больных и обессиленных людей отправляли на более легкие работы. Случилось так, что некоторые наши соседи по «болоту» попали в Даугавпилс, там-то и встретились с Ядей и рассказали ей, где мы находимся. А Ядя к этому времени всеми правдами и неправдами разузнала, где находятся наши дети. Так уж повезло. Но я все равно не могла поверить в то чудо, что наши дети живы и здоровы, что они живут в нормальных условиях. И я не верила в это до тех пор, пока не увидела своих доченьку и сына собственными глазами.

Мы с отцом долго думали, как нам поскорее повидаться с детьми. Наконец отца, после долгих просьб, начальник отпустил на несколько дней в Ригу. Назад он вернулся уже не один — привез с собой Эдика и Марию. Говорит, что их очень не хотели отпускать, особенно Карецкий. Но отец настоял на своем.

Мы долго мучились из-за того, что забрали детей в наши рабские условия, но поступить иначе не могли: очень боялись потерять их снова.

Вместе с нами дети пережили все — и недоедание, и холод, и бомбежки. Старались уберечь их.

Мне хочется высказать слова глубокой благодарности людям, которые в трудную минуту взяли на воспитание наших детей. Этого я не забуду никогда.

* * *

Вот так в тяжелую минуту испытаний родилось высокое чувство человеческого единения, превратившееся в родство двух семей — латышской и белорусской. Этот пример был, пожалуй, самым ярким и красноречивым, о котором узнали шпогские школьники на вечере интернациональной дружбы у своих минских друзей.

А сейчас мне хочется уточнить строчки письма Кельдер Ольги Ивановны. На рижском кладбище «Большое» я нашел надгробие со следующей надписью: «Здесь похоронены двадцать девять воинов Советской Армии — защитников г. Риги от немецко-фашистских захватчиков в 1941 году и семнадцать детей из Советского детдома, замученных при выкачивании крови фашистскими палачами».

Пока я не знаю, чьи души витают у черного мраморного надгробия на кладбище «Большое». Но это надгробие — тоже памятник Саласпилсу. А где-то в Придвинском крае горестные матери все еще надеются, что отзовутся их дети. Многие откликнулись, но не с улицы Пернавас (кладбище «Большое») в Риге, не из Румбульского леса, не из-под саласпилских мхов…

Всегда с тревогой и надеждой листаю в рижском историческом архиве тонкие тетради с надписью: «Адреса беженцев…» На отдельных обложках написано: «Адреса эвакуированных…»

Беженцы… Эвакуированные… Какие «легкие» слова адресуются несожженным карателями освейским детям.

В одной из тетрадей на род Самусенков — целая страница. Последним, десятым, записан однолеток Валентин. Чуть ниже отмечено: «Умер в Гребенщиковской общине». А Евгении, шести лет, и пятилетнему Анатолию повезло. Они взяты на воспитание Микелисом Шмитом. Но что стоит за строчкой документа? Какие поступки? Какие судьбы? О них помогла мне узнать много

интересного Мильда Ритмейстер, с которой я давно переписываюсь. Это она прислала мне газету с материалом о трогательной встрече спасителя и спасенной. Часть перевела с латышского языка сама, более подробное изложение сделала мне моя сестра Нина Янсоне...

Так о чем поведал Микелис Шмит журналистке из Огре?

«Помню тот день, как будто это было вчера. В самом начале апреля. Пошел в волостную управу за разрешением на помол. Вижу, стоит автомашина с металлической будкой: она была приспособлена для уничтожения людей газом. Из машины на землю выброшены несколько заморенных детей. Рядом стоит немец в форме и второй в гражданском. Еще подумал: «Что бы все это значило?» Справившись со своими делами, спросил у рассыльного волостной управы: «Зачем эти фрицы приехали?» Оказывается, старший волостной управы Петерсон просил, чтобы привезли детей из саласпилского концлагеря. Идет весна, быть может, окрестным крестьянам понадобятся пастухи. Старших уже всех разобрали. Остались только самые маленькие: братик с сестричкой. Девочку кто-то собирался взять, но она не хотела расставаться с братом. Посмотрел я на них: сидят в грязи, сцепились крепко ручонками. Тощие, вспухшие от голода, дрожащие от холода и страха, одеты в лохмотья, посиневшие от стужи. Подошел, погладил по остриженным головкам. Обое обхватили мои ноги тонкими ручонками, сердечки трепещут, как у выброшенных из гнезда птенчиков.

Немец в гражданском сказал мне: «Если не возьмешь — уничтожим в душегубке, живых назад не повезем». Мог ли не взять?..

Уплатил запрошенные десять марок и повел домой. Шли потихоньку: очень уж слабые они были. Кормить тоже сначала надо было осторожно, по крошкам. Во время оккупации не был толстым ломоть хлеба, но и тем делились. Помаленьку поправились, ожили дети. Начали учиться латышскому языку. Красивые дети были. Особенно Женя. Волосы светлые, глаза большие, голубые. Очень привязалась ко мне, везде бегала рядом. Я решил: если родители не найдутся — усыновлю! Дороги они мне стали, как свои, родные...»

Если бы не Мильда Ритмейстер, не узнать бы нам дальнейшую историю. Она, бывшая директор детдома в Сигулде, знала, что в 1946 году этих детей разыскал родной отец и увез их в Полоцк. Через много лет послала туда письмо, в газету. И вот письмо самой Жени:

«Дорогая редакция! Прошу вас разрешить мне через газету выразить глубокую благодарность Микелю Шмиту за то, что в годы Великой Отечественной войны он спас жизнь мне и моему маленькому братику Толе. Мы в то время были маленькими: мне — около

пяти, Толе — четыре... В начале 1943 года фашистские захватчики сожгли в Освейском районе село Слободу, куда в начале войны мы переехали с мамой к дедушке с бабушкой. Дедушку и бабушку сожгли вместе с остальными жителями села, а меня, Толю вместе с мамой увезли в саласпилский лагерь смерти. Там нас отняли от мамы. Свою маму мы больше никогда не увидели.

Теперь мы знаем, что в саласпилском лагере смерти погибло около 100 000 человек. Мало нас осталось в живых — замученных, голодных, больных детей. Меня с Толей на машине увезли в Тынужи, где выбросили во двор волостной управы.

Там меня и братика Толю, распухших от голода, больных и измученных, взял Микелис Шмит и увел на свой хутор Калныни. Он нас вылечил, одел, накормил. Мы там прожили около двух лет. Потом нас вернули в детдом, а в 1946 году нас разыскал отец и увез к себе домой в Полоцк. Наш отец, Тимофей Ефимович, с первых дней войны находился на фронте, окончил войну в чине майора.

И вот через сорок лет я наконец встретилась с человеком, который спас меня и брата от неминуемой смерти. Я была в гостях у Микелиса Шмита на хуторе Калныни. Мне тяжело о том писать: встреча была очень трогательной и незабываемой. Мы и плакали и смеялись. Меня приняли с родительской теплотой как самого дорогого и близкого человека. От всего сердца спасибо им.

Встретиться нам помогла Мильда Ритмейстер. Она нашла нас через полоцкую газету «Сцяг камунізму».

Я ей за это очень благодарна. Мы с моим мужем и семьей Шмита посетили Саласпилс, побывали в Тынужах на том месте, где в первый раз нас увидел М. Шмит.

Еще и еще раз хочется поблагодарить тех добрых людей, которые в то страшное время самоотверженно спасали чужие жизни...»

* * *

«Неисповедимы пути Господни», — говорила моя мама. Действительно, когда ищешь, что-то полезное можно найти на каждой дороге, тем более на такой дороге, которая идет из Освеи. Может, в сотый приезд в Ригу в вечерней газете «Ригас Балее» случайно в обзоре писем прочитал заметку клайпедского корреспондента:

«В деревне Кисели Витебской области в Белоруссии жили до войны Кирилл и Ефросинья Глинские. Радовались детям — шестилетней Марии, двенадцатилетнему Петру и семнадцатилетней Евгении.

— Дружная, хорошая у Глинских семья, — говорили соседи.

Только не миновала и эту семью горькая доля фашистской

оккупации. Весной 1942 года гитлеровцы увезли ее в саласпилский концентрационный лагерь...»

Об этой «освейской» судьбе рижская газета сообщила самую малость.

И вот получаю вести из Клайпеды. **Мария Кирилловна Глинская (Ермакова)** вспоминает:

— Я никогда не забуду той ночи, когда весь лагерь был поднят на ноги. Крики матерей, плач детей. Фашистские надзиратели разлучили детей с матерями. Женщины должны были уходить в другие бараки, дети оставались на месте. Немецкий офицер произнес нашу фамилию. Мы с братом поняли: вызывают нашу маму. Мать еще крепче прижала меня к груди, а Петя изо всех сил вцепился ей в руку, и фашист долго не мог нас разлучить. Появился помощник надзирателя, он подскочил к маме, вырвал нас из рук и толкнул ее в дверь барака.

Однажды в барак мальчиков зашел офицер и спросил: «Кто из вас хочет пить молоко?» Желающих было много, почти все, кто только мог ходить. Так многих мальчишек отдали в пастухи.

Петя попал в семью Эрмины и Эрнеста Браслиньш. Хозяева оказались хорошими людьми, заботились о нем. Но Петя был грустен и неразговорчив, часто, забившись в угол, плакал. Однажды мальчик рассказал своей хозяйке, что в лагере осталась его маленькая сестренка Мария, которая болеет и может умереть.

Эрнест Браслиньш добился разрешения и взял меня из лагеря.

В 1946 году моя мама Ефросинья Глинская приехала в Латвию и начала поиск детей.

— Петя сразу узнал, а я боялась ее и кричала, что не знаю этой тети, — вспоминает Мария.

Потом стали разыскивать старшую сестру Евгению. Нашли в деревне Лиелстраупе Цессисского района. Там работала у Матильды Лагздиньш. Хозяйка оказалась очень доброй и образованной женщиной. В поисках помогал нам Браслиньш. Когда узнали адрес сестры, он запряг лошадь и отвез нас к Евгении. Встреча была очень трогательной. Матильда Лагздиньш подарила Евгении корову, выделила комнату, и мы стали жить все вместе.

На мой вопрос, что было бы с ней, если бы в Саласпилс не приехал Браслиньш, Мария Кирилловна ответила:

— В Саласпилсе существовал такой «порядок»: крайне истощенных, ослабевших детей запихивали в ящики, которые закапывали в землю за забором лагеря. Хотя и живая, но в состоянии крайнего истощения, я, как мне потом рассказал Браслиньш, тоже была упакована в ящик. Спас меня мой хозяин и, как ни странно, немецкая аккуратность: моя пронумерованная

душа была своевременно извлечена из пронумерованного ящика.

Вот так я и явилась «с того света».

Саулкрасты — это «Солнечный берег»

Так уж получается в жизни: каждый, кто ищет, обогащает встречами не только себя, но и сотоварищей по поиску. Совершенно случайно прочитал в «Ригас Балсс»:

«Э. Гайлите в номере газеты за 10 августа воскресила события далекой давности. Тогда, в июне 1943 года, на хутор «Рукиши» под Саулкрастами из саласпилского лагеря смерти привезли 70 детей от двух до двенадцати лет.

Несколько раз со всевозрастающим волнением перечитала я эти воспоминания и возвратилась памятью ко всему пережитому. Ведь среди тех больных, истощенных, изнуренных детей находилась и я.

Мое раннее детство пришлось на военную пору. Деревню Красово Освейского района гитлеровцы оккупировали вскоре после своего вероломного вторжения.

Новоявленные «хозяева» безудержно зверствовали. Они расстреливали каждого, кого подозревали в сочувствии и поддержке народных мстителей.

На исходе 1942 года в нашу деревню вошел отряд латышских партизан под командованием В. Самсона. Предупредив о готовящейся карательной экспедиции, партизаны настоятельно советовали куда-либо укрыться.

Многие односельчане ушли в непроходимые болота, а тех, кто остался, вместе с хатами и хозяйственными постройками сожгли.

Несколько месяцев спустя мы вернулись на родное пепелище, но тут же были схвачены оккупантами и отправлены в саласпилский лагерь. Так вместе с матерью, пятилетним братом и трехлетней сестренкой я оказалась за колючей проволокой. Хорошо помню тот летний день 43-го года, когда нас повезли в Саулкрасты. Только долго там оставаться мне не довелось. Одна добрая женщина разыскала мою мать, переведенную из Саласпилса в Ригу для черной работы в солдатской столовой.

Трое суток мама ползала у ног надзирательницы, умоляя ее дать разрешение на поездку ко мне. Выплакав такое разрешение, она приехала в Саулкрасты и тайком увезла меня оттуда. Но приключилась новая беда: тяжко заболела сестричка. И опять же добрые, отзывчивые латышские крестьяне умудрились переправить ее в больницу, спася от неминуемой смерти.

Что сказать в заключение?

Отец наш погиб в 1942 году, а все мы после победоносного завершения Великой Отечественной войны навсегда сроднились с

Советской Латвией. Мама находится на заслуженном отдыхе, получает государственную пенсию, брат — подполковник, я работаю в Риге, а сестра — в Москве.

Все мы помним спасителей, имен и фамилий которых, к сожалению, так и не знаем. А Э. Гайлите в суровую, тяжкую пору трогательно заботившейся об изможденных детях Саласпилса — наш низкий поклон и огромная благодарность.

Н. Богуш».

Так я узнал имя Богуш Надежды Георгиевны, она узнала имя Эльзы Микелевны Гайлите. Еще одно перекрещение человеческих судеб заполнило новые странички этой книги.

пос. Букулты.

Пийпе-Гайлите Эльза Микелевна:

— Расскажу о жизни детей-узников, кому посчастливилось живыми выйти из-за ворот, за которыми земля стонет...

«Рукиши»

Летом 1943 года мне предложили (до этого я работала в детдоме в Балдоне) перейти на работу во вновь открытый приют в Саулкрасты (в переводе — «Солнечный берег»). Я охотно согласилась. Взяла с собой своего пасынка шести лет Яниса, хотя немного беспокоилась: как он, не зная русского языка, будет общаться с детьми. Но дети скоро подружились и стали понимать друг друга. «Рукиши» (в переводе — «Карлики») — это большой, просторный дом на самом берегу моря. В мирное время здесь был детский лагерь для летнего отдыха.

Приют уже существовал, была группа детей. Заведовал им мужчина, некий Рудзит. Но что-то у него не ладилось, и в скором времени прибыла новая заведующая — скромная женщина, медработник Королева Лидия Ивановна. Мы с ней сошлись, как говорится, характерами, работали согласованно. Персонал насчитывал еще троих воспитателей: Мария Здорова, Надежда Филанова и Владимир Озолс, а медсестрой была Елена Евдокимова.

Вместе с детьми из концлагеря были освобождены женщины Мария Василенок с сыном, Анна Леонова с двумя малютками, старая бабушка Пелагея Крюкова с внуками-малолетками и пожилая женщина А. Майорова. Был еще служитель из военнопленных.

Семилетний ребенок на каждом шагу падал. О младших и говорить нечего. Мы долго боролись за их жизнь.

Тут и осень подошла. И новая беда нагрянула — эпидемия скарлатины. Переболели многие дети, но выздоровели. А вот пять самых слабых жизней смерть унесла. Те навечно остались на кладбище в Саулкрастах.

Мрачно прошла вся зима, в тревоге и болезнях. Устали все: и взрослые и дети. Так закончился 1943 и начался 1944 год.

Ад надвигается

С наступлением весны 1944 года эпидемия начала отступать. Все ожили, надеясь на хорошее лето. Дети занимались, много гуляли. Старшие мальчики помогали служителю доставлять продовольственные продукты из магазинов. Девочки помогали по хозяйству. Хотя шла война, у нас было сравнительно спокойно. В мае месяце нам неожиданно была сообщена неприятная весть о переводе приюта в соседнее здание. Как потом оказалось, в доме под названием «Циммерманн» раньше содержались военнопленные. Они умерли от тифа. Дом продезинфицировали, и мы переехали. Но, как говорят, слава Богу, что из нашей семьи никто не заболел. Новый дом находился в пятистах метрах от «Рукишей». Не было у нас здесь свободы и спокойствия. Перед глазами все время маячили фашистские военные. Поблизости они копали глубокие траншеи, строили бункера и другие укрепления. Все это нас тревожило, нервировало. Дети притихли. Все мы с беспокойством ждали дальнейших событий. Наконец узнали, что гитлеровцы отступают. В конце сентября мимо нашего дома по шоссе днём и ночью проходила военная техника.

Вечером 25 сентября во время ужина к нам зашли два немца и вытаращили глаза, увидев столько детей. Приказали через полчаса освободить дом: в любую минуту могут начаться военные действия, солдаты уже заняли позиции. Мы бросили ужин, выбежали на улицу и стали обсуждать, что делать дальше. Я предложила свой вариант: занять погреб «Рукиши». Весь персонал, за исключением воспитателя В. Озолса, с возмущением опротестовал мою затею. Заявили, что ни за что не пойдут навстречу «красным». Наверное, наслушались пропаганды: будто бы «красные» всех уничтожают, кто был в оккупации. Трое (в том числе и я) пошли в «Рукиши», а остальные стали «голосовать», чтобы уехать на попутных машинах. Старшие дети, которые так настрадались от фашистов, дали волю ногам и примчались к нам в «Рукиши». В скором времени пришли и все остальные. Немцы их так и не подвезли. Кое-как поместились все в погребе. Было тесновато: взрослые сидели вдоль стен, а дети посредине. Ночью они легли на наши ноги. Было слышно, как взрывают железную дорогу и станцию. Под утро стало тихо. Мы вышли из погреба. Но прогремел такой взрыв, что стекла окон разлетелись вдребезги. Весь наш хлеб стеклом засыпало, так что не пришлось поесть. Оказывается, рядом взорвали большой мост.

Мы опять попрятались в погреб. Но мальчишки народ

беспокойный, кто-то высунулся из двери и закричал: «Наши танки идут!» И действительно, показались танки-разведчики. Увидев движение у погреба, остановились. Бойцы осторожно, с автоматами наизготове, приближались к погребу. Но дети выскочили и закричали: «Свои!» Творилось что-то неописуемое. Были радость, слезы, объятия. Войска прибывали. Солдаты устроили свои позиции вокруг нашего убежища. В скором времени начались жестокие бои, продолжавшиеся двое суток. Гитлеровцы здесь постарались закрепиться: это был их последний барьер перед Ригой.

На некоторое время красноармейцам пришлось немного отступить. Страдали все: взрослые и дети. На мою долю выпало немало упреков, будто это я повела всех на смерть. Я чувствовала себя виновной и молчала.

В эпицентре смерти

— Вернусь к событиям последних дней боев, — продолжала Эльза Микелевна, — это были очень тяжелые переживания и для бедных детей, и для взрослых. Сидеть пришлось в темном подвале двое суток, слушать адский свист и визг проносившихся со всех сторон снарядов, близкие оглушительные взрывы. Малыши со страху плакали, старшие великодушно терпели. Кое-кто из взрослых терял голову, психовал. Уверенности не было, что какой-нибудь снаряд не угодит в наш погреб, не покроет нас камнями и землей. Когда на рассвете нас вывели из погреба, все шатались. Бойцы помогали под обстрелом выносить малышей к машинам. Одного нашего солдата ранило, но дети не пострадали. Все торопились вывести детей за линию фронта. Возле дороги лежали убитые бойцы и лошади, над нами пролетали дальнобойные снаряды. Проехали мимо знаменитой «катюши», видели ее в действии. Чем дальше отъезжали от фронта, тем легче становилось на душе.

Лимбажи встретили нас развалинами, дымом и гарью. Людей совсем не видно. Приют передали на комендантское попечение. Комендант города Афанасьев Иван Андреевич проявил самое горячее участие к осиротевшим ребятишкам.

После наведения порядка в городе приют передали на попечение горисполкома. Жизнь потекла довольно спокойно, хотя в «Курземском котле» война кипела вовсю. Многие пошли в школу. Свободное время проводили в скверах, на окраинах города. Повсюду были разбросаны смертоносные боеприпасы: гранаты, мины... Однажды с прогулки мой мальчик принес какую-то палку, на конце которой были прикреплены пластинки вроде пропеллера. Он стал показывать всем эту игрушку. Ему велели отнести на улицу. Мальчик вышел за дверь, а с ним — толпа любопытных малышей. В том числе и дети Равинской. Через некоторое время

раздался оглушительный взрыв; мы все замерли: страшно было подойти к двери, открыть ее и увидеть ужасное зрелище — убитых или раненых детей. К счастью, дети были целы и невредимы.

Незаметно прошла зима. С наступлением весны все более утешительные вести стали приходить со стороны фронта. И вдруг 9 мая рано утром кто-то сообщил приюту радостную весть: «Победа!» Творилось что-то невообразимое. Обнимаясь, целуясь и крича, все побежали к центру города, на большую площадь, где состоялся митинг. Военные произносили речи, играл духовой оркестр. Люди пели, танцевали, в том числе и наши воспитанники. Кто-то сообщил, что на окраине города повесят какого-то фашиста. Дети устремились туда. На нашу просьбу не смотреть на такое противное зрелище возразили: «До этого мы смотрели, как фашисты вешали наших близких и родных, живыми сжигали наших дедушек и бабушек...»

С того радостного дня 9 мая дети стали мечтать о матерях и ждать родных. Но многие так и не дождались встречи. Им пришлось оставаться в чужом краю. Сирот распределили по другим детским учреждениям.

Матери из приюта со своими детьми отправлялись на родину. В июне 1945 года приют как таковой закончил свое существование. Прошли без малого два года совместной жизни с многострадальными детьми-узниками. Жили мы одной большой семьей, по крайней мере, мне так казалось. Детей по фамилии у нас не называли. Младшие и сами толком своих фамилий не знали.

Жаль мне было расставаться с детьми, но жизнь диктовала свое. У меня в Балдоне оставалась старая мать, о которой не было никаких известий.

В Балдоне долгое время шли ожесточенные бои. Мать оказалась жива. Детдом, в котором я раньше работала, куда-то эвакуировали. Меня взяли в штаты курорта «Балдоне». Там я проработала до выхода на пенсию. С 1967 года — в пансионате персональных пенсионеров «Коммунар».

«Столько об этом думала...»

— Я обрадовалась, что наконец через Вас напала на след бывших воспитанников приюта. Нас связал взаимный интерес: Вам важны факты из детства многострадальных детей, у меня же желание узнать об их судьбе, уже взрослых. Вы упомянули имена Нади, Гали и Вити Аржаник. Прошу о них рассказать побольше. Сообщите их адреса... Что знаете о других маленьких узниках Саласпилса? Извините за мое упорство, но я столько лет об этом думала и разыскивала своих воспитанников...

И по сей день я благодарен моему соавтору — Эльзе Мике-

левне. А о семье Аржаник просто не успел рассказать в этой книге.

Неугомонные годы Мильды Ритмейстер

Два раза встречался и несколько лет я переписываюсь с чудесным человеком из Нереты в Латвии — Мильдой Гиртовной Ритмейстер. По профессии она педагог, детский воспитатель. Запомнила свою первую встречу с белорусской писательницей, молоденькой Зинаидой Бондариной, когда она работала учительницей в белорусской школе для переселенцев в сибирском поселке Медяково в 1927 году.

Мильда Гиртовна страстный, бескомпромиссный человек, для нее главное — правда, пусть и неутешительная, колючая.

Плод нашего многолетнего сотрудничества — вот эти записи...

«Постараюсь написать о том, что вспомнилось, когда я узнала, что Вы пишете книгу об Освейской трагедии. Во «Временном убежище для русских детей» (в Булдури), которое в декабре 1944 года преобразовалось в детдом, было немало детей в возрасте от 3-х до 14-16 лет с Освейской стороны.

В феврале 1945 года, по заданию Республиканской комиссии по учету и расследованию фашистских злодеяний, в Булдурском детдоме капитан Мурманс собирал сведения от детей и взрослых, побывавших в саласпилском концлагере.

А мне вспомнилось, как зимним вечером после ужина в спальне мальчиков гасилась коптилка, все собирались к теплу печки и я рассказывала им сказки. Младшие, тощие цыплятки, тоскуя о материнской ласке, со всех сторон плотно окружали мой стул. Нельзя было рассказывать грустные и страшные сказки. Лишь о зверях, птицах, об удалых и забавных людях, о добрых волшебниках. Я такие знала, а они ни одной сказки: всё позабыли! Но после каждой моей сказки тоже старались рассказывать. Обычно начиналось так: «А когда к нам пришли немцы...» Я спешила прервать повествование. Но однажды я замешкалась, и один семилетний прорвался со своей «сказкой»: «А когда к нам пришли немцы, привезли большую пустую бочку, а в бока бочки были натыканы острые ножи. Тогда поймали одну молодую тетеньку, которая не хотела им рассказать, где находятся партизаны. Закрыли эту тетеньку в бочке, занесли бочку на горку и толкнули вниз. Бочка катится, та тетенька страшно кричит, а на белый песок кровь так и льется».

Возможно, что так и было, но где? Младшие редко помнили название родного села, с трудом вспоминали, как учились в школе, но все ясно помнили, как пришли каратели (немцы и батальоны Арайса). 12-летняя Тамара Пузанская, спрятавшись в кустах,

видела, как в сарае сжигали ее больную мать и других людей. А ее с помутненным от ужаса разумом, одну, без родных, пригнали в Саласпилс. На всю жизнь — душевная боль и травма. В Вашей книге «Бранiслава» есть фотоснимки и рассказы о милосердных людях. Это святая правда. Но было и другое: корысть, лицемерие, жестокость… Ведь «Временное убежище» у моря (Дубулты-Булдури) было создано с такой целью: кто выживет — тот пригодится в пастухи, батраки, в прислугу состоятельным горожанам.

Несколько примеров. Дима Саксон, очень здоровый крепыш, который, после того как 6 раз брали у него кровь в концлагере, приглянулся богатому хуторянину в свинопасы. Поучал хозяин шестилетнего раба побоями, голодом. Когда Дима стал доходягой, оставил его у вокзала, чтобы не было хлопот с похоронами. Кто-то сердобольный подобрал его и доставил в наше «убежище». А вот еще случай: весной 1945 года в наш детдом пришла роскошно одетая молодая дама со стеком, породистым псом. Заявила: «Заберите мальчишку, теперь он нам не нужен». Мы думали, что ее воспитанник будет упитан, хорошо одет. Оказалось, что грязный заморыш.

Отказался и пьянчуга-сапожник от взятого в услужение малолетки. Значит, эти люди брали малолетних узников концлагеря с расчетом, что у них будут покорные и дешевые слуги. Когда из концлагеря привезли в рижский женский монастырь детей, то ни монашки, ни дамы-благотворительницы не совестились, что эти голодные оборвыши несколько дней валялись на полу в коридоре, пока их не разобрали люди, а остальных увезли во «Временное убежище». Монашки за 100 рейхсмарок, сало и масло предлагали выбрать ребенка покрасивее и поздоровее. На Домской площади за рейхсмарки продавали подростков с 16-ти лет.

Уже с 14 октября 1944 года в Риге была Советская власть, организовано снабжение жителей хлебом и другими продуктами. А в Булдури еще в ноябре во «Временном убежище» директриса не решалась заявиться за пайками и лекарствами, одеждой и обувью для детей. Это «убежище» обнаружила и сообщила о нем в Ригу проходящая через Булдури наша воинская часть.

Да, всякое было. Был у нас и Лёня Икс. Малыш с лицом старичка, беспомощный в движении, речи, поступках. Ученые в Риге после тщательного обследования все-таки не смогли определить его возраст, но в одном были единого мнения: в концлагере над мальчиком был совершен какой-то опыт, который остановил и даже деградировал его физическое и умственное развитие.

Следует мне более подробно рассказать вам о Лёне Икс. Когда в 1943 году было в Дубултах создано «Временное убежище для русских детей», туда привезли тех детей, которых не раздали в

монастыре. Потом в это убежище доставляли детей из Саласпилса. В 1944 году это убежище было переселено в Булдури и в конце 1944 года стало Булдурским детдомом, в котором первым директором была я.

В 1944 году из Саласпилса в Булдурское «убежище» привезли на грузовике под брезентом очередную партию детей, среди которых был мальчик, обозначенный в списке только двумя словами: «Лёня Икс». По виду ему можно было дать пять-шесть лет, но по физическому и умственному развитию он был самым слабым и отсталым среди двух-трехлетних детей. Ничего не помнил, мало и плохо говорил, совсем не держался на ногах... Лицо — желтое и дряблое, как у старого человека. Лето 1944 года было сухое и жаркое, «убежище» находилось недалеко от моря, и воспитательница О. М. Лизункова водила детей купаться. Лёню Икс приносила к морю на руках и зарывала его до пояса в горячий песок. Таким образом оживила его ноги, он стал кое-как ходить. В 1945 году Лёню Икс в Риге обследовали логопеды, но никак не могли определить его возраст и разобраться, что с ним стало, почему не растет. Единодушно решили, что над этим ребенком в Саласпилсе сделан какой-то чудовищный опыт. Когда зимой 1945 года Майорский дом ребенка принимал новых малышей, мы попросили взять и Лёню Икс. Летом 1946 года из Майори нам прислали фотокарточку воспитанников: видно было, как они подросли и поправились. Только Лёня Икс ничуть не подрос, лишь личико похорошело. К осени 1946 года к нам в Сигулдский детдом приехала женщина-белоруска, вернувшаяся из Германии. Свою дочку Зину она нашла в Рембатской волости и от нее узнала, что братик Лёня остался в Саласпилсе. В списках «убежища» мальчик с названной фамилией никогда не значился, из наших старых сотрудниц никто такую фамилию не помнил. Но всех нас удивляло: женщину видим впервые, а такие знакомые глаза! Кто-то шепнул: «Это же глаза Лёни Икс». Тогда показали ей фотокарточку, присланную из Майорского дома ребенка. Она сразу признала сына, но была крайне удивлена: таким малышом он был и в 1943 году, когда их разлучили, а ведь прошло с тех пор уже три года. В Майорском доме ребенка был карантин, к Лёне не пустили, но подвели его к окну. Вернувшись к нам в Сигулду, она горько плакала: ведь Лёня рос здоровым, развитым ребенком. Так что же с ним сделали в концлагере?

К сожалению, имя матери я забыла, лишь помню, что она была из партизанского края. Возможно, что в Майорском доме ребенка она назвала свою фамилию, и в списках воспитанников Лёня Икс уже не был «неизвестным».

* * *

Мильда Гиртовна Ритмейстер всю свою жизнь излучает доброту, соучастие, желание помочь в нелегких поисках. Ах, как она учит своими письмами быть неутомимым, трудолюбивым.

Вот ее очередное письмо...

«Все не писалось, так как я в прошедшую суровую зиму расхворалась. Ведь мне 80 лет. Пора с хворями возиться. Теперь стало лучше, и я рассылаю письма.

...О том, что детей умертвляли отравленной кашей, можно найти в архивах — в актах судебно-медицинской экспертизы. Весной 1945 года об этом мне рассказывала профессор медицины Анна Берзиньш. При вскрытии трупиков в желудках был обнаружен мышьяк.

О Лёне Икс я уже писала вам. О Микелисе Шмите и Жене Самусенок могу лишь добавить, что рассказ журналистки Велты Айзупе появился в газете «Циня», а потом в газете «Дзимтенес Балсс» (для зарубежных латышей). Мне кажется, что надо бы рассказать историю Пети Кореневского и его брата Виктора Бангериса. Их истинную фамилию я забыла. Но Петра Кореневского можно разыскать в Риге. Он и его жена Валентина — полиграфисты, работают в одной из рижских типографий. Виктор, возможно, работает агрономом в Огрском районе, где его в 1944 году усыновил крестьянин Бангерис...»

* * *

Кореневские уже «взяты на заметку». Но как быть с таким подарком Мильды Гиртовны — сообщением В. Берзини о Наталии Зубковой (бывшей Наташе Лемешонок). В книге «Мы обвиняем» (документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской Советской Социалистической республике 1941-1945 годов) я уже читал рассказ десятилетней Наташи Лемешонок, бывшей узницы Саласпилса: «Через несколько дней солдаты всех группами выводили из барака и вели через двор в больницу. Там нас выстраивали в очередь. Аню я держала на руках. Мы не знали, что с нами будут делать. Потом пришел немецкий доктор, большой и сердитый, и другой немец. Когда я подошла к нему, то увидела, что он втыкает в руку около локтя девочкам и мальчикам длинную иголку, и по трубочке в подставленную стеклянную толстую трубку набирается кровь. От каждого из нас он набирал полную трубку нашей крови. Увидя это, я тоже стала плакать и кричать. Мне было очень страшно. Когда подошла моя очередь, доктор вырвал Аню из рук и положил на стол. При этом доктор воткнул мне в руку иглу, и когда набрал полную стеклянную трубку, отпустил меня и стал брать

кровь у моей сестрички Ани. Я стала кричать и плакать. Немец посмотрел на нас и что-то сказал. Мы не поняли, а солдат, стоявший рядом, засмеялся и сказал по-русски: «Господин врач говорит, чтобы вы не плакали, девочка все равно умрет, а так от нее хоть какая-нибудь будет польза». Потом через день нас снова повели к врачу и опять брали кровь. Помню, что в неделю четыре раза водили к врачу и брали кровь. Скоро Аня умерла в бараке. У нас все руки были в уколах. Мы все болели, кружилась голова, каждый день умирали мальчики и девочки».

Вот что я узнал от В. Берзини о дальнейшей судьбе Наташи:

«Теперь Наташей ее называют редко. Наталия Зубкова — терапевт, у нее своя семья, растет сын. И все же есть что-то такое, из-за чего Наталия видит жизнь по-другому, другими глазами, через другую призму, чем большинство людей. Видимо, боль пережитого и заставила седую старушку Мильду Ритмейстер из Нереты написать в редакцию: «Не знаю, куда обратиться, чтобы рассказать о Наташе Лемешонок. Надо ее убедить, что это очень нужно, чтобы именно она выступила на митинге в Саласпилском мемориале...»

От Наталии узнала, что она не была в гостях ни в одной школе. Не отозвалась на приглашение выступить на митинге в Саласпилском мемориале. Когда в «Известиях» и в «Огоньке» появились публикации о ней, коллеги по работе только высказали предположение: «Не о нашей ли это Зубковой?..»

О концлагере она никому никогда не рассказывала. Такую боль не положишь на открытой ладошке напоказ.

— Что я могу вспомнить? Мы тогда еще были глупыми детьми. Но нам было больно. Настоящая оценка пережитого приходит с годами. Может быть, поэтому я никак не могу понять людей, портящих нервы себе и людям...

Совсем неожиданно она спросила меня:

— Знаете, что я больше всего ценю? — И сама ответила: — Доброту и верность. Это я могу сказать из собственного жизненного опыта.

После концлагеря Наташа попала в детдом. Однажды девочку позвала воспитательница. Два человека, не имеющих своих детей, хотели ее удочерить...

Наташа обводит взглядом комнату... Кажется, все вещи напоминают Аболиней — приемных родителей, внимание и заботу которых она чувствовала долгие годы.

После войны девочку отыскала мать. Еще сегодня в памяти слышится нерешительный звонок. Открыв дверь, Наташа увидела маму. Вокруг мамы застенчиво стояли младшие дети...

На родине в Витебской области их ждала разоренная земля,

неизвестность, нужда... Мама вглядывалась в лицо латышской женщины. Обе поняли друг друга без слов. «Оставайся, дочка, здесь, тебе тут будет хорошо». И родная мать не ошиблась, доверяясь незнакомой семье.

Наташу Аболини вырастили как свою дочь. Научили собственными руками строить свою жизнь.

Прощаясь с Наталией Зубковой, я подумала, что еще бесконечно много осталось недоговоренного. Но рассказать о ее жизни все — возможно ли это?

А может быть, и не надо».

* * *

Пусть простит меня журналистка В. Берзиня, но я не мог послушаться ее деликатного совета. Хотелось побольше узнать о семье Лемешонков. В Рижском историческом архиве на улице Слокас мне предложили посмотреть «Адреса беженцев...». Из десятка ученических тетрадей я узнал, куда перемещались из Саласпилса те сотни людей, захваченные карателями в Белоруссии. Роду Лемешонков было отведено шестнадцать строчек. Видимо, сюда попали не только родные, но и однофамильцы.

Из списка я узнал, что Лемешонок Анна, 1927 года рождения, отправлена в Люблин; Лемешонок Евдокия в 1943 году — в Дзинтари; Лемешонок Иван одиннадцати лет и Клава десяти лет — в Икшкиле; 16 апреля 1943 года шестилетки Евгения и Борис отправлены в Дубултский приют; трехлетнюю Галину взяла к себе Мор Елизавета (ул. Баложи, 22-4), восьмилетнюю Женю — Земибис Эмилия; семилетнюю Анну — Бренцис Андрей (а желает взять Э. Корашевский)... Александр тринадцати лет отправлен в Рембатскую волость.

19 апреля 1943 года Лемешонок Наталию девяти лет записала к себе Иванова Мария на улицу М. Лубановскую, 12-9. Через день Лемешонка Матвея взял Чернис Николай (ул. Гертрудинская, 113-19).

Детишек, бывших узников, часто возвращали в приюты, и ничего удивительного, что Наталия в конце концов очутилась в семье Аболиней.

В тех шестнадцати строчках из архива было для меня много неясного. Попробовал написать в Рембате (куда были отправлены Александр и Женя Лемешонки). Получаю письмо от Мирдзы Айзсилниеце. Действительно, из Саласпилса туда привезли много белорусских детей. Часть из них по сегодняшний день живет в Рембате. У бывших узников свое кровное братство. Они встречаются, вспоминают тех, кто погиб в Рембате уже вывезенным из концлагеря. Это Бортник Виктор, Коледа Варлам, Нарубин Иван,

Выдрицкий Константин, Цынгель Аркадий, Юхневич Федор, Бобровская Люба...

В свое время воспитывались в Рембате, а потом расселились по всей Латвии Трипук Леон Иванович, Ясукевич Янина Ивановна, Коледа Вера, Зинько Валентина Дмитриевна, Уселенки Константин Иванович, Николай Иванович и Галина Ивановна, Мороз Чеслав Павлович... А что же о Лемешонках? Читаю в письме М. Айзсилниеце: «Воспитывалась в Рембате Лемешонок Евгения Игоревна. Думает, что родилась в Освее. Теперь живет в Риге».

А еще я узнал, что маленьких узников привезли в Рембате 7 апреля 1943 года. И 7 апреля 1988 года состоялась встреча спасенных здесь детей, у кого «второй» день рождения — 7 апреля.

* * *

Как и советовала Мильда Ритмейстер, нашел адрес и написал Кореневскому. Вот она, еще одна связующая нить Освеи с Латвией...

«Я — Кореневский Виктор Иванович, живу в Латвии в колхозе «Кекава».

После окончания академии десять лет работал председателем колхоза.

В Саласпилсе нас было трое. Сестра умерла в лагере. Мы нашли своих родителей через двадцать лет. Оказалось, что Шкетик Текля записала на бирке свою девичью фамилию «Кореневская» и забыла об этом.

Мы с братом выросли, выучились в Латвии и работаем здесь, правда, на другой фамилии.

Теперь хочу сказать о том, что я два года жил в Рембатском сельсовете у Путнинь Лилии. Она в школу не хотела пускать — и меня забрал к себе Бангерис Карл, который вырастил и даже направил учиться в сельхозакадемию, которую я окончил в 1964 году.

Брата нашел в 1961 году — Петр работал в типографии. Из детского дома он пошел учиться в ремесленное училище в Риге.

Родители живут в Верхнедвинском районе, теперь оба пенсионеры.

Я начал разыскивать родителей в 1953 году. Почти 8 лет писал по разным учреждениям. После службы в армии снова продолжил поиски. Учился в академии на третьем курсе, когда пришла весть о родителях.

Оказывается, мать забыла о том, что на бирке оставила свою девичью фамилию, чтобы нас не расстреляли как детей партизана.

Я учился 17 лет в латышской школе, по паспорту латыш, а брат по паспорту русский, живет в Риге.

А в Лесникове живут наши родители-белорусы».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кукушка долгожданная,
кукуй, не уставай.
Годов, моя желанная,
побольше набирай.

Бери одни хорошие,
счастливые зови...
А сколько лет подкошено,
потоплено в крови?

А сколько — мчало в стремени,
ломалось пополам
и полегло без времени
по склонам, по полям...

Но ты, кукушка милая,
ты в утренней росе
считай одни счастливые
и — чтоб хватило всем![1]

[1] Перевод с белорусского Александра Дракохруста.

I
Рассеивание

Может быть, мы одна из тех несчастных наций, которая претерпела разброс — рассеивание по всему свету. Со всех континентов откликаются сейчас белорусы. А уж что говорить о бескрайних пределах Советского Союза. За годы войны было эвакуировано на восток около 25 млн человек. В оккупации оказались примерно 80 млн человек, или около 40 процентов населения страны, в тяжелых, порой невыносимых условиях репрессий и голода. 6 млн человек, в основном молодежь, было угнано в фашистское рабство.

И в этой общей статистике страны — конкретные судьбы освейцев...

д. Лакисово. **Снапок Галина Александровна**:

— Это было 3 марта 1943 года. Нас забрали из Голубовского леса. Сначала хотели расстрелять, а потом погнали через деревни Голубово, Свиравщино, Острый Конец... В каждой деревне каратели останавливались и уничтожали все подряд. В деревне Пожарище было нагнано полный сарай наших людей. Всех спалили. А нас погнали до деревни Бондарово. Там часть людей, которые были слабее, загнали в сарай и спалили. Остальных погнали до деревни Бажки. Снова старейших и слабейших загнали в пятистенный дом и спалили. Остальных в Боровке погрузили на поезд и повезли в Саласпилс, где мы пробыли до 20 марта. Забрали от меня детей, а меня повезли в Майданек. Там работала по 12 часов. В сутки проводили до пяти раз построение. Однажды убежал мужчина. Так вот мы стояли несколько дней и ночей, покуда его не нашли.

Вместе со мной была молодая девчонка Наташа из Ленинграда. Ее очень любили: она всегда всех подбадривала, поднимала нам настроение. Говорила, что все равно когда-то выйдем на волю. Но ее кто-то продал, и ее на виду у всех казнили.

Через некоторое время к нам привезли детей евреев. Очень было трудно смотреть, как над ними издевались. Ведь мы знали, что и с нашими детьми обращаются так же.

Сначала мы видели маленькие крематории. Людей сжигали на стогах: месяца два на одном месте, а потом трупы сносили на другое. А пепел этот мы рассеивали по полям, удобряя землю. Но через некоторое время построили новый крематорий.

Кормили нас так: 150 граммов хлеба на сутки и один раз баланда. А хлеб наполовину с опилками. Уже дошли до того, что ветер качал: одна кожа да кости. Но под осень ожили, когда на полях появилась свекла: ели втихомолку, чтобы никто не видел, а натину закапывали в землю...

В Майданеке отбыла год и два месяца. Два месяца была на карантине. Весной повезли в Равенсбрюк. Вот в этом концлагере я услышала такую песню:

Мы живем вдалеке от Берлина
Островок наш окружен водой.
Там лежит небольшая равнина
И концлагерь стоит за стеной.

Тридцать шесть деревянных бараков,
Кухня, бункер, ревир что таит?
Наши девушки ходят без яков[1],
Хоть март месяц холодный стоит.

Еще ночь, а уже поднимают:
Пьем пол-литра горячей воды.
А затем на аппель[2] выгоняют:
На аппеле стоим, как снопы.

Двадцать раз нас авзьерки[3] считают.
Долго мы по пятеркам стоим.
Слышим голос немецкой сирены,
А затем на работу бежим.

Мы работы ничуть не боимся,
Но работать на них не хотим.
И хотя меж собой веселимся,
А в душе горе, слезы таим.

Жуткий холод рыдать заставляет:
Ведь на нас только платья одни.
Но свободу душа вспоминает:
Мир в горячие брошен огни.

Плачут наши все братья и сестры,
Плачут дети, и мать, и отец
Но на фронте бои очень жестки:
Нашим мукам придет ли конец?

Выше голову, русские девы!
Выше голову, вид веселей!
Еще крепкие два-три напора, —

---

[1] Яки — пиджаки.
[2] Аппель — площадь.
[3] Авзьерки — надсмотрщицы.

И сюда прилетит соловей.

Он откроет ворота и брамы,
Скинет платье в полоску с плечей, —
Успокоит сердечные раны,
Вытрет слезы с печальных очей.

Выше голову, русские девы!
Будьте русскими всюду. Смелей!
Скоро лагерь оставим все вместе —
И мы будем на русской земле.

Донецкая область. **Огурецкий Николай Васильевич**:

— ...И я стал вспоминать те навек тяжелые годы. Зимой 1942 года мы с братом Виктором поехали на лошади за керосином в Освею. Нас заставили немцы смотреть, как они убивают евреев. Детей били прикладами, кололи штыками. Местные жители убегали. Невозможно было смотреть на это. Но немцы заставляли смотреть, кричали: «Всех, кто не подчинится германской власти, всех будем казнить так же». А когда евреев расстреляли из пулемета, яма, в которой лежали трупы, стала шевелиться. Тогда немец дал команду бросать туда хворост. Команду выполняли евреи, специально оставленные немцами. По хворосту пошел тягач на гусеничном ходу — и яма перестала шевелиться. Жандармы возрадовались этому. Один в очках жандарм даже запрыгал на месте.

Весной 1943 года мать отвела меня к своей сестре в деревню Лисно — к Черноок Валентине Мироновне. Мать и говорит мне: «Сынок, помогай тете». У нее двое деток — одной четыре года, а другой девочке год. Вот там я и увидел белорусских партизан. Кто мог держать оружие, уходили в самую глушь леса. А немцы делали налетные экспедиции. Но далеко в лес не заезжали: с дороги постреляют из пулеметов и уезжают в Освею. Правда, эти приезды обходились многим безвинным людям большим горем. Как-то в очередной раз приехали фашисты в Лисно. Они увидели у дяди Ясона двух сыновей. Вывели их на ростоньки. Один из фашистов выстрелил одному и другому в голову. Их мать упала на сыновей. Один умер, другой выжил чудом.

Осенью мне передали, что мой отец, который ушел в партизаны и перешел линию фронта, погиб в боях на Орловско-Курском направлении. Так было написано в извещении о смерти. А в Лисно партизан появлялось все больше и больше. Осенью, когда замерзло озеро, стали садиться самолеты: привозили патроны, а увозили раненых.

А потом пошли слухи, что немцы готовятся напасть на

партизанские отряды в лесах под Лисно. И вот в начале апреля каждую ночь мы наблюдали зарево пожарищ. Вокруг горели деревни, ехали беженцы, гнали коров. Коровы тревожно ревели. Созревало что-то жуткое: паника. Беженцы, которые проезжали через нашу деревню, рассказывали, что немцы живыми людей сжигают. А через несколько дней к нам в деревню прибежал немой дядя богатырской силы. В руках держал от немецкой винтовки ствол — приклад он разбил о голову немца. Так он объяснил нам. На нём была обгоревшая одежда. Оказалось, что этот немой вырвался из сарая, где фашисты его пытались сжечь...

Моя мать решила уехать к сестре Лене Володенок в Ярохи — это за восемь километров. Но бабушка не захотела с нами ехать, сказала: «Я лучше дома погибну...» Когда мы приехали к тете Лене, то там увидели очень много беженцев, даже в сараях жили.

На окраине леса партизаны стали занимать оборону. Мы же собрали свои пожитки, самые необходимые. На одну повозку сели две семьи: 9 человек. Дядя Володенок Тит объяснил, что много подвод не надо брать: меньше шума и не так приметно. И мы заехали в такую глушь, что вообще неба не видно. Сделали шалаш. Ночью холодно. Когда стали разжигать костры, самолеты начали нас обстреливать. Жили, пока было чем кормить лошадь и корову. По нашему следу понаехало полно людей: дети плачут, коровы, как дикие, ревут всю ночь. Это был кошмар. Тут тетя Лена Володенок стала агитировать: она знает хорошее место — тихое, далеко от дороги. И мы ночью снялись. Мы приехали на новое место — там тоже было много народа: все были чужие, не из нашего села. Вырыли небольшую землянку и давай сушить одежду, так как было очень много снегу и мы промокли. Ночью и днём коровы стояли с мешками на головах, чтобы не слышно было их реву...

Как сейчас помню: 25 апреля 1943 года прямо к нашим землянкам цепью вышли каратели. Они были злые как звери, пьяные. Если кто-либо отходил в сторону, убивали без предупреждения. Тот, кто был сильным, выбирал момент и все равно тикал: стрельба шла из пулеметов и автоматов по всему лесу.

Нам немцы дали команду ехать за ними. По дороге еще больше собрали людей. К вечеру нас набралось больше трехсот. Ночевать загнали в сарай, где лежала мерзлая капуста партизан. Всю ночь шла перестрелка между партизанами и немцами; со стен сарая только щепки летели. А люди? Кто стоял на коленях и молился Богу, кто плакал, кто закапывался в капусту. В тот вечер и солнце красно-красно заходило. Всю ночь измученные люди провели в сарае. Не было ни капли воды. Под утро партизаны ранили часового, охранявшего сарай, в котором мы находились. Когда часовой упал и закричал, партизанские снайперы стали еще силь-

ней обстреливать. Все люди, стуча от страха зубами, встали на колени последний раз помолиться. Кто-то из мужиков открыл ворота сарая и стал перевязывать раненого часового. Недалеко в засаде сидели немцы и наблюдали. Они боялись подняться из снежного окопа, чтобы их не убили партизаны. Когда всё утихло, часов в восемь утра пришли озверелые, пьяные каратели и стали нас, как на бойне скот, выгонять из сарая. Эти минуты остались в памяти на всю мою жизнь. От безудержного страха я не мог стиснуть зубы: они так цокали. Вырывалось сердце. Волосы — дыбом: казалось, шапка вот-вот упадет с головы. А каратели выталкивали людей из сарая. Никто не хотел идти первым. Все знали, что впереди — смерть.

Каратели встали шеренгой, у каждого на шее висел автомат. А среди нас сплошной плач и стон людской. Стали прощаться с родными и близкими. Каратели начали бить прикладами, ногами. В тот миг вспомнил я, как когда-то в Освее вот так же били евреев.

Перед тем как нас стали выгонять из сарая, мама закрутила мою сестру Аню в одеяло и всунула «сверток» в мешок. И когда начали строить по три, мы стали так: я, мать и брат Виктор. А сестра была, как вещь, в мешке. Немцы не догадались, что в мешке ребенок. За несколько минут выбрали людей с маленькими детьми от грудных до семи лет. Передавали деток старым людям. Я не знаю, сколько мы простояли на улице, но моя сестра в мешке не подала ни звука. Нас обратно загнали в сарай. Люди попадали на мерзлую капусту и стали от жажды сосать листья. Вдруг в углу сарая заплакал ребенок, прикрытый соломой. Когда женщины подошли к нему и стали успокаивать, он замолк. У ворот сарая, кроме двух часовых, никого не было. Мы стали смотреть в щели сарая, куда погнали наших родных и близких. Но далеко их не погнали, а в другой сарай. Люди уже шли в шеренге по два человека, а деток несли на плечах. Видно было, как Альшевская не хотела брать свою младшую дочь на плечи, держала на руках.

Когда первые люди стали входить в сарай, послышались выстрелы. Люди шли цепочкой, а выстрелы продолжались. Каратели все подгоняли и подгоняли людей. Через некоторое время сарай загорелся со всех сторон. Всю ночь пахло горелым мясом.

Каратели ушли в дом, а мы остались ночевать вторую ночь в том же самом сарае.

На другой день утром нас подняли рано, еще было темно. Немец привел корову и тут же у сарая убил ее из пистолета. На ломаном русском языке сказал: «Быстро резать,-варить. Скоро поедем». Нас осталось человек сто. Посуды и соли не было. Кто жарил на костре, кто в горшках варил мясо. Но доварить то мясо нам

не дали. Скомандовали выходить на дорогу. Люди с вещами прошли до конца деревни, где стояли латышские извозчики. Их заставили собрать наших лошадей, коров. Мы еще не добрались до деревни Мельница, как трое карателей на хорошей лошади со всего хода врезались в нашу толпу и убили женщину. Осталось в памяти: дочь обнимает лежащую мать. Извозчики приказали нам закопать труп. Руками по-быстрому нагребли песку и поехали дальше.

Проезжаем деревню Лисно. Кто-то из латышей нашел в землянке двухлетнего мальчика. Тот так уже сплакался, что был весь синий, к тому же очень отощавший от голода.

От Миловид до Освеи прошли голодные — во рту, кроме снега, ничего не было. Когда нас замкнули в церкви, люди стали знакомиться. У кого был хлеб, давали друг другу. Так мы за три дня первый раз поели. На утро опять в дорогу. Мы уже поняли, что нас гонят в Латвию. К вечеру мы уже были в Полищино. Латгальцы над нами смеялись: «Ну что, партизаны, довоевались?» А были и такие, что кусочек хлеба давали.

Как подогнали к лагерю, так и ноги у меня подкосились: проволока высокая, консервные банки висят на ней, немцы с собаками ходят… Подошли поближе к проволоке, а там мужиков — на целый километр: сидят и бьют камень на мелкие кусочки. Худые, одни живые скелеты в полосатой одежде. Они стали просить курева, хлеба, соли.

Нас загнали в барак «А». Нары в три яруса. В бараке холодно. Вечером дали суп из листьев свеклы и черный кофе без сахара и хлеба. А на другой день уже дали 100 граммов хлеба, который был наполовину с опилками. На этикетке прочел, что хлеб был изготовлен в 1939 году. После завтрака пришел офицер в черной форме и приказал сдать полушубки. Перед обедом нас погнали голых в другой барак. В тот апрельский день шел дождь. Было очень холодно, но халаты получили те женщины, у которых были дети на руках. Когда пришли в парикмахерскую, там увидел человек пятнадцать мастеров. Помню, как они удивились, когда зашла восемнадцатилетняя Алла Альшевская с длинной и толстой косой. Немец с радостью обрезал ножницами косу и отложил в сторону. Алла же от стыда и горя залилась слезами.

Я уже не помню, сколько прожили в лагере, но помню, как однажды стояли мы возле своего барака и наблюдали такую картину: заключенные на носилках тащили нагих детей, задушенных газом. Один молодой латыш признался, что триста детей сразу отравили фашисты. Я своей матери побоялся об этом говорить. Нам в те бараки, где находились заключенные-коммунисты, запрещали входить. Нельзя было с ними и на улице разговаривать.

Мы встречались в туалете. Там можно было узнать, как идут дела на фронте, сколько уже погибло в лагере, кого и куда будут увозить, кто делал побег, а его поймали, и ходит теперь с досками на груди и спине...

В Саласпилсе часто можно было видеть, как ходит беглец весь в синяках от плеток. Лагерный закон таков: если кто в бригаде провинился или что сказал против германской власти, тогда выгоняли всю бригаду. Заставляли ползать на четвереньках или по команде приседать. Смотришь, другой грязь ртом хватает: так ему воды хочется, но ползет, не хочет, чтобы его избили резиновой палкой.

Я первое наказание получил за то, что ушел из барака без спроса и опоздал на ужин. Хотя у меня была уважительная причина: у нас заболела маленькая сестра Аня, и я пошел узнать, в какой барак ее поместили. Я боялся ее потерять. Достоялся под окном барака, пока мать не пришла за мной. Говорит: «Ты опоздал на ужин». Я, конечно, ужин не получил. А после на виду у всего барака мне дали в руки метлу, а в другую щетку. Держать их нужно на вытянутых руках два часа. Сначала было сносно. На последнем часу я стал плакать. Мать пошла к начальству просить, чтобы меня простили, но ее вытолкнули из комнаты. А дежурный немец все это время наблюдал за мной: если я опущу руки, будет бить плетью. Мне в то время казалось, что у меня все мои жилы отмерли.

Кормили нас плохо: где бы ни шел, а все думаешь про еду. Припоминаешь, где и когда что-то вкусное ел. Уйдешь, бывало, туда, где растут молодые сосны, — и давай тонкие корни вытаскивать из песка и жевать. Жуешь до тех пор, пока не срыгнешь...

На работу нас гоняли мало. Только когда катком укатывали лагерные дорожки. Впрягали по душ сорок пацанов... Однажды всех подростков собрали, повезли. Мы поняли, что будем жить на свободе. К обеду нас привезли в Тынужи, высадили возле большой кучи дров, как щенков. Вскорости пришли «покупатели», хозяева хуторов. Меня сразу взял Вилис Калнозол из Икшкиле. А вот моих двоюродных братьев Володенков Петю и Валю никто не хотел брать: Петя был сильно худым и маленьким. Но нашлись и на них покупатели. Также из Икшкиле — Адам Янис. Нас записали и предупредили: «Кто не будет слушаться своего хозяина, тех отвезут обратно в лагерь».

Когда хозяин привез меня на свой хутор, он хотел мне объяснить, что и где находится. Но я не знал латышского, а он — русского языка. Ему в то время было тридцать, жил он холостяком. В его доме обитали мать и тетя. Калнозол был культурным человеком, хорошим хозяином. Никому не позволял обижать меня. Даже своей матери. Кушал я с хозяевами за одним столом.

Я быстро привык к ним и быстро научился латышскому языку. Я прожил у Вилиса лето и зиму. Работал, как взрослый: и пахал, и по дрова в лес ездил. Старался, чтобы не отвезли обратно в Саласпилс.

Весной 1944 года моя мать была отправлена на окопы под Ленинград и оттуда сбежала каким-то чудом. Нашла сестру Аню, а потом и меня. Брата Виктора помогла найти хозяйка сестры — русская эмигрантка. С царских времен жила в Риге. Смирнова Евгения и взяла сестру Аню из детдома. Брат Виктор работал у хозяина недалеко от Тукумса (станция Смардас, имение Вевери). Мать и осталась там жить. Вдруг узнаю, что моего хозяина забирают в немецкую армию. Он избегал мобилизации, часто натирал ядовитыми травами ноги, чтобы они пухли. 20 июля его забрали, я остался сам за хозяина. Фронт приближался все ближе и ближе. Однажды пришел почтальон и принес мне повестку прибыть в волость. Я понял, что мне опять грозит лагерь. Тогда хозяйка и говорит мне: «Езжай быстрей к матери». Дорогу в Тукумс я уже знал. Но куда же мне ехать, если нет никаких документов? Как же мне проехать через Ригу? Но меня спасло то, что одет я был «по-латышски» и хорошо знал язык.

Проезжая через рижский вокзал, поезд стал притормаживать. Я как глянул через щель, так и обомлел: на перроне немцы с овчарками кого-то ищут. Я от страха забился» в уголок будки, даже дыхание притаил. Так хотелось, чтобы поезд не остановился. Счастье было на моей стороне. Так и получилось: поезд медленно потащился через весь вокзал... Остановился только в Кемери. Наши самолеты вновь бомбили железную дорогу. Рано утром приехал на станцию Смардас. Мать очень обрадовалась. А хозяин стал говорить матери, что мне без прописки жить нельзя. Мать стала просить его, напоминать, что и фронт уже совсем близко: «Кто знает, что будет завтра?» Он согласился.

Все чаще стали прилетать наши самолеты. Обстреливали и бомбили железную дорогу, Тукумс и Смардас. Уже хорошо были слышны артиллерийские залпы. В сентябре к нам на хутор приехали солдаты и стали делать линию обороны. Вскоре забрали брата Виктора рыть окопы. А когда наши танки прошли до Смардас, нас с матерью забрали в лагерь Церпис (это возле Озолкална). В лагере заставляли рыть блиндажи, выкладывать их дерном. Кормили в лагере немного лучше, чем в Саласпилсе.

А перед Новым, 1945 годом наши самолеты разбомбили те блиндажи, что мы делали. Немцы стали в панике убегать. Много было убитых, раненых и среди наших людей. Под шумиху и мы разбежались. Пошли в сторону Тукумса. Помню, поздно вечером зашли на хутор. Я по-латышски стал просить хозяина пустить нас

в дом. Он отказал. Посоветовал жить на чердаке конюшни. Там мы втроем прожили почти до весны.

Я окончил ремесленное училище в Риге, пошел служить в армию. В 1955 году умерла мать, в ту же осень я демобилизовался и приехал с сестрой Аней в Донбасс.

г. Ленинград.

Парадник Надежда Иосифовна:

— Я не знаю, смогу ли помочь, ведь я ничем героическим не отличилась: только приняла тот ужас и мучения концлагеря Саласпилс. Многое забылось, ведь я была ребенком (1929 г. рождения).

Жили мы в деревне Кореники. Там и застала нас война. Немцев видели редко, только тогда, когда они приезжали грабить население. У нас хозяевами стали партизаны. Моей старшей сестры муж Александр Шаврак тоже ушел в партизаны, кажется, в отряде Фрунзе партизанил. Брат мой Коля бежал из плена и в партизаны не успел уйти только потому, что болел: отморозил ноги (пальцы ног совсем отгнили).

Немцы открыли второй фронт: против партизан пошли каратели. Жгли деревни, убивали людей. Нашу деревню сожгли, мы все ушли в лес. В лесу нас и взяли: меня, маму, брата больного и сестру с двухмесячной дочерью. Муж ее ушел с отрядом, а мы, не успев за ними, нарвались на карателей. Нас привели в Сарью. Начались допросы. Меня спрашивали: «Коля — партизан?» Я все время твердила: «Нет». После допроса меня отвели к другим пленным жителям, а всю остальную мою семью сожгли. Это было зимой, в январе — феврале 1943 года. Точной даты не помню.

Самые тяжелые минуты войны? Их было много. Сначала я испугалась расстрела, когда нас взяли в лесу и под стогом сена в деревне Лесниково поставили под пулеметы. Тогда я потеряла сознание. Почему отменили расстрел и начались допросы, я не знаю. Возможно, каратели только хотели нас испугать. С чем сравнить боль, когда меня увели от мамы и я узнала, что всех родных будут казнить? Тогда мне хотелось умереть вместе с ними. Не страшны стали ни побои, ни расстрел. После гибели родных я просто отключилась от жизни.

Веру в жизнь я снова приобрела в Саласпилсе. Там были люди, которые нам говорили, что нужно всеми силами жить и что русские придут. Эти люди были латыши и, по слухам, вроде бы комсомольцы, которых немцы забрали в концлагерь.

Однажды я потеряла сознание, очнулась на верхних нарах в бараке, забросанная тряпками, где меня прятали латыши. Одного из спасителей звали Яном. Он кормил меня сухарями, он и помог мне побороть смерть. Если бы не он, меня не было бы в живых:

слабых забирали в смертный барак, оттуда нет возврата. Знаю, что таким образом, как меня, спасли многих детей. Где он сейчас, Ян, не знаю.

Концлагерь и был самым тяжелым испытанием в моей жизни. Мы не знали, какой день и какой месяц, знали только голод, работу в ночные смены (плели из соломы веревки, и если засыпали от усталости, получали по несколько ударов плетью). Да, били нас часто: и за невыполненную норму работы, и за тихий шаг... Иногда мы сами не знали, за что по спине нашей гуляла плетка.

«След» Саласпилса в моей судьбе? Может, я на этот вопрос не совсем правильно отвечу. Этот след остался на всю жизнь: ненависть к фашизму, к войне, болезнь сердца, плохие, как говорят, нервы. И даже в самые веселые минуты, когда подхожу к зеркалу и вижу себя седой (я поседела в концлагере), перед глазами встают картины мучений.

Как я осталась жить? Мне просто повезло. Я попала в небольшую группу детей, которых фашисты отдали латышу-хозяину. Меня взял для работы Грезе Паулс (дом Пуршалес около станции Кегумс). Я пасла коров и делала всякую домашнюю работу. Меня не обижали, в питании не ограничивали. Здесь я и дождалась освобождения.

От Грезе Паулса я уехала осенью 1944 года, когда пришли наши войска. Им не писала, даже не знаю, почему. Просто не могла поверить, что я дома и ничего не нужно бояться. А еще не хотела напоминать себе про тот пережитый кошмар. Но в 1967 году я ездила в Ригу и заехала на знакомый хутор. Грезе Паулса не было в живых. Встретилась с хозяйкой. Её сын Арвид в 1967-1968 годах служил в Советской Армии возле Ленинграда и бывал у меня. Приезжала и хозяйка к сыну. Всегда останавливалась у меня.

Я на них не обижалась. Ведь я к ним попала очень слабой, голодной. Они потом вспоминали: когда меня привез хозяин, подумали, что старуха идет в дом... У них я и окрепла.

Не могу выстроить свои воспоминания последовательно. Попробую по отдельным эпизодам восстановить саласпилский быт.

Однажды утром из нашего барака немец отобрал молодых красивых девушек. Их куда-то увезли, а вечером они забежали в барак с плачем и бросились к своим родным прощаться. Были они чисто вымыты, хорошо одеты. Немцы отрывали девушек от родных и тащили в автобус. Сказали, что их везут для офицеров. Было очень тяжело, хотя «тяжело» — это не то слово. Но мы хотели жить и боролись со смертью, насколько хватало силы...

Был такой случай. Полагалось за ночь сплести двадцать пять метров соломенной ленты. Один раз солома была очень плохой, а может, силы не хватило, но я не сделала норму и к концу ночи

уснула. Меня сразу разбудила плетка немца, а при обмере соломенной ленты я получила втрое больше резиновой плеткой по спине — за каждый недоплетенный метр... Самое главное — стараться не попасть в смертный барак. Туда не только больных увозили, но и здоровых — чтобы взять последнюю кровь. Постоянно хотелось есть, и мы, чтоб заглушить тошноту, начинали вспоминать запах домашней пищи. Или вспоминали запах той картошки, когда мать, сварив свиньям, перемешивала ее с мякиной... У нас от воспоминаний как будто появлялся подобный вкус во рту — и нам становилось легче.

Я так думаю: хозяевам нужны были пастухи. Были хозяева, которые брали малого ребенка просто на воспитание. А другим нужны были рабочие руки. Детей повзрослей не выдавали на хутор без маленьких. Вот так и с моим хозяином: ему нужна была девчонка-подросток — и как пастушка, и чтоб по хозяйству все помогала, в сарае убирала за скотиной, а в летнюю страду работала и на поле. Поэтому в придачу ко мне хозяина заставили взять еще шестилетнего Эдика Тазикова. Он родом из Смоленска, но перед самой войной оказался у бабушки в Освейском районе. Там их и забрали каратели. Сначала по-латышски мы не понимали, а по-русски никто с нами не говорил. Иногда тоска по родине становилась нестерпимой. Тогда Эдик, хотя был и маленький, но все понимал, как взрослый, приходил ко мне, садился рядом: «Давай я тебе расскажу стих...» И начинал: «Одеяло убежало, улетела простыня... А хочешь про деда Мазая?» И хотя я уже много раз их выслушивала, просила его снова рассказывать. Тогда мне и ему становилось легче...

К хозяину в гости часто приходили муж и жена (их русские фамилии я не помню). Они работали на электростанции. Был случай, когда меня незаслуженно обидели, и я хотела убежать куда глаза глядят. Как раз в тот вечер ко мне в комнату зашла русская тетенька. Я плакала и рассказала все о своем детском горе. Она меня успокоила. Но потом русские перестали приходить. Хозяйка сказала, что их арестовали: у них нашли рацию.

В 1945 году я навестила родную деревню. Страшно было посмотреть: кругом одни печи разрушенные и маленькие крыши на земле. Когда подошла ближе, узнала, что это землянки...

Детям своим я часто рассказывала о войне и о концлагере. С ними ездила в Саласпилс, показывала то место, где стоял мой барак... Они близко приняли мои воспоминания. Со мной всегда ласковы и уступчивы. Знают, что нервы у меня не совсем здоровы.

г. Ленинград. **Жингель Мария Павловна**:

— Война оборвала беззаботное детство. В Росице жили мы

каждый день под страхом. Прятались в подвалах. Фашисты не щадили ни детей, ни стариков. Когда наш старший брат Петр (1922 года рождения) ушел в партизаны, наша жизнь стала еще страшнее. Фашисты хватали детей, ставили к стене, направляя автомат, спрашивали: «Где брат?» Мы отвечали, что не знаем.

Все помогали партизанам чем могли. Сопротивление приводило немцев в ярость. В феврале 1943года они начали карате льную экспедицию. В воздухе ревели самолеты, кругом все горело. От деревни Каменцы бежали женщины и кричали: «Спасайтесь! Жгут вместе с людьми!» Мы все бросились бежать. Голые, голодные прожили десять дней. Со всех сторон доносились стоны и крики.

Добраться к партизанам мы не смогли. Фашисты окружили нас. С овчарками и автоматами, направленными на нас, они кричали: «Партизаны! Сейчас всех живьем сожжем в огне!» С поднятыми руками нас погнали в Росицу. Затем погрузили на подводы и повезли на станцию Бигосово, погрузили в товарные вагоны и повезли в Саласпилс. Там всех обстригли. Гоняли в баню голыми. Обливали холодной водой из шланга на улице. Тело покрывалось льдом. Это они проводили дезинфекцию. Потом старших по возрасту отделили. В том числе и моих родителей: мать Жингель Марию Викентьевну, отца Павла Петровича и сестру Нину Павловну, 1928 года рождения.

Дети остались одни. Приходили надзиратели с овчарками, спрашивали: «Кто хочет к родителям?» Все бежали с нар. Кто сильнее и старше, оказывались первыми. Нас выстраивали и вели в другой барак, где брали кровь. Так продолжалось каждый день. Сколько времени мы провели в лагере, я не помню. Затем нас привезли в Ригу, в какой-то монастырь. Там хозяева подбирали себе работников. На хутор Илгас я попала с младшей сестрой Валентиной, 1938 года рождения. Жизнь у хозяина тоже была не из легких. Голод, холод, болезни, крайнее истощение, непосильный труд. Маленькую сестру заставляли пасти коров, а она боялась, плакала. Хозяин за это ее наказывал. Я же заступалась за нее. И тогда он ставил нас обеих на колени. На горох. На всю ночь. За ночь горох впивался в колени, ноги очень болели, а днем надо было выполнять работу. Несмотря на все трудности, мы благодарны хозяевам хутора.

Вскоре я заболела и попала в больницу с плевритом.

Из Риги меня перевели в другую больницу, где лечили туберкулез легких.

Фашисты чувствовали свое поражение. Они хотели все уничтожить, но это им не удалось. Машина, на которую нас погрузили, по дороге сломалась. А те, кого успели погрузить на пароход, погибли, так как он затонул.

Меня определили в детский дом № 3 города Риги по улице Кандавас, дом 4/6, в котором я прожила с 31 октября 1944 года по 16 августа 1945 года.

В 1945 году моя тетя Михайлова Анастасия Викентьевна разыскала свою дочь Людмилу, которая была привезена перед войной из Ленинграда в Росицу на дачу. Вот так повезло и мне, и моей сестре Лидии. Тетя забрала нас в Ленинград, где я и живу по настоящее время.

Перед отъездом в Ленинград все мы поехали к хозяину, где была моя младшая сестра Валя. Она за это время забыла меня и родной язык. Пришлось снова привыкать друг к другу…

г. Киев. **Демидов Маркиян Дмитриевич**:

— За абсолютную точность не ручаюсь, но многое хорошо в памяти сохранилось: было мне тогда восемь лет. Мне кажется, что по пониманию тех событий и сообразительности я был на пять-шесть лет старше (видимо, то грозное время делало многих детей более взрослыми).

Родился я в деревне Дубровы Освейского района (в двадцати пяти километрах от границы с Латвией и пятнадцати километрах от границы с РСФСР).

Уже в конце 1941 года на территории нашего района действовали партизанские отряды, впоследствии объединенные в бригады. Партизаны уничтожали фашистов везде и даже делали рейды, совместно с латышскими партизанами, в Латвию. Население, оставшееся в деревнях, помогало партизанам продуктами, теплой одеждой…

Мы собирали оружие и патроны. В общем, шла война народная. Партизаны были хозяевами на всей территории района. Из-за линии фронта прибывали самолеты. Рядом с нашей деревней был аэродром.

Неся большие потери от партизан, фашистское командование решило провести карательную экспедицию (а всего их было три), чтобы покончить с партизанским движением.

Карательная экспедиция, которую я хорошо запомнил, была начата с территории Латвии, в ней принимали участие самолеты и легкие танки. Каждый вечер мы видели зарево от пылающих деревень. Это полымя неумолимо приближалось к нам. Появились беженцы, сумевшие уйти из огня карателей. От партизан и беженцев мы узнали о творимых зверствах фашистов.

Нам посоветовали партизаны, чтобы все уходили в лес, затаились и ждали, пока пройдут основные силы карателей.

Но получилось не так, как думалось. Ранним февральским утром фашистские лыжники окружили наш лагерь и погнали в

деревню Миловиды, а там заперли в бывшей конюшне.

На следующий день нас всех выгнали на улицу и объявили, что повезут в Освею. Сказали так: совсем старым и малым детям тяжело будет идти, так пусть встанут в правую колонну. Их повезут на лошадях. Чувствуя какой-то подвох, люди не спешили выполнять команду карателей. Тогда пьяные фашисты силой стали сортировать людей. Таким образом моя бабушка Марина с трехлетней сестренкой Фаиной и полуторалетним Колькой — сыном тети Зины, сестры матери, — оказались в правой колонне. Меня оттуда в последний момент выхватила за руку мама.

Трудно передать словами, что происходило там, где живыми горели взрослые и дети, и какие душевные муки испытывали мы, оставшиеся пока в живых и видевшие страшную гибель своих близких... Мы думали, что следующая очередь за нами...

На следующий день нас погнали в Освею. Ночевали в освейской церкви. Потом пригнали на станцию Зилупе. В товарных вагонах и привезли, как потом выяснилось, в Саласпилс.

В апреле — мае нас, подростков, вывезли на территорию какого-то молокозавода. Там раздали, а может, продали как рабочую силу, зажиточным латышам. Я и брат матери Саша Володенок (он до войны закончил 4 класса) попали к двум братьям из Огрской волости.

Ко мне отношение хозяина было неплохое. В первый же день сняли с меня номер, накормили и сказали, что буду помогать по хозяйству. Хозяин (фамилию не помню) оказался бывшим солдатом царской армии, сносно говорил по-русски. Жили эти два брата на одном хуторе, рядом с железной дорогой. Если по ней идти на восток, можно попасть в Белоруссию. Об этом нам рассказывали военнопленные, которые тоже работали у этих хозяев.

Сашке не повезло с хозяином. По-моему, тот служил в полиции. В первый же день, как только нас привезли, его заставили возить тачкой навоз, парень совсем выбился из сил. Когда мы встретились, договорились тайно убежать. Через несколько дней, предварительно набрав в карманы моркови и гороха, мы бежали. На нашем пути были всякие малоприятные приключения. Поездом нам удалось добраться от Круспилса до Резекне. Дальше пробирались пешком — голодные и холодные, как говорят в народе. Домой нам попасть не удалось: в это время там шла очередная экспедиция. Мы вынуждены были остановиться (оставалось восемнадцать километров) и работать за кусок хлеба. Предварительно придумали версию, будто нас отпустили из лагеря и сказали искать себе работу. Нас в полиции сфотографировали и записали версию.

Нас освободила Советская Армия летом 1944 года. Хозяин отступил вместе с немцами (позже я узнал, что он вернулся и

работал в колхозе). Мы безбоязненно возвратились домой после долгих скитаний и переживаний.

Кажется, насмотрелись всякого, но снова пришлось содрогнуться от злодеяний фашистов. Радость освобождения затмевалась видом сожженных деревень, где над землей стояли печи с торчащими трубами. Уцелевшие люди жили в землянках.

Рядом с Дубровами перестали существовать Кураши, Слобода, Ерохи, Макуты...

С первых же дней нашего пребывания дома через сельсовет получили пайки и одежду. Помогал Красный Крест.

В том же году я пошел в первый класс. Мы учились в землянках, писали палочками на песчаном полу: бумаги и карандашей с ручками не было.

В конце года отыскались и вернулись домой оставшиеся в живых наши родные: дедушка, мама и две ее сестры.

Я в 1952 году поступил в техникум (строительный), закончил его в 1956 году и был направлен на работу в Киевский военный округ. Работал мастером, инженером, прорабом, старшим прорабом. С 1966 года работал начальником СМУ (ПМК), а в феврале перешел работать главным инженером проектного института. В 1956 году был принят в члены КПСС. В 1970 году закончил Киевский институт народного хозяйства.

Связи ни с кем из бывших узников не поддерживаю, так как никого не помню. С братом матери, Александром, видимся редко: живет он в Дубровах, работает шофером в колхозе...

II
Кто она, женщина в черном халате?

В Киеве, на Всесоюзной встрече бывших малолетних узников фашистских концлагерей 22 июня 1988 г. мне со своей землячкой пришлось поговорить всего несколько минут. Сотни людей кружили вокруг нас, и киевлянке Надежде Петровне Загуменник тоже хотелось высмотреть кого-нибудь знакомого. Она всю жизнь искала родных. В тот день она тоже надеялась на чудо: «Ведь о судьбе своей сестры Тамары я ничего не знаю по сей день. Что я помню из той малолетней лагерной темноты? Только то, что однажды подошла к нам женщина в черном халате, уцепилась за Тамару и унесла ее...» В сутолоке не удалось поговорить с Надеждой Петровной. Были телефонные звонки, письма в Киев. И вот пришел ответ.

«До войны мы жили в колхозе так: мать работала на поле, отец был кузнецом. Нас, детей, было четверо: три сестры, один брат. Когда немцы вошли в Росицу, всех жителей села стали вывозить на станцию Бигосово. Инвалидов, стариков сгоняли в сарай и сжигали. И мой отец попал в один из сараев. Меня же, моих

сестер и брата вместе с матерью вывезли в лагерь Саласпилс.

Находились там полгода. Потом начали разлучать: забрали меньшую сестру неизвестно куда, потом забрали среднюю сестру, потом мать забрали. Я осталась с братом. Но потом забрали и его. Так я осталась одна. Через некоторое время я попала к хозяину на сельскохозяйственные работы, где промучилась полтора года. Это было под Цесисом. Лемес Висман — мой хозяин. В то время я видела одни издевательства...

При наступлении наших войск немцы всех несовершеннолетних собрали у хозяев и вывезли в Германию. До конца войны я побывала в нескольких лагерях. После прихода наших войск мы были отправлены в Польшу, где находились несколько месяцев. Так как я не знала о родных, а Росица была немцами сожжена, то я приласкалась к одной знакомой старушке, и она меня увезла с собой в Киев. Там определили в детдом. О матери я узнала от людей, которые вместе с ней были в неволе. Они мне сказали, что мама погибла в концлагере. А в 1969 году я узнала, что мой брат и средняя сестра живут в Латвии, где мы вскоре и встретились. Земляков моих росицких в Киеве нет. Вот и все о себе, что я помню...»

Еще в Киеве я получил от Надежды Петровны адрес ее сестры Зинаиды. И сейчас смогу соединить с киевским письмом письмо из г. Вирби Талсинского района Латвии. Вот что сообщает Зинаида Петровна Крейцберга:

«Трудно мне писать по-русски, нескладно выходит. Вот что война сделала... Мало помню... Но кое-что напишу.

Этого забыть нельзя... Мы бежали. Немцы схватили нас. Загнали в церковь. Отца немцы застрелили за то, что он помогал партизанам. Сестра старшая, которая в Киеве, больше помнит, как все было в Росице. Потом нас всех повезли в Саласпилс. Сколько мы там были, я не помню. Помню, как нас голых гнали в баню, а потом выдали одно одеяло на всех. Помню, как у нас брали кровь: мы собрались вместе, подняли лохматые рукава и показывали свои ручки, с проколами от шприцов. Так мы друг друга жалели. Помню, что младшая сестра (не знаю, где она сейчас: живая или мертвая) просила пить. Воды не давали. Мама свою слюну пустила ей в ротик. Так и попоила.

Помню: кто-то нас спросил, не хотите ли покататься на машине? Все мы, как дети, крикнули: да, да, да! И нас повезли, далеко-далеко. А сколько на таких вот машинах отравили саласпилских детей газами?

Брат рассказывал, что были в лагере и «хорошие» немцы. Однажды обесточили проволоку ограды. Немец перерезал проволоку и сказал узникам, чтобы бежали. Отчаялись десять мальчиков. Семь живых мишеней изрешетили из пулеметов с вышек. Только трое

уцелело.

Когда нас привезли в латышский дом, мы выглядели как тени: одна кожа да кости. На шее болталась дощечка, на которой была отмечена фамилия и имя.

Удивительно, что многие из нас выжили в тех невыносимых условиях. Брата и сестру встретила через двадцать три года. Но это уже другой вопрос. Сейчас думаю, где достать документы, чтобы получить льготы, положенные узникам концлагерей. Нет уже сил бороться…

Еще несколько слов о том, как мы встретились с братом. А все благодаря бывшей воспитательнице детдома: однажды моего брата похвалили за хорошую работу в районной газете. Она прочла заметку и вспомнила, что в ее группе была какая-то девочка, привезенная из Саласпилса. А когда в детдоме был очередной слет, туда поехала воспитательница и начала выспрашивать мой адрес, объясняя, что у меня нашелся брат. Адрес назвали, воспитательница написала брату письмо. Получив письмо, брат сразу же помчался к ней. Она показала ему мою детдомовскую фотографию. Он сразу меня узнал. Петя с женой нашли меня в сентябре, а в декабре утонул мой муж. Я осталась с двумя детьми. Приехала жить к брату.

А Петя выжил вот как. Из детдома в Лиепае бежал, как услышал, что их будут отправлять в Германию. Попал к беженцам, приехал в Ригу. Его взяли на воспитание две сестры: вырастили, выучили… У них своих детей не было. Вот такая судьба у нас была…»

Я сообщил Зинаиде Петровне рижские адреса, где она сможет узнать о судьбе освейцев. Во-первых, это Центральный Государственный исторический архив Латвии на улице Слокас, 16. Работая в нем, видел десятки тетрадей, заполненных в монастыре. Фамилии по алфавиту. Из каждой записи видно, в какую волость отправляли ребенка, на какой хутор, в какой приют. Во-вторых, именная картотека политзаключенных концлагеря Саласпилс находится в Военном музее Латвии по улице Смилшу, 20. Все знают Пороховую башню в Старой Риге. Именно туда я пришел за первым адресом узника-освейца. Сотрудница музея Янина Станиславовна Аболиня с настоящей услужливостью и вниманием показала мне сотни заполненных (мне казалось — болью и невыносимыми мучениями) карточек. Обухович Эдуард Валентинович (уже в моей картотеке он был первым — Абуховіч) и стал первым информатором для написания документальной книги «Браніслава». Вечная ему память, Эдуарду Валентиновичу: война его настигла уже осенью 1989 года.

Сообщил Зинаиде Петровне и адрес председателя Союза

бывших малолетних узников фашистских концлагерей — Яцкевича Владимира Захаровича: Рига, улица Космонавтикас, 7, кв. 40. Кстати, он сообщил, что из зарегистрированных в Союзе «саласпилцев» большая часть — это жители Освейского края.

Подумалось: вместе с земляками будет легче и сердцу Зинаиды Петровны...

Но я ей посоветовал, чтобы просьба в музей или архив излагалась точно, конкретно, с возможными вариантами написания фамилий узников (часто славянские имена и фамилии при записи искажались). То, что возможны неудачи, я постиг на собственном опыте. Эту мысль подтверждает история, рассказанная мне в Бигосове.

ст. Бигосово. **Качан Эмма Аркадьевна**:

— Я обращалась в Госархив Латвии за подтверждением, что во время войны находилась в концлагере Саласпилс. Оформила в счет отпуска 7 дней и поехала. Побывала у Круминьш Алины Францевны, которая со мной и Раводиной Линой были в концлагере Саласпилс, в детском доме Игате... Короче, весь путь мы прошли вместе, так как были из одной местности и знали друг друга: рядом наши деревни были. Посидели, вспомнили все, что пережили, как горела наша деревня Спети, как погрузили в вагоны людей... На станциях, когда останавливался поезд, люди стучали. Хотелось пить. Так немцы бросят снег в окошко товарного вагона — и всё на этом. Вспоминали, как нас от родителей отнимали. Однажды выстроили в шеренгу. Мама взяла сестру Ванду на руки (ей было полтора года), а меня крепко держала за рукав. Строй оцепили фашисты с овчарками и с автоматами на изготовку. Вызывают по очереди. И вот выходит из строя мама со мной и Вандой. Немец хватает из рук мамы Вандочку и бросает в кузов крытой машины. Меня другой стражник вырывает из маминых рук. Я кричу: «Хочу к маме! Пустите!» Мама плачет и рвет на себе волосы. А меня в это время вталкивают в детский барак.

В тот день над Саласпилсом стоял дикий крик и плач матерей, детей, лай овчарок, окрики эсэсовцев заглушали автоматные очереди.

Это был ад.

Я что хочу сказать. В одной песне есть такие слова: «Ночь растревожила в нем раны, и память сердца говорит...» Так вот, не спится не только ветеранам, но и узникам. В Риге я не уснула ни на секунду. Грохот бывшего ада я услышала через 47 лет, память сердца не дала уснуть. Саласпилские крики, весь тот ужас, шеренга из детей и матерей, — все представилось в моем сознании, я словно видела, как матери рвали на себе волосы, бросались на

фашистов, а те прикладами и овчарками отгоняли обезумевших плачущих детей… Все это предстало, как на экране. Я отплакала всю ночь, а утром встала совсем больным человеком. Я не могу успокоиться и сейчас: мне трудно вновь вспоминать.

В архиве мне ответили, что документы на меня не сохранились. И то, что я находилась в детдоме Игате, не подтверждается. Лине Раводиной пришел ответ, что она поступила в детский дом из концлагеря Саласпилс. А вот Алине Круминьш ответ пришел точно такой же, как и мне. И куда сейчас обращаться, не знаю. По Бигосовскому сельсовету людей, знающих нас, узников, есть много. Может, подтвердят устно… Ведь фашисты справок не выдавали. Им, наоборот, надо было уничтожить нас как свидетелей их злодеяний. Лина Раводина советует обратиться в Управление детскими домами Риги.

Не так давно в деревне Устье один человек, довоенный друг моего отца, подарил давнюю фотографию папы. Так впервые за 50 лет я увидела самого родного человека! Однажды моя мама — Елена Петровна Скрипко (1900-1974) — рассказывала об отце, Аркадии Степановиче: около Майданека узники убирали горох; с соседнего поля к женщинам подполз отец, чтобы взглянуть на свою жену. Это заметил охранник и пустил свою овчарку на человека. Зверь кусками вырывал мясо из живого тела. Но охранник не отзывал собаку. Так вот и погиб узник.

После Майданека, Равенсбрюка Елена Петровна приехала в Латвию. Нашла у хозяина Валтера работу за еду, лишь бы начать поиски детей. Меня нашла в 1949-м, а Ванду — только в 1957 году, потому что, когда готовили бирки детям, родной брат мамы Павел Гяч оставил на ней свою фамилию, а не Скрипко. Ванду в 1942 году взяла на воспитание рижанка Ядя Минич. Она же усыновила и Геннадия Гяча, сына Гяч Ядвиги Доминиковны, нашей родственницы.

С Линой Донатовной, подругой Эммы Аркадьевны, я встречался в Киеве и Лодзи, мы долгие годы переписываемся. И, признаюсь, самые трогательные строки — вот в этих свидетельствах…

г. Куйбышев. **Раводина (Ворона) Лина Донатовна** (из деревни Картенево):

— Мне было тогда 6 лет, когда горели рядом деревни. Нам передали, что в деревне Липовки жгли дома и там сгорели моя родная бабушка и дядя с тетей. Мы ждали такой же участи. Для нас самое страшное началось однажды утром. Кажется, март месяц был, потому что таять снег начал. В Картенево пришли эсэсовцы в черных маскхалатах, на которых были нарисованы череп и кости. Нас всех начали выгонять из дома, кто в чем был.

Угнали в соседнюю деревню Сушки. Были еще две сестры и брат намного старше меня. Меня с мамой загнали в сарай вместе с другими жителями и хотели сжечь на глазах у остальных, кто не вместился в сарай. Было слышно, как шелестела за стеной солома, которой обкладывали сарай. Было очень страшно. Все кричали и плакали. Но нас не подожгли. Оказалось, что ветер повернулся с другой стороны, и если бы сарай загорелся, то рядом сгорели бы клуб и конюшня, где разместились немцы. В сарае просидели до вечера, а когда стемнело, нас увезли на лошадях в Бигосово, посадили в товарный поезд. Прибыли в Саласпилс. Сколько я там находилась, не помню. Помню, что в бараках были нары с соломой. У мамы каким-то образом сохранилась сумочка с фотографиями родных и близких. Мы часто их смотрели и плакали. Всегда хотелось кушать. В памяти сохранилась такая еда: зеленые листья капусты, отваренные, плавали в воде. Мама ходила к кухне и просила хоть кусочек чего-нибудь для меня. Однажды в какой-то банке принесла немного молока, а сама очень плакала и не могла долго встать.

По лагерю всегда разносились стоны и плач. Это у родителей отнимали детей. Напротив наших нар была женщина из нашего села с двумя девочками. Когда их у нее отняли — она сошла с ума. Поседела и все кричала. Потом ее увезли, и больше она не появилась. (Фамилия ее Стамбровская, дочери живут в Риге, адреса не знаю.)

Настал день, когда и меня от мамы отняли. Мама сидела на нарах, крепко сжав меня, и плакала. Когда назвали нашу фамилию «Ворона!», мама крепко меня поцеловала и, прижав к себе, начала слезать с нар. Нас заставили сквозь строй немцев идти к выходу в бараке. Это была последняя наша с ней дорожка. Мама ослабела от напряжения, но меня крепко за руку держала. Она считала, что видит в последний раз. На выходе из барака меня какой-то немец схватил крепко за руку и оторвал от мамы, потащил в детский барак, а маму отбросил в другую сторону. Детский барак был окружен кольцом немцев, а за их спинами — кричащая от безумия толпа матерей. В бараке нас начали отвлекать какими-то игрушками и баранками, на которые мы смотрели, как на чудо; успокаивали крик и плач словами, что скоро мамы за нами придут. Моя мама каким-то образом, когда немцы отвлеклись, подбежала к бараку, подтянулась и посмотрела в окно, что с нами делают. Я ее в это время в окно увидела и закричала: «Мама!..» Все дети всполошились, а маму немец ударил прикладом, начал избивать. Ее сумели как-то узники утащить в толпу. Держали под руки, чтобы стояла. Ибо, если упадет, ее убьют. Сколько я в этом бараке находилась, не помню. Однажды нас вывели на улицу, посадили в

машину и повезли. Мы были очень слабые: в машине многие падали с сидений. Нас тошнило. Я с какой-то девочкой сидела впереди. Помню очень хорошо, что передо мной сидел толстый немец и затылок у него был красный и весь в дырочках. Я, видимо, теряла сознание, но боялась упасть и силилась смотреть на затылок и считать дырочки. Нас привезли в Игате. Помню тот дом как в тумане. Знаю, что это был дом какого-то богатого латыша. Рядом было озеро или речка маленькая, заросшая высокой травой. Мы выкапывали корни и ели: они были сладкие. Всегда хотелось есть. Недалеко была свалка мусора, мы часто там рылись и искали что-нибудь съестное или что-нибудь на игрушки. Осенью ходили под липы и собирали горошинки липового цвета и ели их серединку. Под дубом собирали желуди. В Игате говорили между собой очень мало: нам не разрешали на своем языке говорить. В углу комнаты стояло ведро с водой и с березовыми дубцами, которыми нас били за каждое слово, сказанное на своем, языке. Можно было только молча мечтать.

Я хорошо помню, что моя кровать стояла напротив окна, о которое стучались голые ветки какого-то дерева. Было жутко, холодно и голодно. Всегда чудилась мама, что она где-то пробирается ко мне и хочет посмотреть в окно, а ветки ее не пускают. И я потихоньку ночью вставала и смотрела в окно, маму искала. А потом уже кто-то сочинил: ваши, мол, мамы плыли к вам на корабле, а корабль утонул, и они тоже. С такой мыслью и жили, что у нас нет больше никого и мы никому не нужны. Нас куда-то уводили «доктора» в белых халатах, а приводили обессиленных: мы могли только лежать. И все из памяти куда-то исчезало. Жили в постоянном страхе.

Летом 1944 года пришла какая-то женщина-латышка и увела меня из лагеря к себе на хутор пасти коров. Работы у меня там было много, и я не успевала все сделать. Кушать хозяйка мало давала, а просить я не умела и боялась. Нас в лагере приучили к покорности и молчанию. Я старалась через все свои силенки делать все то, что заставляли. Отношение ко мне изменилось, когда Латвия была освобождена от немцев.

Однажды солдаты наши пришли к хозяйке и были у нее какое-то время на квартире. Видя мою замкнутость и пугливость, один солдат меня приласкал, и я в плаче ему всё о себе рассказала. Попросила взять с собой и отвезти в Белоруссию. Хозяйка стояла испуганная, а солдат с ней долго о чем-то говорил… А вскоре она меня отвела обратно в детдом. В Игате после изгнания немцев дети остались живы. Детей спасла одна женщина, которая работала при немцах с нами. О ней мне хочется вспоминать с особой благодарностью. Когда немцы хотели взорвать при отступлении лагерь с

детьми в Игате, она сумела увести детей в лес и спрятать. Шел слух, что она была связана до освобождения Латвии или с подпольем, или с партизанами. Русский язык она знала хорошо. Лицо ее помню смутно. Мне казалось, что она была уже немолодая: помню седые волосы и доброе лицо. Она осталась директором детдома и после освобождения.

А до освобождения был такой случай. Однажды она меня вызвала к себе в комнату и показала открытку, которая пришла от моей тети Гилуть Софии. Тетя тоже была в Саласпилсе и оттуда попала к соседним латышам в работники. У нее в Саласпилсе отняли троих детей. И с помощью хозяина разыскивала по Латвии своих детей и меня. В Игате оказалась только я. У тети был сын 1936 года рождения: пропал бесследно; а дочь, с 1934 года, позже нашлась, грудного же ребенка замучили в Саласпилсе. Об этом она вспоминала так: однажды отдала свою пайку хлеба одной из женщин, которая присматривала за детьми в бараке, но когда увидела своего грудного ребенка с откусанными пятками, с ней стало очень плохо.

У хозяина она часто плакала, и он, узнав обо всем, начал искать детей. Так вот, когда мне прочла наша директорка открытку от тети, я расстроилась, и она со мной тоже. Я поняла, что в детдоме есть один человек, который за нас переживает. Она меня просила никому не рассказывать, что мы с ней говорили по-русски. Ответную открытку на латышском языке она отослала тете. На карточке я нарисовала цветок, так как писать не умела. И когда была освобождена Белоруссия, тетя Гилуть прислала письмо в Бигосово о том, что я жива. Наша деревня оказалась не сожженной, и сестры после скитаний по лесам вернулись домой, а брат мой погиб при освобождении Латвии в 1944-м. В 1945 году сестра Леокадия прислала мне письмо в детдом, что собирает деньги на дорогу и скоро за мной приедет. Переписывалась с ней наша директорка, ибо я уже умела писать и говорить только на латышском языке.

В детдоме после войны мы начали жить другой жизнью. С нами уже были другие воспитатели, мы видели ласку и жалость к нам. Любили солдат наших, всегда хотелось, чтобы они носили нас на своих сильных руках. Летом 1945 года я вновь пасла коров у одной латышки на хуторе. За нашу работу хозяева привозили продукты в детдом. У хозяйки ко мне отношение было хорошее. Ей было тридцать лет, с ней была только мать. Она хотела меня удочерить, но я уже знала, что за мной приедут, и жила ожиданиями. У меня была собачка, друг, с которым я разговаривала в поле. Обниму ее и в ухо рассказываю, как мне жилось плохо, но скоро за мной приедет сестра и нам придется расстаться. Она тихонько скулила, словно чуяла нашу разлуку, и слизывала мои слезы.

И вот в августе 1945 года, где-то в середине месяца, к вечеру увидела двоих наших девочек из детдома. Они шли по дороге к дому, где я жила. Они меня увидели и кричат: «Лина, сестра приехала, пошли!» Вы не можете представить моей радости. Я бросила коров, побежала в дом к хозяйке, схватила платок... А уже вечерело. Хозяйка успокоила: до детдома было 5-6 километров, и директор передала, чтобы на ночь глядя мы не шли, а заночевали. В то время ходили разные банды и убивали людей. Нас хозяйка накормила, дала с собой хлеба, сала, и мы все же пошли. Ведь я не могла больше ни минуты оставаться. Я бежала, а не шла. Девочки меня сдерживали. Начало темнеть, и хлынул дождь. Пока шли по полю, не боялись, а когда стали приближаться к лесочку — оробели. Видим: одна фигура идет нам навстречу. Мы остановились. И вдруг слышим голос нашей директорки детдома.

Она меня дорогой учила говорить по-русски. Все переживала, как я буду разговаривать с сестрой, которая латышский язык не знает. Я же знала по-русски только «да» и «нет». В пионерской комнате поставили две кровати — специально для меня и сестры. Директорка и говорит: «Ты иди и тихонько ложись рядом на кровать. Не буди сестру, она очень устала. Жди, когда проснется».

Я попросила, чтобы хотя бы спичкой посветила: так хотелось на нее посмотреть. Зажгли спичку. Я посмотрела, что за сестра приехала, и тихонько легла рядом. Затаив дыхание, ждала, когда она проснется. Прислушивалась к каждому ее вздоху. Она во сне бредила, а потом вскочила и начала по койке искать рукой меня. Она мне все что-то рассказывала, а я ничего не могла сказать в ответ. Я подсознанием ее понимала. Где-то пробуждались в памяти воспоминания детства. И у меня редкие свои слова стали всплывать, как из глубины какой-то. Потом мы, обе усталые, уснули. Позже я узнала, что сестра добиралась на попутных машинах в детдом пять суток. Бывало, что в лесу ночевала. Иногда ей показывали дорогу в обратном направлении, но она все же прибыла в Игате.

Утром сестра проснулась раньше и долго на меня смотрела, пока я спала. Увидев меня наяву, стала сомневаться в родстве. Ведь я выросла, сильно изменилась. Притом по-своему говорить я не умела.

Начала рассказывать о наших родных, спрашивать, помню ли я их. А у меня опять только «да» и «нет». Хочу в ответ сказать, что это я, ее сестра, но не могу выразить словами. Тогда мне стало страшно, что она меня не возьмет с собой. Я онемела, и в эту минуту из глубины откуда-то вырвались слова: «Жук-жаба». Это так она меня в детстве еще до войны называла, отбиваясь от надоедалы. Ведь я очень сестру любила и по пятам за ней бегала. Это

и убедило сестру, что я действительно Лина, что я — своя.

Когда в Саласпилсе разлучили меня с мамой, то ее отправили в Германию. О ней никто ничего не знал. Все думали: погибла. Но она вернулась на родину в тот день, когда Леокадия уезжала за мной в Игате. Встреча их была короткой, на вокзале в Бигосово. Возвращаясь домой, мы до Бигосова не доехали: дорога была разбита. Шли пешком от станции Индра. Я не чувствовала усталости, бежала скорее домой. Дома решили разыграть, что мама это не мама. Но куда мать денет свои глаза и слезы, когда увидит самую маленькую... Конечно, я ее узнала, хотя у мамы уже была пригорбленная фигура и седые волосы.

Но мои страдания не кончились, а только начались. Нужно было идти в школу. В детдоме считалось, что я кончила два класса латышской школы. Дома пошла в третий класс белорусской школы, а язык свой совсем забыла. Получала единицы и двойки за диктанты, ибо писала белорусские слова вперемешку с латышскими. Задачи и объяснения учителя на белорусском языке я плохо понимала.

Домой приходила и плакала, не хотела ходить в школу. Запомнился один случай. Вызвали меня к доске и говорят: «Напиши словами «25». Я молчу, не понимаю. Если бы мне сказали в то время написать по-латышски «дивдесмит пеци», я бы написала. Класс весь смеялся, когда я произносила слова. Со слезами убегала из школы.

Перешла в четвертый класс и весь год потом болела. Покрылись ноги открытыми ранами, потом голова покрылась коркой какой-то, потом согнуло руку и ногу: не могла ходить, лежала в больнице. Так я год из-за болезней не ходила в школу. Потом пошла в четвертый класс опять. Кончила с трудом. В пятый класс пошла в Бигосово в русскую школу. И опять слезы и двойки. По учебе плелась в хвосте класса. Выравнялась по успеваемости более или менее только в седьмом.

После седьмого класса я уехала в Латвию, в Даугавпилс, поступать в железнодорожный техникум. Во время сдачи вступительных экзаменов заболела коклюшем, но скрыла это. Хотелось учиться. Все же комиссия меня признала годной по состоянию здоровья. Я сдала вступительные экзамены на «4». Все четыре года училась успешно и на стипендию: рассчитывать было не на кого. Сначала боялась, что из-за частой перемены языков не получится учеба в техникуме, но все было наоборот: закончила без троек. Пришлось раньше времени повзрослеть...

В Куйбышев я попала после окончания техникума в 1955 году. Но это уже другая половина моей жизни. Детей стараюсь воспитать душевными и добрыми людьми. Душевная теплота —

самое необходимое каждому человеку чувство…

В одном из писем Лина Донатовна Раводина прислала список узников-белорусов, проживающих в Куйбышевской области. «Мы очень дружны», — писала Раводина. «А как хотелось бы иметь связь со своей родиной, своими земляками!» — написал вслед за ней Валентин Петрович Соболевский, узник Саласпилса, Штутгарта из деревни Пушталево былого Дриссенского района. Хочется привести хотя бы еще несколько строк из его письма: «Теперь и я могу перед вами стать и смотреть в глаза на том основании, что архивной справкой я признан узником Саласпилса, а то до этого момента было какое-то чувство самозванца. Да, я был прав, когда выступал в Киеве и говорил, что необходимо помянуть добрым словом всех известных и неизвестных честных людей, которые даже в те лиходейные годы не потеряли чувства человеколюбия, чувства долга перед слабыми и находящимися в смертельной опасности маленькими детьми и сделали все, чтобы спасти их для будущей хоть и трудной, но все-таки прекрасной жизни. На судьбу наших спасителей выпало очень много испытаний, и не только в войну, но и после ее окончания: их высылали, сажали, унижали. Но особенно хочется отметить участие религиозных деятелей: они всегда рисковали своей жизнью.

Извините меня за такую лиричность, но после получения архивной справки я почувствовал себя правоправным участником тех далеких событий. А как много я помню из тех лет!

Вы не представляете, но своей рижской маме (так я называл приемную мать) в 1975 году, когда я разыскал ее, обрисовал место, где стоял их хутор, где был погреб, поле, сад, куда вела дорога от дома и где был сельсовет…»

Память, как видам, не только благодать, но и оружие в наших неимоверных условиях по воссозданию Личности, Благородства, Достоинства, Справедливости. Бывшие узники — необыкновенно чувствительные души ко всякой фальши, бесчестию, пройдошеству. Они излучают полуутерянные человеческие качества, осуждают все то, что не должно повториться в лучах завтрашнего дня. Поэтому я осмелюсь предложить, может быть, самое сердитое письмо:

г. Оренбург.

Красиков Николай Николаевич:

— …Наверное, те испытания не проходят бесследно. Теряю сознание. Ведь и у моей сестренки в 30 лет сердце стало так болеть, что приходилось лечиться месяцами…

Да, знаете, есть много хороших людей, да и среди немцев тоже были люди: не все были фашистами. Их тоже обрабатывали

так, как правителям хотелось. А у нас разве не так было? Сказали, что кто-то «враг народа», и поднимались руки его расстрелять. Сколько погибло неповинных людей! Я ведь был среди детей «врагов народа». Им было по четыре-пять лет. Их заставляли отказываться от своих родителей. И некоторые отказывались. Нельзя их осуждать за это.

Вот что думаю... Может, я что-то не понимаю... Меня все время призывали, что идем по ленинскому пути. Начали призывать к перестройке. Но я ведь вижу, что далеко, а что близко. Перестройка... Что получается — видишь, что неправильно, начинаешь говорить, а мне: «Не нравится — можешь увольняться. Ты бузотер!» И смотришь на этого «товарища» и вспоминаешь своих ребят: они бы этого не простили. У нас был закон: слабого не обижать. И если появился кусок хлеба — все пополам. Ведь нас в послевоенных детских домах обижали некоторые горе-воспитатели. А были добрые, отзывчивые — и мы тянулись к ним. Но они исчезали. Тогда мы не знали — куда. И с этими горе-воспитателями мы боролись, объявляли голодовку, не ходили на занятия. Так вот смотришь сейчас на таких людей, которые имеют небольшую власть, могут что угодно выкинуть, и думаешь: а ведь какие чудесные люди были в свое время! Когда снова народятся?

И сейчас мучают воспоминания о прошлом, те унижения, оскорбления, а иногда и издевательства. Ведь это было! Я не могу вычеркнуть все это из жизни. Жизнь проходит, иногда смотришь телевизор, читаешь газету, и незаметно наплывают воспоминания. Зубами скрипишь и думаешь: в чем моя вина, что война и беды навалились на меня? Где мои детство и молодые годы?

Сейчас смотришь на детей и завидуешь. Что они захотят, то им и покупают. А если не купит родитель, то такую истерику закатывают!

А мы, детдомовцы, были рады на Новый год получить хотя бы конфеты... Я ведь попробовал мороженое в 16 лет.

У нас была группа в 40 человек, и только двое оказались подлецами, поддались на соблазны. Остальные были честными, готовыми прийти на помощь слабому.

Я не помню начала войны. Мне повезло: со мной была старшая сестра (на девять лет). Она уже потом рассказывала: когда везли нас в товарном вагоне, я просил хлеба и молока, а потом, насмотревшись всего, что творилось, перестал просить и плакать. Нас гоняли из лагеря в лагерь. Я до сих пор боюсь собак. До пятнадцати лет я вскакивал с постели и кричал. Воспитатели, понимая мое состояние, успокаивали меня. Долго не проходило: и лай собак, и видения, когда на наших глазах рвали людей на куски. До сих пор тяжело это вспоминать.

Помню, нас пригнали в какой-то лагерь. Человек десять забраковали. Меня отправили в больницу. Сестренка была со мной. После больницы нас отправили к хозяину на работы. Досталось мне, но больше моей сестренке. Над ней измывались как могли. Меня за любое нарушение жестоко били. Почему-то старались бить по голове. Поэтому, наверное, через много лет стала голова болеть и теряю сознание. Нас освободили американцы. Как боялись хозяева, чтобы мы не рассказали об их издевательствах. Союзники передали узников нашим войскам. Примерно на десяти машинах везли дней пять. К сожалению, и в новом лагере пропускали сквозь сито. Вернулись на родину только в 1946 году. Сестренку на работу не берут, потому что у нее был документ с клеймом. Разрешалось только подносить кирпичи на стройке. У нас с ней была одна задача: выжить, не помереть с голоду. Но и в то время были честные, порядочные люди. Моя вторая мать Шмидт Вера Владимировна взяла всю тяжесть забот на себя. Хотя ей говорили: «Ты знаешь, откуда он?» Мать не боялась. Хотела, чтобы я поступил в суворовское училище, но ей дали понять, что там мне места нет. Сказали: «Пусть поступает в ремесленное училище. Там получит семилетнее образование и специальность. Нам нужны рабочие руки».

Вера Владимировна все время разыскивала моих родных. По рассказам сестры, нас в семье было десять человек. Но приходил один ответ: «Нет в живых». Она все время говорила мне: «Верь, придет время — и на тебя будут смотреть другими глазами». Я одно не мог понять: за что пугаются со мной разговаривать? Хотя у нас была своя компания ребят: тут и дети «врагов народа», и мы, освобожденные. К «освобожденным» применялись свои меры перевоспитания: а вдруг нас там завербовали? Как бы чего не вышло… Только в 1957 году с меня сняли это клеймо.

А в Оренбург попал после службы на флоте. Я узнал, что какой-то родственник живет здесь… Вот так я здесь и очутился.

III
Спасение детей — спасение народов

«Ни одна самая зверская система власти или подавления, самые страшные в истории человечества войны не смогли лишить человека стремления сохранить свое достоинство, лишить его воли к свободе. Напротив: миллионы, десятки миллионов людей, погибших в нашем веке, ставших жертвами тоталитарных притязаний, — именно они взывают к борьбе за права человека. Можно лишить человека всего — его власти, свободы слова, человека можно даже убить. Но всегда диктатуре противопоставлялись — истории известны бесчисленные примеры такого рода — непокорный разум, жажда свободы и стремление сохранить собственное человеческое

достоинство».

Такой неожиданной цитатой из высказывания одного из лидеров ФРГ Гельмута Коля я и хочу повести разговор о Спасении, о Выживании всех нас.

Один из швейцарских статистических центров опубликовал расчеты, которые показывают, что за 5000 лет человеческой истории только 292 года на Земле не было войны, а 15 513 больших и малых войн унесли почти 4. млрд жизней. Но то, что может случиться на нашей планете, разразись ядерная катастрофа, не идет ни, в какое сравнение с пережитым человечеством за всю свою историю. Жертвами всеобщей ядерной катастрофы (а она будет именно катастрофой, если возникнет ядерный конфликт) сразу могут стать 2,5 млрд жизней на планете.

И еще одна информация к размышлению.

Время осознанной истории человечества — примерно 7 тысяч лет: 5 тысяч лет до нашей эры и 2 тысячи лет нашего времени. Принято считать, что поколения меняются раз в 25 лет. Казалось бы, 7 тысяч лет — это огромный срок, но если подсчитать, сколько поколений сменилось за это время, то окажется — всего 280! И вот мы пришли к черте, когда все мы, живущие на Земле, можем стать последним, 281-м поколением. Если не защитить мир на нашей планете.

Но спасение мира, спасение жизни необходимо начать со спасения человека, личности. Не могу не привести еще одно высказывание: «Падение нравственности грозит крахом. Ложь, лесть, подхалимаж, мошенничество... В свое время это породило тридцать седьмой год. Воцарившаяся ложь уничтожила миллионы людей, привела к ужасающей трагедии, масштабы которой мы не можем осознать до сих пор. Безверие и страх сказываются, тяготят нас по сей день. Главное условие неповторения прошлого — вся правда и полная правда о нем.

Пора признать, что не отдельные страны, а весь мир, все человечество стоит на краю пропасти. Одно неосторожное движение, и от всей цивилизации, которая создавалась тысячелетиями, останется лишь атомный прах. Кому это нужно?»

С таким вопросом обращается ко всем нам Михаил Савицкий — народный художник СССР, бывший узник Бухенвальда.

Да, сегодня необходимо говорить о спасении, потому что есть исторический опыт единения, породнения, выживания. Спасение детей предвестило спасение народов. И каждый случай возвращения к жизни требует поклонения. Вот почему и фиксирую я свидетельства о том, как матери Латвии спасали Анфису и Валю — дочерей Брони Станиславовны Божены, как Ирина Духальская женила своего приемного сына Лёню, как Доминик Викентьевич

Грауде с женой в Икшкиле шесть лет растили Виктора — сына Антонины Антоновны Уселенок из Росицы. Белорусские дети воспитывались в семье Чесновицких, Камериловых, Врублевских, Ковалевских...

Рижанка Регина Ивановна Немиро поведала о своей спасительнице Марте Миелбарде, мужа которой расстреляли оккупанты. Имела приемную маму дочь Мороза Никанора из деревни Лесниково и Шельпы Анны из Освеи, сын Александра Савлука из Освеи, две дочери Виктора и Ульяны Солодковичей из деревни Бородулино... Валентина Нечаева в Риге усыновила ребенка белорусской женщины Гунефы Шпаковской.

Через много лет после войны нашла, но вновь потеряла сына Софья Тимофеевна Шутко — былая узница Саласпилса, Майданека, Освенцима, Равенсбрюка. Спасла мальчика Елена Смирнова из Риги... Через 7 лет после войны нашла сына Александра Надежда Уселенок.

С особой любовью и теплотой называю имя еще одной рижанки — Евфалии Ивановны Думпис. Она вместе с мужем Теодором Екабовичем сначала спасла от смерти Евгения Шутко из Росицы, потом удочерила Милу Теп'люк, а потом и осиротевшую русскую девочку Любу Разновскую. Еще раз уточняю слова А. И. Кельдер.

Тринадцать детей спасла от гибели и эвакуации в Германию Евгения Владимировна Володенок вместе со своим мужем — железнодорожником. В разговоре с Василием Скрипко, старшим офицером Советской Армии, узнал, что он снова вернулся служить в Ригу только потому, что здесь живет его спасительница — старенькая женщина Ксения Михайловна Врублевская, которую он зовет не иначе как мамой.

Но не всем так посчастливилось в жизни. Виктор Иосифович Уселенок и его жена Велта Андреевна из Лиепайского района так и не нашли родных Виктора. Анна Ивановна Деменщёнок сообщила из Витебска, что у нее в Саласпилсе погибли сыновья, а девочку из концлагеря взял латыш и удочери ее. В 1960 году Общество Красного Креста разыскало ее дочь. Алла написала матери из Америки несколько писем, но вскоре всякая связь между ними оборвалась...

Нужно было ждать окончания «холодной войны».

Миссис Вильям Лоулор из Братского партизанского края

У одной из моих многочисленных дорог по бывшему Братскому партизанскому краю мне показали хату, где жила мама, потерявшая в Саласпилсе дочь. Хозяйки в тот день дома не оказалось. Оставил записочку. Для надежности из Минска написал письмо. И вот ответ: «Пишет вам Деменщенок Анна Ивановна. Вы просите меня вспомнить о пережитом. Напишу все, что только

смогу вспомнить (ведь я была контужена).

До войны я жила вместе с мужем Деменщенком Павлом Александровичем и детьми: Аллой, Геной и Шурой — в деревне Старосеков Двор Соколищенского сельского совета. Затем мужа направили на работу в Клястицкую РТС на должность замполита.

Началась война. Мужа оставили в Клястицах для подпольной работы. Пришлось возвратиться в деревню Марково к моим родителям — Казадаевым Ивану Михайловичу и Федосье Даниловне. На берегу реки мы сделали тайник-убежище и жили там, опасаясь появляться в деревне. Ведь муж был коммунистом, а я комсомолкой.

Спустя полтора месяца по просьбе односельчан (в частности, Морозовой Зинаиды Михайловны: она знала немецкий язык) мы все-таки покинули наш тайник. Все боялись, что фашисты, найдя нас, расправятся с жителями деревни. И мы вернулись в Старосеков Двор.

Весной к нам пришел Василевич — первый секретарь Россонского райкома партии. Говорили об организации нового партизанского отряда. Часто были у нас Родион Охотин и Петр Машеров. Но нашелся человек, который донес фашистам, что нас навещают «неизвестные». К нам прибежал связной Селявский и сказал, чтобы Павел Александрович скрылся. Муж с племянником Осиповым Константином едва успели добежать до леса, как в деревню въехали немцы. Меня с детьми схватили. Нас хотели повесить, но жена немецкого переводчика объяснила, что мой муж не партизан, а его нет дома потому, что косит сено. Так она спасла нам жизнь.

Через несколько дней я с детьми тоже ушла в лес. Ночью мы пробирались в деревню к родным. А днем скрывались в лесу.

В партизанском отряде я стала связной. Вместе с сыном ходила в Соколище, собирала с детьми оружие, прятала, а затем передавала партизанам.

В 1943 году по нашей земле прошла карательная экспедиция. Враги безжалостно расправлялись с людьми. Оставляли после себя смерть и пепелища. Полностью была сожжена и моя родная деревня Марково.

В тот день я была с мужем на задании. Это было 6 января 1943 года. Каратели ворвались в деревню: они убивали и сжигали жителей, затем пошли по окрестным лесам. В деревне сожгли мою бабушку и тетю с детьми. А в лесу забрали моих детей и отца, прятавшихся там. Увезли в концлагерь. Мать мы нашли убитой в лесу.

После окончания войны мы стали разыскивать своих детей. В 1945 году с мужем приехали в город Апе, где узнали, что дети наши были в концлагере. Узнали о зверствах фашистов над детьми: из них выкачивали кровь, проводили различные опыты, а

затем сжигали...

Сыновья мои таким образом погибли. А о девочке никто ничего не знал. Поговаривали, что она вроде бы осталась живой и что забрал ее из лагеря какой-то мужчина. И вот совершенно случайно мы встретились с человеком, которому показалась слишком знакомой фамилия Деменщенок. Через его дядю (первого секретаря волисполкома) мы узнали, что девочку взял из концлагеря какой-то латыш и удочерил ее. Сначала он уехал с ней в Германию, а затем в США.

Муж мой умер в 1953 году. Но розыск дочери я продолжала...»

А сейчас, как в магнитофоне, я хочу остановить голос освейской матери, чтобы «оживить» слово документа. Возвращаю тем самым на эту вот страницу 1960 год. Исполнительный комитет Союза товариществ Красного Креста и Красного Полумесяца ответил Анне Ивановне: «Ставим Вас в известность, что Американский Красный Крест сообщил нам следующее о Деменщенок А. П., которую Вы разыскиваете. Ее адрес: Миссис

Вильям Лоулор, 35-30,63-я стрит, Вудсайт, Лонг Айланд, Нью-Йорк, США».

Её незабвенная Аллочка стала миссис Вильям Лоулор. Но это не уменьшило радости Анны Ивановны. Она читала и перечитывала переведенные для нее с английского языка строки очередного письма родной дочери.

«Моя дорогая мамочка! получила твое милое письмо, и мне было очень приятно узнать, что вы все здоровы. Несколько дней тому назад, 12 мая, у нас здесь в Америке отмечали День матери, когда все сыновья и дочери выражали внимание своим матерям. Мне было очень тяжело, потому что я не смогла быть с Тобой».

Но «холодная война», которая свирепствовала на нашей планете, тоже находила себе жертвы. Не пощадила она и нашу Анну Ивановну.

О затерявшейся на далеком континенте ее дочери я написал в газету «Голас Радзімы». Сообщил и новый адрес Деменщенок: Витебск, проспект Строителей, дом 18, корпус 1, квартира 121. Получил очередное письмо: «Очень благодарна за статью в газете. Тронута до глубины души тем, что так правильно, точно выразили мои мысли, как бы заглянули в мое сердце. И не могу найти слова признательности... Может, благодаря вам я встречусь со своей дочерью или хотя бы возобновлю связь с ней.

А вот пока отклика на эту статью не получили. И уж, наверное, мне так и не посчастливится свидеться со своей дочерью. Отношения с Америкой у нас не улучшаются, и это еще больше увеличивает нашу разлуку...

С чем сравнить горе матери, потерявшей детей и родных в войну? Еще тяжелее потерять уже найденную мою доченьку.

Я долгое время искала ее, писала всюду, но не могу и по сей день дождаться весточки от Аллочки.

Мне осталось уже немного жить, так как здоровье мое слабое, и мне очень хочется узнать о дочери всю правду: где она сейчас, что с ней?»

О поисках Анной Ивановной Деменщенок своей дочери я писал в книге «Браніслава». Но со дня выхода повести прошло пять лет, а известий от Аллочки как не было, так и не было…

«И земля успокоилась от войны»

Связаться с Аллочкой помог случай. В Минске гостил и давал концерты белорусский певец из Нью-Йорка Данчик (Богдан Андрусишин). В одну из встреч я подошел к его маме, спадарыне Юлии и рассказал о судьбе Аллы. И каково было мое удивление, когда через месяц после полуночи зазвонил в квартире телефон. Вызывал Нью-Йорк. Спадарыня Юлия сообщила, что нашла в Нью-Йорке Аллу Лоулор, уже встретилась с нею, ее мужем Биллом и рассказала о Белоруссии и Витебске, передала просьбу ее матери, Анны Ивановны.

А потом и сама миссис Лоулор позвонила мне, говорила вместе со своей переводчицей Наташей. Оказывается, она в документах записана Галиной.

Так я узнал, что она учит сейчас русский язык и в августе собирается вместе с мужем навестить родину.

Эту радостную весть сразу же передал в Витебск. И мы все вместе начали ждать американских гостей.

Но прежде пришло письмо из Нью-Йорка…

«2 мая 1990 г. Нью-Йорк

Дорогой мистер Панизник!

Я хочу Вас поблагодарить от всей души за все, что вы для меня сделали. Благодаря Вам я смогу увидеться со своей семьей в августе этого года. Трудно найти слова, которые бы выразили степень моей благодарности. Я очень хочу с Вами встретиться, когда я буду в СССР. Я туда поеду по приглашению моей сестры Жени, которая живет в Днепропетровске, а оттуда мы уже сможем поехать в Витебск и Минск, Москву и Ленинград.

Алла-Галина Лоулор».

А родная сестра Аллы, которая отыскалась в Днепропетровске, поведала следующее:

«Получила Вашу книгу. Дети мои не знают белорусского языка, так как жили в основном в России, а теперь — на Украине. Я им переводила текст, но многое они поняли своим сердцем.

Напишу немного о себе. Родилась в 1945 году, окончила Витебский пединститут. Вместе с мужем, военнослужащим, объездила практически всю страну. Два года назад Виктор Никифорович вышел в отставку, и мы обосновались в Днепропетровске. Я работаю в школе — заместителем директора по воспитательной работе. Сын Игорь учится на биологическом факультете ДГУ, дочь — в школе.

Ежегодно бываем в Белоруссии у мамы. Нас очень беспокоит ее здоровье. Хотелось бы жить ближе к ней, но так сложились обстоятельства, что вновь мы на большом расстоянии друг от друга. Помогаю маме чем могу.

Благодарю Вас за заботу о нашей семье, за все хлопоты, связанные с поиском Аллы. Три года назад я написала в Общество Красного Креста и Красного Полумесяца. До сих пор, увы, положительного ответа нет. Только благодаря Вам я обрету родную сестру, а мать — дочь. Низкий поклон Вам за это.

Евгения Павловна. 23.02.90 г.»

И вот наступил долгожданный август. Анна Ивановна сообщила время прибытия поезда из Днепропетровска. Я заблаговременно прибыл в Витебск, но... но на вокзал пойти постеснялся. Да и на проспекте Строителей, в квартире Анны Ивановны решили, что минуты встречи пусть останутся семейной тайной. Ведь встреча состоится через 47 лет, и неизвестно, как будут себя вести мама и дочь.

На следующий день к полудню был на проспекте Строителей. Во дворе поставил машину, направляюсь к подъезду. И какая-то сила меня заставляет взглянуть вверх: на балконе — одна — стояла гостья из Нью-Йорка и внимательно смотрела на меня. Я поздоровался как будто с давно знакомым человеком...

Листаю странички витебского блокнота. Спонтанные записи об узнавании Аллой и родины, и самое себя:

«В Америке, когда видела березы, радовалась им с особенным чувством. Почему? Мне сказали: березы росли возле нашего дома в Маркове...»

Евгения Павловна: «В Москве обедали у родственников. Алла сразу узнала по запаху крестьянское сало. Увидела разрезанный наполовину огурец: «Это надо — так!» — сказала и, посыпав обе половинки солью, быстро потерла одну о другую!

Еще по дороге в Витебск беспокоилась, как будет говорить с мамой, поймет ли ее... Оказалось, русский язык для Аллы дается с трудом, а вот мамин говор, деревенский, «доходит».

Я спросил Аллу, кем она себя чувствует вот здесь, в Витебске. Ответила: американкой — потому что приехала с Биллом из Нью-Йорка, латышкой — потому что воспитывалась в семье Алмы и

Рудольфа Рагсов, белоруской — потому что рядом вновь обретенная мама.

Попросил рассказать и о ее спасителях. Курьезных случаев в жизни Аллы было много. Не исключением является избавление ее от смерти. Когда умерли один за другим д ва брата Аллы, затухла и ее память. Потрясение от смерти Гены и Шуры было неимоверным. Она держала тельце последнего родного ей человечка и не могла понять, почему он перестал с ней разговаривать. («Дальше как завеса — ничего не помню».) В голове застряла только одна мысль: она — Деменщенок. Последняя Деменщенок у матери. И она для матери, для будущей встречи с ней должна сохранить фамилию, само произношение фамилии «Де-мен-ще-нок».

Это слово Алла и произнесла, когда перед ней предстал Рагс Рудольф. Дома у него с женой Алмой были две дочери. Они договорились взять за сына мальчика-сироту. Подстриженная наголо Алла в своей ужаснейшей лагерной одежде (на ней висел мешок с прорезью для головы) вполне сошла за мальчугана. Обманутый внешним видом сироты Рудольф Рагс и привез в родное Апе освейскую узницу. Дома его жена Алма быстро разобралась, что к чему, но возвращать Аллу-Алину в лагерь не захотели, стали воспитывать вместе со своими девочками Илгой и Дайной. Алла любила приемных родителей, но Алму Рагс называла не иначе, как танте (тетя).

Вскоре семья Рагсов эвакуировалась из Латвии. В Германии они долгое время находились в лагере для переселенцев. В 1951 году Рудольфа Рагса не стало. Аллу-Алину с первого дня в новой семье стали называть Халиной (Галиной). После смерти хозяина дома она почувствовала себя вполне самостоятельной и решила попробовать счастья за океаном. Уехала в Америку и определилась в детский дом. Держалась своей фамилии даже тогда, когда и на новом континенте ее захотели удочерить. Это не понравилось американским бездетным супругам, и они отказались от Деменщенок. Вскоре в нью-йоркский детский дом, где находилась Галина, прибыла семья Картеров из Пенсильвании. Взяли девочку к себе и ждали целый год ее отречения от фамилии. Но упорства сироты не сломали и вернули ее в Нью-Йорк. Наконец, семья Беккеров удочерила Галину, смирившись с настойчивым суверенитетом. «Что ж, будешь Деменщенок!» — только и сказали американцы. В этой семье она, еще школьница, и познакомилась со своим будущим мужем Биллом. Дело в том, что Карл Беккер был женат на сестре Билла Доротте. Однажды, будучи в гостях у сестры, он и приметил симпатичную девушку. Через полгода, 5 апреля 1953 года она стала миссис Лоулор.

Всю жизнь Вильям-Галина-Алла ожидала свидания с мате-

рью. Знала, что встреча обязательно произойдет. Однажды, путешествуя с Биллом по Аляске, у волн Берингова пролива посылала привет вместе с солнышком своей далекой матери.

На проспекте Строителей в Витебске я слушал разговор дочери и матери. Запомнились слова Анны Ивановны: «А я была у Балтийского моря на пристани, с которой тебя когда-то увезли в Германию... Я ж там зямельку грызла...»

Случилось так, что с Аллой и Биллом мы в один и тот же день покидали Шереметьево. Я был приглашен на 19-ю встречу белорусов Северной Америки, и еще раз увиделся с Аллой, уже возвращаясь из Кливленда в Москву. Была большая прогулка по Нью-Йорку, были подарки, сувениры на память... Помогала нам беседовать все та же спадарыня Юлия.

Все, о чем не удалось расспросить мне Аллу О во время коротких встреч, я узнал из письма ее сестры из г. Днепропетровска **Лишуковой Евгении Павловны**:

«Вы просили написать о встрече с Аллой. Всё это очень трудно передать словами, но я постараюсь. О дне приезда Алла нам сообщила заранее.

И вот мы в аэропорту. Объявляют посадку самолета. Мы все в ожидании: стоим и смотрим через стеклянные стены и двери зала досмотра. Вдруг я увидела Билла, он шел и внимательно смотрел на встречающих. Я узнала-его сразу. Мы стали звать его, махать руками. Он заметил нас, обрадовался, улыбнулся, помахал в ответ рукой и ушел. Сразу же появилась моя дорогая сестричка. Она была одета во все светлое. Быстро шла, смотрела во все стороны, искала нас. Сразу не заметила, обратила внимание на наши призывы только через несколько минут. Подбежала к нам, мы поцеловались через стекло, переговорили. Затем Алла ушла на досмотр вещей. Во время встречи было все: слезы, радость, смех. Понимали друг друга прекрасно: Алла учила русский язык, мы — английский. Алла и Билл были счастливы от встречи с нами, мы — тоже. Вечером, после отдыха и обеда у тети, мы уехали в Днепропетровск, а еще одна моя сестра Света с мужем — в Витебск. В поезде Алла рассказывала о своей жизни. Вспоминала, как во время войны везли ее вместе с братьями и дедушкой в концлагерь: ехали долго, без воды и пищи; маленькие дети плакали, кричали, дедушка успокаивал их. Помнит, как в концлагере умерли братья, дедушка, как забрала ее латышская семья и увезла в Германию. Алла, маленькая девочка, сумела сохранить свою фамилию — Деменщенок. Сохранила ее и в Нью-Йорке, куда была отправлена с другими детьми.

Живут Алла и Билл вместе 37 лет. Они счастливы. Но всю жизнь ей не хватало родных. И всю жизнь, по словам Аллы, она

знала, что встретится со своими родными. И этот счастливый миг настал. Девятого августа 1990 года она встретилась с сестрами, а 15 августа — с матерью.

Встреча с мамой была очень волнительной, незабываемой. Потом, когда все волнения улеглись, мать и дочь остались одни, вспоминали свое сокровенное.

Аллочка посетила могилу отца и брата в Городке Витебской области. Оставила памятный знак с надписями, привезенными из Нью-Йорка. Взяла с могилы немного земли. Затем мы посетили деревню Марково, где родилась Алла. Она вспомнила деревенскую печь, лежанку на ней, стол со скатертью: под ним она любила играть, когда была маленькой. Вспомнила двойные рамы окон деревенской избы. В деревне Алла также взяла горсть родной земли. Дома, в Нью-Йорке, Алла и Билл сделают уголок родной Белоруссии. В Витебске, в Маркове Алла встретилась с нашими родственниками. Она говорила, что очень счастлива.

Алле и Биллу очень понравился Советский Союз: города, деревни, природа, люди. Они говорили, что наши люди очень хорошие, похожие на американцев. Они отметили, что русские, белорусы, украинцы, как и американцы, хотят жить в дружбе и мире. И если это будет, то нынешний визит был первым, но не последним».

И сегодня, вспоминая дочь Анны Ивановны Аллу, хочу представить, а сколько моих земляков лишились и своих имен, и родины. Известны детские потери на территории Латвии: 39 831 ребенок. Но к этим реальным потерям следует добавить и тех, кто не смог сохранить свой родовод. Ведь в 1944 году только на немецкий пароход «Мюнден» было погружено в порту 160-200 грудных детей из Рижского детдома, 130 — из Майорского... Писатель Борис Саченко утверждает, что всего в Германию было вывезено из Белоруссии около 30 тысяч детей. 3500 литров крови было выкачано из маленьких узников Саласпилса, в том числе из сотен освейских детей, и перелито раненым солдатам вермахта. А ведь где-то живут, может быть, те люди, в жилах которых течет освейская кровь...

Передо мной лежит газета, где напечатано письмо группы учащихся из ФРГ: «Исторический курс профессиональных школ в городе Верден выбрал главной темой курса «Каторжники и каторжницы в Верденском районе во время Второй мировой войны». Ученицы и ученики 12-го класса хотели бы внести свою долю в исследование национал-социалистского прошлого своего округа.

Группа учащихся исследовала архивы, а теперь ищет бывших каторжников и каторжниц или их детей — в качестве свидетелей нацистского режима.

Наш город Верден расположен в 35 километрах южнее ганзейского центра Бремена. Во время фашистского деспотизма, например, на одном только пороховом заводе (лагерь Дёрверден-Гюльзен) работало около 2 000 каторжников, другие каторжники были распределены у крестьян и на мелких предприятиях. В Вердене принуждены были работать около 600 иностранцев. Здесь размещался также внешний отдел концентрационного лагеря «Нойенгамме».

Мы просим поддержать нас в наших усилиях пролить свет на эту темную часть нашей истории...»

Точно знаю, что узниками концлагеря «Нойенгамме» были и освейцы. Свидетели, верю, напишут в Верден. Сейчас это необходимо не только намм.

На последних страницах «Браніславы» я писал о рижанине Николае Клементьеве, который хочет узнать о своих родных, чей он и откуда родом. Анне Ивановне Деменщенок, как видим, повезло. Она встретилась с дочерью. А Николаю я только сообщил (по найденной в архиве справке) его настоящую фамилию: Касенец. Прошло несколько лет, но так и не смогли мы с Николаем найти родных. Правда, в Нью-Йорке живет и работает Эдуард Касинец, заведующий Славянским отделом Публичной библиотеки. Но, как сказал писатель Адам Мальдис, бывший на очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН, Эдуард Касинец общался с белорусами только по-украински. Николай же помнит, к примеру, домашнее слово «млеко» (видимо, семья была католической: таких много на Освейщине) и будто его маму звали Анной...

И все же, несмотря на неудачи, поиск родных и родины Николая Касенца-Клементьева продолжается. И я верю в его счастливый исход.

* * *

В любую пору года словно магнит притягивает меня родное Придвинье. Говорят, что тот народ, у которого в критический момент не хватает людей, способных жертвовать собой во имя общего блага, погибает целиком или рассеивается по свету. В Верхнедвинском районе из 65 тысяч довоенных жителей осталось на земле 31 100 человек. Да, многие рассеяны по свету. И в предзакатном небе чудятся в облаках давние сполохи... Но продолжается человеческий род, рождаются Брониславы, и возвращенные к истокам Памяти люди удивленно всматриваются в непобежденное озарение придвинской земли.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Знали наши друзья
в годы зорной отваги:
мы за правду людскую
готовы стоять...
Беларусь!
              Беларусь!
Мощь звучит в каждом шаге,
и глядит с уважением
ворогов рать.

Напрочь схлынули дни
самых страшных походов,
а короны и троны
исчезли из глаз.
Беларусь!
              Беларусь!
Меж свободных народов —
срок настал —
на почетном ты месте у нас.

Средь сестер, средь друзей,
среди братьев шагаем.
Сколько крепости, мощи
и силы в крови.
Беларусь!
              Беларусь!
Голос твой несмолкаем,
звездный след свой воспой
и бессмертно живи[1].

[1] Перевод с белорусского Николая Кутова.

Антон БУБОЛО, краевед

ОТКЛИКНУТЬСЯ НА ЗОВ ПАМЯТИ

«Освейская трагедия» — книга народной памяти. Ее автор, Сергей Панизник, как никто иной, впитал Придвинье, познав его до заветных глубин, с его былым величием, песенной душой и страданиями. Придвинье у известного писателя и поэта намного шире существующих границ, а постижение его сущности не ограничивается историческими сведениями о Полоцке и Кукенойсе. В переплетении этносов он находит общее русло их духовного родства, устремленного к самосохранению в бурных перипетиях столетий.

Никто бы не упрекнул поэта Панизника, если бы он ограничился только воспеванием наддвинских зорь, плотогонских костров да рыбацких челнов, никто не высказал бы слов упрека литератору, если бы он занимался только изучением кладезей этнографии и фольклора придвинских кривичей и латгалов. Напротив, здесь хватит работы для всех грядущих исследователей и вдохновения для поэтов.

Но в минувшей истории нашего пограничья, давнишней и совсем близкой, есть и трагические страницы, которые до сего дня вызывают жаркие дискуссии в кругах историков и политиков, которым до сих пор не хватает философского и писательского осмысления. Это особенно характерно для периода Второй мировой войны, для событий Освейской трагедии и Саласпилса — они все еще отзываются острой болью в сердцах своих живых свидетелей и их наследников.

Кто пойдет туда, где больно? А если этой боли не измерить? Если к ней страшно прикоснуться, и она остается невысказанной?

Он пошел и прикоснулся *к боли, перед ним раскрыли душу так, как, может быть, не раскрывали перед близкими. Он собрал эти исповеди и представил миру. Выплеснув горе пережитого, кому-то стало легче, как бывает легче, выплакавшись, отрыдав на плече первого встречного, который, увидев твое горе, обнял тебя в глубоком сочувствии и понимании.

В письмах, вошедших в книгу «Освейская трагедия», каждая строка отзывается острой болью в сердце читателя; во многих из них звучат философские раздумья о жизни и смерти, о жертвах и справедливости возмездия.

В каждой семье живут летописи огненных лет, передаваемые из уст в уста следующим поколениям. Каждый имеет право на сохранение памяти своего рода. Но с каждым новым этапом семейной «эстафеты» часть дорогого наследия неизбежно теряется, уходящие из мира сего уносят с собой навсегда что-то недосказан-

ное, что-то важное и невосполнимое. Имеем ли мы право предать забвению свидетельства обожженных судеб, унести их как свое личное из этой жизни? Нужны ли эти свидетельства миру?

Да, нужны, необходимы! — горячо убеждает писатель. Нужны, чтобы навсегда искоренить на планете зло фашизма, чтобы, прочтя их, каждый наполнился решимостью и силой для борьбы за право жить в мире без насилия.

Сергей Панизник награжден латвийским орденом Трех Звезд. За заслуги перед латышской культурой, за неутомимое исследование взаимосвязей национальных культур народов-соседей. В книге «Освейская трагедия» писатель «в знак благодарности» за столь почетное внимание к собственной личности со стороны Латвийского государства вовсе не делает реверансов в сторону нежелательных для разоблачения виновников трагических событий, не обеляет латышских полицаев, орудовавших на Освейщине, не добавляет розовых красок, рисуя образы латышей-хуторян, у которых батрачили выкупленные ими малолетние узники Саласпилса. Он пишет правду. Эта правда в том, что в Божьем мире людей делит и разделяет не принадлежность к той или иной нации, к тому или другому классу — в любом народе есть гуманисты и изверги, есть слуги Сатаны и те, кто носит в сердце добро.

Писатель не ищет оправдания злодеям, но и не навешивает ярлык убийцы на весь латышский народ. При этом он не приписывает себе права адвоката. Обвинителем и защитником, беспристрастным судьей в книге выступают сами адресанты, те, кто исповедался перед ним в своих письмах. Авторские комментарии и отступления занимают в книге не много места — они уместны там, где письма-документы писатель вставляет в рамку мировых событий, где необходимо философское обобщение, — этим он помогает читателю за страшными деталями увидеть целостную картину еще более ужасной пропасти, в которую могло обрушиться человечество, если бы не был побежден фашизм, и в которую может рухнуть наша цивилизация, если забудет о грозившей катастрофе.

Мне Сергей Степанович доверил написать это послесловие, взвалив нелегкий груз на плечи человека, который вовсе не является профессионалом в сфере журналистики или литературы, а тем более — литературной критики. Наверное, единственным критерием такого выбора стала моя непосредственная причастность к Освейской трагедии. Отыскав меня пятимесячным ребенком в списках узников концлагеря, он не ограничился публикацией «журналистской находки», а пошел по следам и нашел меня в реальной, мирной жизни.

Сергей Панизник собрал воспоминания о латышских семьях, спасавших узников Саласпилса. Он и сегодня не устает вести розыск по всему миру.

Мне книги С. Панизника особенно дороги, потому что моя родина — Освейщина. Первые воспоминания детства — это картины послевоенной опустошенной земли, на которой трудно и больно начинали пробиваться ростки жизни. Первой песней, которую я воспринял всем сердцем, была молитва. Измученные дневными трудами женщины с детьми каждый вечер приходили к свежей могиле за околицей, становились сами и ставили нас на колени. В этой могиле первые поселенцы на пепелищах

похоронили обугленные останки прежних жителей деревни. Этих останков было среди пепла не много — наверное, слишком жестоким был огонь, в котором сгорели все 118 трудолюбивых и богобоязненных жителей деревни Петровщина.

Первым сооружением в возрождающемся селении стал большой тяжелый крест на могиле сожженных. Под ним звучал хор голосов наших матерей, в который и мы вплетали свои детские голоса-просьбы к Богоматери: «Ратуй ад войнаў, матка Марыя!» Новые дома ставили позади пепелищ, на месте прежних выросли березы и клены. Ни одного светлого праздника в том доме не прошло, чтобы мы не говорили о войне.

Война не оставляла меня никогда. Она всегда со мной. Давно нет моей деревни, вот и жизнь уже склонилась к закату, а я все еще иду к могилам.

Я такой не один. Нас, вышедших из войны, таких много. Мы все такие, ибо у нас общая боль, общие память и желания.

Книги С. Панизника — только вершина айсберга его гражданского подвижничества во имя Памяти. В его архивах — тома переписки, в его живой биографии — множество поездок и встреч, командировочным удостоверением к которым было чувство долга. Среди его адресатов и адресов — Латвия и Беларусь, Нью-Йорк и Чехия, Украина и Россия, Канада и Марокко. В ореоле такой географии писатель стал гражданином мира. Он сшивал государства и континенты не простым любопытством путешественника, а нитью Памяти. Он ведет поиск разбросанных по планете военных судеб до завершения, счастливого либо печального.

Ненаписанные книги жизней кричат с каждой прочтенной вами страницы. Они побуждают нас осмыслить сегодняшний день, понять цену каждого мирного его мгновения, заставляют душу заняться нелегким делом — пропустить через себя надежды и боль оборванных войною судеб.

Но без труда души, которая черпает силы из кладезей Памяти, невозможно достичь гармонии в безбрежном мире целого человечества, в который неотделимо впаян и осознанный тобою твой личный мир.

Поэтому книга Памяти не может быть окончена. Никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАНИЗНИК Сергей Степанович
ОСВЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1943
Документальная повесть

Редактор В. И. Бацкалевич
Художник В. П. Калинин
Компьютерная верстка Л. В. Михеева
Стильредактор Е. Е. Крицкий